This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

41373

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD LIBRARIES

Karatygin, P. P.

ЛѢТОПИСЬ

ПЕТЕРБУРГСКИХЪ НАВОДНЕНІЙ

1703—1879 гг.

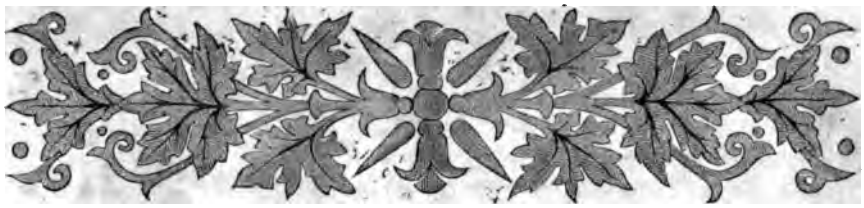
П. П. КАРАТЫГИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11—2

1888

DK579
K3



ЛѢТОПИСЬ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ НАВОДНЕНІЙ.

НАВОДНЕНІЯ для Петербурга то же, что изверженія Везувія для Неаполя. Одно стóитъ другого: тамъ — огонь, здѣсь — вода; но, нельзя не сознаться, что на долю Петербурга выпало изъ двухъ золъ меньшее. «Вода — воръ, огонь — разбойникъ», говорятъ у насъ въ простонародьи: у первой все же что-нибудь да отнимешь; но второй — пожираетъ все, безвозвратно. Если жители Портичи и Соренто спокойно живутъ у подножія Везувія, то въ Петербургѣ, въ Галерной гавани, задолго до теперешняго укрѣпленія ея береговъ, жили и прожили цѣлыя поколѣнія, борясь, чуть не каждую осень, съ наводненіями и не соглашаясь переселиться изъ низменнаго родимаго уголка въ болѣе высокія и безопасныя части города. Привычка — вторая натура.

Несомнѣнно, что острова и прибережья Невы подвергались опустошительнымъ наводненіямъ въ глубочайшей древности. Первое сказаніе лѣтописей о наводненіи въ Ижорскомъ краѣ находимъ подъ 6569—6572 годами (1061—1064 гг.). Это было въ несчастное княженіе Изяслава (Димитрія) Ярославовича. Повѣствуя о злодѣйскихъ набѣгахъ половцевъ и усобицахъ удѣльныхъ князей, лѣтописецъ говоритъ, что всѣмъ этимъ бѣдствіямъ были «знаменія»: «рѣка Волховъ шла вверхъ пять дней; кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на Западѣ[1]); солнце утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей, подобно мѣсяцу»... Слѣдовательно,

[1]) Пенгре (Pingré) въ своей «Кометографіи» говоритъ, что кометы являлись въ Европѣ повсемѣстно съ 1060 по 1065 г. съ 29 августа до половины мая.

(замѣчаетъ В. Н. Берхъ [1]), надобно заключить, что Балтійское море, поднявшись въ то время до большой высоты, удержало воды Ладожскаго озера и заставило всѣ впадающія въ него рѣки принять противное направленіе.

Василій Никитичъ Татищевъ [2]) замѣчаетъ, что это могло быть отъ причины весьма естественной, а именно, весною, отъ скопленія льдовъ выше пороговъ. Н. М. Карамзинъ говоритъ: «Волховъ, дѣйствительно, течетъ иногда обратно въ озеро Ильмень». Съ этимъ мнѣніемъ можно бы согласиться, ежели бы обратное теченіе Волхова продолжалось не пять сутокъ, а нѣсколько часовъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ о рѣкѣ Волховѣ, извѣстно, что весною, когда ледъ, покрывающій рѣку, вдругъ взломаетъ, то въ узкихъ мѣстахъ образуются изъ него плотины, препятствующія настоящему теченію рѣки. Такъ какъ вода, прибывающая изъ Волховца съ быстротою, находитъ преграду, то и заставляетъ рѣку Волховъ течь въ озеро Ильмень, на нѣсколько часовъ, пока скопившійся ледъ промоетъ [3]).

Авторъ интересной книги: «Преобразованная (или Пересозданная) Россія», современникъ Петра Великаго—брауншвейгъ-люнебургскій резидентъ Фридрихъ-Христіанъ Веберъ [4]) сообщаетъ о наводненіи случившемся на берегахъ Невы до построенія С.-Петербурга. «Въ 1691 году»,—говоритъ онъ,—«было здѣсь наводненіе и простиралось до шведской крѣпости Нізншанца, находившейся на рѣкѣ Охтѣ, разстояніемъ отъ нынѣшней Петропавловской крѣпости въ 5 верстахъ». Рыбаки, (обитавшіе въ нынѣшней петербургской части), разсказывали ему, что черезъ каждыя пять лѣтъ случались здѣсь наводненія, отъ которыхъ они обыкновенно убѣгали на Дудергофскую гору. «Судя по разсказамъ ихъ, надобно полагать»,—продолжаетъ Веберъ,—«что вода поднималась на 25 футовъ выше ординара».

Хотя Веберъ не прилагаетъ доказательствъ, но зная, насколько было низменно тогда положеніе береговъ Невы и многихъ частей нынѣшняго Петербурга, съ нимъ легко можно согласиться, убѣждаясь еще болѣе тѣмъ, что ежели бы рыбаки знали поближе какое-нибудь мѣсто, не затопляемое водой, то не имѣли бы надобности ѣхать, или бѣжать для спасенія за 25 верстъ.

Затѣмъ, съ перваго же года основанія Петербурга, Нева, какъ бы вызывая Петра Великаго на борьбу съ собою, хлынула на созидаемый имъ городъ.

---

[1]) Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ бывшихъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 1826 г., 86 стр. въ 8 д. л.

[2]) Род. въ 1686, † 1750 г. См. Карамзина, томъ II, примѣч. 113.

[3]) Щекатовъ, Географическій Словарь, томъ I, стр. 1025.

[4]) «Das Veränderte Russland», томъ III, стр. 19.

1703.

Со дня заложенія Петербурга прошло лишь два мѣсяца; работы по возведенію бастіоновъ Петропавловской крѣпости, по плану начертанному Петромъ, были въ полномъ разгарѣ, но 19-го августа внезапно были прерваны наводненіемъ; оно разнесло часть лѣса и строительныхъ матеріаловъ и превратило лагерь нашихъ войскъ, на рубежѣ нынѣшней Петербургской и Выборгской сторонъ, въ непроходимое болото. На другой же день начальствовавшій войсками, князь Аникита Ивановичъ Репнинъ[1]), писалъ государю, находившемуся тогда въ Лодейномъ Полѣ:

«Зѣло, государь, у насъ жестока погода с' моря и набиваетъ въ нашемъ мѣстѣ, гдѣ я стою съ полками, воды аж до моего станишки; ночесь въ Преображенскомъ полку в' полночь у харчевниковъ многихъ сонныхъ людей и рухлядь ихъ помочило, а жители здѣшнія, государь, сказываютъ, что во нынѣшнемъ времени всегда то мѣсто заливаетъ».

1705.

Съ вечера, съ 4 на 5 октября, вода въ Невѣ поднялась на столько, что подмочила припасы, сложенные въ новыхъ амбарахъ, на адмиралтейскомъ дворѣ, уже обнесенномъ валомъ. Въ «Юрналѣ» Петра I говорится даже о потопленіи многихъ домовъ, однако же наводненіе, продолжавшееся лишь четыре часа, особенно сильныхъ поврежденій или убытковъ не причинило.

1706.

Объ этомъ наводненіи государь писалъ А. Д. Меншикову:

«Третьяго дня (9-го сентября) вѣтромъ вестъ-зюйдъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверху пола 21 дюймъ и по городу и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили на лодкахъ. Однакожъ не долго держалась: менѣе трехъ часовъ. И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа сидѣли — не точію мужики, но и бабы. Вода хотя и зѣло велика была, бѣды большой не сдѣлала. — Изъ Парадиза».

Парадизомъ, т. е. «раемъ», Петръ Великій называлъ свой возлюбленный Петербургъ. Съ этимъ прозвищемъ плохо ладится разсказъ о наводненіи и его сравненіе съ потопомъ: послѣдній, какъ извѣстно, случился послѣ изгнанія нашихъ прародителей изъ рая.

---

[1]) Родился въ 1668, умеръ въ Ригѣ 3 іюля 1726 года.

Резидентъ Веберъ говоритъ въ своей книгѣ о двухъ наводненіяхъ, бывшихъ въ 1713 году, при которыхъ всѣ острова были покрыты водою. Первое случилось ночью и жители, почти сонные, спасались въ уносимыхъ постройкахъ. За отсутствіемъ свидѣтельства русскихъ современниковъ можно заключить безошибочно, что онъ говоритъ объ одномъ изъ двухъ предъидущихъ. В. Н. Берхъ, почерпавшій извѣстія о наводненіяхъ при Петрѣ I изъ книги Вебера, не обошелъ бы молчаніемъ этого сообщенія иностраннаго писателя.

1707.

На другой день отъѣзда Петра I изъ Петербурга (2-го декабря) въ ночи съ 3-го на 4-е декабря была жестокая «буря съ моря», непродолжительная, которая однако же «наведеннымъ страхомъ дѣло у всѣхъ отъ рукъ отбила».

1710.

Въ «Юрналѣ» 1710 года записано: «Противъ 10-го дня декабря, въ ночи, на рѣкѣ Невѣ прибыла великая вода и той же ночи сошла вся; а на другой день, противъ 11-го числа въ ночь, также прибывала противъ прежней въ полы. И въ тотъ день былъ зѣло великой вѣтръ съ моря».

По поводу этого наводненія баронъ Генрихъ Гюйсенъ говоритъ въ своемъ описаніи Петербурга: «надо замѣтить, что при низменности мѣста, на которомъ построенъ С.-Петербургъ, каждый сильный вѣтеръ съ моря угрожаетъ большою опасностью и несчастіями. Въ мою бытность такая морская погода случалась два раза и какъ въ подобныхъ случаяхъ всѣ острова покрываются водою и часто приходится спасаться на шлюпкахъ, то покойному герцогу Курляндскому, [1]) жившему у самой рѣки едва удалось сберечь свою жизнь. Особенно опасны и причиняютъ много вреда эти бури въ ночное время, какъ тоже однажды при мнѣ случилось, когда людей, еще не опомнившихся отъ сна, вдругъ понесетъ быстрина съ ихъ домами и скотомъ».

1715.

Этого наводненія, 5-го ноября, Веберъ былъ очевидцемъ. Вода возвысилась на 7 футовъ 4 дюйма. [2]) Вода, говоритъ онъ, снесла всѣ мосты и деревянныя укрѣпленія береговъ рѣки Невы. По описанію сему, замѣчаетъ В. Н. Берхъ (стр. 5), нельзя опредѣлить вы-

---

[1]) Мужъ цесаревны Анны Іоанновны, умершій на станціи Кипѣнь 9-го января 1711 года.

[2]) Веберъ, т. I, стр. 469.

соту оной; но надобно замѣтить, что Исаакіевскаго моста чрезъ Неву тогда еще не было: первый мостъ поставленъ въ 1728 году. По мостамъ же, чрезъ малыя рѣчки наведеннымъ, нельзя сдѣлать заключенія, ибо берега оныхъ были тогда низки.

1716.

Наводненіе при жестокомъ штормѣ. Адмиралъ Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ: «что отъ нея (т. е. отъ воды) вреда было въ С.-Петербургѣ, того я, пріѣхавъ туда въ октябрѣ, ни отъ кого не слыхалъ и самъ не видалъ. Въ Ревелѣ же военную шведскую гавань разорило и три корабля на берегъ выкинуло». О штормѣ въ Ревелѣ капитанъ-командоръ и начальникъ тамошняго порта Сиверсъ писалъ генералъ-адмиралу графу Ѳ. М. Апраксину [1]) слѣдующее:

«Сіятельнѣйшій графъ генералъ-адмиралъ, мой милостивый государь Ѳеодоръ Матвѣевичъ! Писанія вашего высоко-графскаго сіятельства, ноября 5-го до 6-го чиселъ изъ Абова, сейчасъ получилъ, которыя меня въ такой великой печали еще обрадовали. Съ великою смертельною печалію принужденъ доносить вашему высокому графскому сіятельству, какая Божія воля, здѣсь, при Ревелѣ, чинилась причина.

«Сего ноября 10-го числа по утру, до свѣту, стала погода великая нордъ норд-вестъ и нордъ; отчего одинъ ящикъ изъ новой гавани изломался весь; къ ночи утихла погода. Ноября 12-го числа тише была и четыре корабля изъ новой гавани въ старую перевели.

«Сегожъ ноября 13-го числа въ 6 часу по полуночи, погода изъ моря зѣло сильна стала съ помянутымъ вѣтромъ; а въ 7 часу другой ящикъ изломался, и понесло опрокинувши его вверхъ, по первую рѣшетку съ камнями и съ пушками въ гавань, какъ первой ящикъ; а потому и фланка (флангъ) крайняя. А въ 3 часу по полудни тогожъ числа, два ящика изъ другой гавани, какъ въ чертежу нумерами показано; а въ 4 часу пополудни послѣдній ящикъ изъ новой гавани понесло.

«Когда фланку крайнюю понесло, корабль «Антоній», который за оными ящики стоялъ, поворотился и сталъ на якорѣ; но понеже онѣ отъ мели недалеча, отъ великихъ валовъ стукнулъ на мель. И потомъ больно течь сталъ и потонулъ; а разбился меньше часа.

«Когда послѣдній ящикъ изъ первой гавани понесло и разломался, тогда корабль «Фортуна» сталъ на якорѣ; а отъ лѣсовъ понесло его близко мели; а какъ якорь сталъ держать, а онъ стукнулъ на мель, отчего онъ потонулъ. Однакожъ выше «Антонія» и не такъ разбитъ.

---

[1]) Род. въ 1661 † 1728.

«Я не могу вашему высоко-графскому сіятельству писать всѣ страхи и бѣды, которые терпѣли; а буду посылать завтра чрезъ Финляндію нарочнаго офицера до вашего сіятельства съ рапортомъ и вѣдомостьми объ корабляхъ, что на нихъ повредилось.

«Какъ вчерась къ ночи утихло, начали достальные корабли изъ новой гавани въ старую выводить; и сегодни всѣ сколько могли трудились ихъ перевесть въ старую гавань, въ которую, умѣстятся; дабы ежели достальная гавань испортится (отъ чего Богъ сохрани) большой бѣды не достались; а тогда и андабры попадутъ.

«Могу донесть вашему высоко-графскому сіятельству, что подъ страхомъ не много людей у насъ пропало. Вашего сіятельства и проч. Петръ Сиверсъ. Ноября 15-го дня 1716 года въ Ревелѣ».

1720—1721.

Раскольники, ненавистники Петра, заклятые враги его преобразованій и нововведеній, всячески мутили народъ, во все продолженіе его царствованія, ложными чудесами и всякими нелѣпыми пророчествами. Такъ было, между прочимъ, въ 1720 г. Явился какой-то пророкъ-пустосвятъ, предсказывавшій, что ко дню зачатія Предтечи, 23-го сентября, съ моря нахлынетъ вода на городъ, выше всѣхъ прежнихъ водъ. Она затопитъ Петербургъ и изведетъ весь народъ за отступленіе отъ православія. На Петербургскомъ островѣ у Троицкой пристани, неподалеку отъ крѣпости, стояла древняя сосна, или ольха. Чухны, жившіе здѣсь еще до основанія Петербурга, разсказывали объ этомъ деревѣ чудеса. Ночью въ Рождественскій сочельникъ 1701 года надъ деревомъ явилось внезапное зарево отъ множества восковыхъ свѣчъ на немъ зажженныхъ. Чухны, надѣвъ топоръ на жердь, стали рубить сукъ на деревѣ, думая, что свѣчи спадутъ съ него. Свѣтъ, послѣ нѣсколькихъ ударовъ исчезъ, а отъ топора остался на деревѣ рубецъ, пальца въ два, на двѣ сажени отъ земли. Пророкъ говорилъ, что 23-го сентября вода покроетъ берегъ на высоту именно этой самой зарубки. И чухны и русскіе вѣрили этому вранью и жители Петербурга пріуныли и стали переселяться съ низменныхъ прибережьевъ Невы на мѣста болѣе высокія. Воздержимся отъ упрековъ нашихъ предковъ въ суевѣріи: Петербургъ повѣрилъ предсказанію о наводненіи въ 1852 году; вѣрилъ въ возможность столкновенія кометы съ землею—въ 1859, а лѣтъ пять тому назадъ—въ близкое свѣтопреставленіе. Чтобы образумить суевѣровъ, Петръ Великій, призвавъ на берегъ Невы роту преображенцевъ, приказалъ имъ срубить чудесное дерево въ своемъ присутствіи: оно рухнуло, но пень остался и еще въ 1725 году его ходили смотрѣть какъ рѣдкость. У этого самаго пня пророка наказали кну-

томъ, надѣлавъ ему насѣчекъ много пониже намѣченной высоты наводненія, а народу внушили, чтобы онъ баснямъ не вѣрилъ. Однако же, говорятъ, будто наводненіе дѣйствительно случилось въ 1720 году, но только не въ то число, которое предсказывалъ пророкъ.

Но слово «говорятъ»—не авторитетъ: весьма часто самая наглая ложь пускается въ ходъ подъ этою эгидою, напоминающею фальшивое клеймо золотой пробы на мѣдномъ издѣліи. О наводненіи въ 1720 году не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ, кромѣ слова: «говорятъ». Всего вѣрнѣе, что пророчество сбылось въ слѣдующемъ 1721 году, о которомъ сохранились свидѣтельства несомнѣнныя. Веберъ говоритъ: [1]) «ноября 5-го по старому стилю, выступила Нева съ жестокостью изъ береговъ своихъ; ибо 9 дней сряду продолжался жестокій вѣтръ отъ юго-запада. Крѣпость, которую начали строить въ 1706 году и Ладожскій каналъ, начатый въ 1718 году, были повреждены и занесены во многихъ мѣстахъ пескомъ».

Бергхольцъ оберъ-каммергеръ герцога Голштинскаго [2]) описываетъ несчастіе это слѣдующимъ образомъ: «Ноября 5-го 1721 года пошелъ я въ 11 часовъ до полудни во дворецъ (къ герцогу) слушать проповѣдь; но служба уже кончилась, ибо его высочество спѣшилъ ѣхать къ графу Кинскому. Около сего времени вошелъ кто-то въ залъ и сказалъ: вода прибываетъ. Я вышелъ немедленно на улицу и увидѣлъ съ удивленіемъ, что она уже выступила изъ канала при коемъ стоялъ домъ нашъ. [3]) Испытавшіе несчастіе сіе прежде весьма перепугались, а особливо генералъ-маіоръ Штейнфлихтъ и полковникъ Бонде, жившіе въ нижнемъ этажѣ. Сосѣдъ нашъ посланникъ Стамке пришелъ также въ страхъ, ибо ему случалось нерѣдко видѣть у себя во дворѣ воду и кушанье возили ему въ то время на лодкѣ, потому что кухня его была черезъ дворъ, въ значительномъ отдаленіи отъ занимаемыхъ имъ покоевъ».

«Помянутые господа, желая побывать дома, пошли вмѣстѣ со мною; но мы не могли попасть чрезъ мостъ, ибо онъ покрытъ былъ водою и возвратились назадъ. Вскорѣ послѣ сего пошелъ я опять, изъ любопытства, къ ближнимъ каналамъ, и увидѣлъ въ маломъ каналѣ, находившемся между почтовымъ дворомъ и домомъ нашего герцога, огромную барку. На той сторонѣ (на Васильевскомъ островѣ) было еще ужаснѣе: вода дошла до оконъ кофейнаго дома и по всему пространству носилось множество разныхъ судовъ. Вода

---

[1]) Веберъ: томъ II, стр. 19.

[2]) Супругъ цесаревны Анны Петровны—отецъ императора Петра III—Карлъ Фридрихъ Гольштейнъ-Готторпскій.

[3]) Вѣроятно на Крюковомъ каналѣ.

преслѣдовала меня такъ сильно, что я убрался опять въ домъ нашего герцога, гдѣ нашелъ всѣхъ въ великой тревогѣ; ибо погреба и кладовыя наши затопило. Не взирая на таковое положеніе воды, приказалъ герцогъ закладывать карету дабы ѣхать къ графу Кинскому. Мы представляли его высочеству, что это почти невозможно, ибо предлежащій ему путь не удобенъ для ѣзды большимъ экипажемъ и въ сухое время. Не взирая на многія убѣжденія наши, сѣлъ герцогъ въ свою карету, запряженную 6-ю лошадьми и взялъ съ собою тайнаго совѣтника Гипена и подполковниковъ Лорха и Салдерна».

«Карета отправилась въ путь; но выѣхавъ на площадь и усмотря, что всѣ маленькіе мосточки (krüppel Brücken) снесены были уже водою, заѣхалъ герцогъ къ тайному совѣтнику Бассевичу [1]) и рѣшился ждать тамъ пониженія воды. По отбытіи герцога занялись мы домашними работами, и, поелику вода шла еще на прибыль, перевели съ большимъ трудомъ лошадей нашихъ во второй этажъ. На улицу въ сіе время было страшно выглянуть: вода мчала съ неимовѣрною быстротою разныя суда и такое множество лѣсу, что мы не могли понять откуда оный берется».

«У насъ на дворѣ во время самой большой высоты воды доходила оная лошадямъ до брюха; но, по всѣмъ улицамъ можно было свободно ѣздить въ лодкахъ. Вѣтеръ былъ такъ жестокъ, что срывалъ черепицы съ кровель. Въ половинѣ второго часа пополудни начала вода сбывать; а въ 7 часовъ вечера не было уже оной совсѣмъ на улицахъ».

«Ноября 10-го 1721 года начала послѣ обѣда опять прибывать вода и въ 6 часовъ получено было извѣстіе отъ посланника Стамке, у котораго его высочество хотѣлъ ужинать, что каналъ, передъ домомъ его находящійся, наполнился уже водою. При семъ вторичномъ случаѣ приняли с.-петербургскіе жители всевозможную предосторожность, ибо сверхъ выше приведеннаго несчастія, напугалъ ихъ еще крестьянинъ, пророчившій, что весьма скоро будетъ опять вода на три локтя выше прежней. Не взирая на сіе извѣстіе, отправился герцогъ къ г. Стамке и, прибывъ туда, отослалъ карету домой, а приказалъ прислать себѣ баржу, ибо вода выступила уже на улицы. Посланникъ убѣждалъ герцога возвратиться домой, сказывая, что 5-го ноября подняла у него вода полы; что, вѣроятно, и теперь случиться можетъ. Но его высочество, не уваживъ сихъ представленій, сказалъ рѣшительно, что онъ хочетъ здѣсь ужинать. Поелику кухня была чрезъ дворъ, то люди шли съ кушаньемъ по колѣно въ водѣ. За столъ сѣли мы очень хорошо и были вскорѣ

---

[1]) Графъ Генингъ Фридрихъ фонъ-Бассевичъ (род. въ 1680 † 1749). Авторъ любопытныхъ записокъ о послѣднихъ годахъ императора Петра Великаго и о царствованіи Екатерины I.

обрадованы извѣстіемъ, что вода сбываетъ. Въ 11 часовъ вечера возвратились мы домой въ баржѣ».

«Послѣ воды, случившейся 5-го ноября читанъ былъ на всѣхъ перекресткахъ при барабанномъ боѣ имянной указъ: какъ вода начнетъ прибывать, то весь рогатый скотъ и лошадей отсылать въ лѣсъ. Въ сей вечеръ были туда отосланы всѣ придворные лошади, какъ равно и наши; въ 9 часовъ утра привели ихъ обратно».

Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ говоритъ: «въ 1721 году, въ октябрѣ и ноябрѣ была въ С.-Петербургѣ и въ Кронштадтѣ большая вода. Самъ я оной не видалъ; ибо командированъ былъ на Черную рѣчку рубить дрова для казармъ. Послѣ извѣстился я, что его императорское величество, во время той высокой воды и шторма, выѣхавъ на буерѣ изъ Зимняго дворца на лугъ, окружающій Адмиралтейство, изволилъ тѣшиться лавированіемъ между церковью св. Исаакія и греческою, что нынѣ ..... (?) улица».

Вотъ что говоритъ Бергхольцъ о государѣ: «когда мы прибыли на свою квартиру (5-го ноября), то послали меня во дворецъ узнать, возвратился ли его величество домой, или есть ли о его величествѣ какое извѣстіе. Поутру, еще до воды, отправился царь къ графу Кинскому и государыня не имѣла о немъ извѣстія цѣлый день, хотя и отправляла трехъ курьеровъ, изъ коихъ, говорятъ, одинъ потонулъ. Сей несчастный, прибывъ къ мосточку, и не зная, что оный уже унесенъ былъ водою, оступился и погрязъ въ водѣ. Прибывъ во дворецъ, поймалъ я насилу одного нѣмца, которому пересказавъ мое порученіе, получилъ чрезъ него слѣдующій отвѣтъ: «его величество уже часъ какъ пріѣхалъ отъ графа Кинскаго и изволитъ лежать въ постели».

Основываясь на словахъ графа Сапѣги, [1]) Берхгольцъ говоритъ, что отъ этого наводненія князь Меншиковъ потерпѣлъ убытку на 20,000 рублей.

1723.

Въ этомъ году были два наводненія: въ октябрѣ и въ ноябрѣ мѣсяцахъ.

Во второмъ томѣ Академическихъ актовъ профессоръ Крафтъ напечаталъ: «октября 2-го числа 1723 года, была опять большая вода, выше воды 1721 года на три дюйма». Но Крафтъ не упоминаетъ изъ какого источника почерпнулъ онъ это извѣстіе. Бергхольцъ, въ это же время бывшій въ Петербургѣ, объ этомъ наводненіи не упоминаетъ ни слова, а говоритъ только, что «2-го октября въ 5 часовъ послѣ обѣда отправился государь со своею флотиліею въ Кронштадтъ». Слѣдовательно въ это число не было большой воды.

---

[1]) Временщикъ кратковременнаго царствованія Екатерины I,—фельдмаршалъ † въ февралѣ 1730 года.

«Октября 6-го числа,—продолжаетъ Бергхольцъ,—былъ государь съ государынею и всѣми знатными въ большой церкви. По окончаніи литургіи, дано было всѣмъ знать, чтобъ явиться въ два часа въ домъ къ князю Меншикову, дабы оттуда слѣдовать вмѣстѣ къ закладкѣ новаго Кронштадтскаго канала и доковъ. Хотя всѣ въ назначенное время собрались, но, поелику шелъ дождь, жестокій вѣтеръ еще продолжался и мѣсто, гдѣ намѣрены были дѣлать закладку, покрыто было водою, то процессію сію и отложили до другого времени». По этому разсказу можно принять, что 6-го октября была вода, но не очень высокая. Заключеніе это подтверждается нижеприведенными словами Бергхольца:

Ноября 8-го, 1723 года. «Въ сію ночь дулъ вѣтръ со всею жестокостію, и вода поднялась въ три часа такъ высоко, что выступила изъ всѣхъ каналовъ, и превзошла ту высокую воду, которая случилась въ тотъ день, какъ мы въ Кронштадтѣ были, на одинъ футъ». Происшествіе это нанесло множество безпокойства и причинило значительные убытки. Вѣроятно, покрыты уже были всѣ каналы и Нева до 8-го ноября льдомъ; ибо Бергхольцъ продолжаетъ: «ноября 9-го не было уже на рѣкѣ и каналахъ льда, и капитанъ Бенсъ отправился до обѣда на шлюпкѣ въ Кронштадтъ». Въ календарѣ сказано: «1723 года, покрылась Нева льдомъ 16-го ноября». Вѣроятно, не упомянуто о томъ, что она прежде была покрыта льдомъ, потому, что оный разнесло.

1724—1725.

Опять обращаемся къ повѣствованіямъ Бергхольца.

«Ноября 1-го числа, въ 10 часовъ утра, была очень высокая вода во всемъ городѣ и жестокій морской вѣтръ. Во время возвышенія воды, когда вѣтръ дулъ со всею свирѣпостью, ѣхала государыня въ шлюпкѣ изъ Лѣтняго дворца, гдѣ она еще до сихъ поръ жила, на другую сторону, дабы помолиться въ церкви Живоначальныя Троицы. Но когда ея величество прибыла къ «четыремъ фрегатамъ» [1]) на С. Петербургскую сторону, то вода была уже такъ высока, что нельзя было дойдти до кареты».

«И такъ государыня отправилась въ обратный путь, но уже не въ свой Лѣтній дворецъ, а въ государевъ Зимній съ намѣреніемъ остаться тамъ жить. Ея величество, проѣзжая мимо крѣпости, салютовала оной тремя выстрѣлами и получила столько же въ отвѣтъ».

«Послѣ обѣда, ноября 2-го числа, возвратился государь въ

---

[1]) Такъ, по украшавшимъ его ворота моделямъ фрегатовъ, назывался кофейный домъ на Петербургской сторонѣ близь деревянной пирамиды въ память морской битвы при Гангутѣ (27-го Іюля 1714), при которой взято было четыре шведскіе фрегата.

С.-Петербургъ. Во время вчерашняго шторма испыталъ его величество много опасностей на пути отъ Дубковъ. Одно изъ слѣдовавшихъ за нимъ судовъ погибло и два только человѣка спаслись съ онаго. Государь поставилъ яхту свою на два якоря и такъ провелъ всю ночь. Всѣ бывшіе на оной очень трусили».

Эта самая буря была отчасти причиною смерти Петра Великаго, въ январѣ слѣдующаго 1725 года. Онъ, уже больной, спасалъ утопавшихъ у береговъ Лахты; эта простуда ожесточила недугъ государя.

Профессоръ Крафтъ подъ 5 числомъ ноября 1725 года отмѣтилъ наводненіе: «жестокій вѣтръ отъ юго-запада,—говоритъ онъ,—продолжался съ 9 часовъ до полуночи». Но,—замѣчаетъ В. Н. Берхъ,—Крафтъ умалчиваетъ опять откуда почерпнулъ сіе свѣдѣніе (стр. 19—21) и въ опроверженіе авторъ «Историческаго извѣстія о новодненіяхъ» приводитъ выписку изъ Бергхольца о 1724 годѣ, относя его къ 1725. Промахъ тѣмъ болѣе грубый, что о Петрѣ говорится какъ еще о живомъ лицѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ фельетонныхъ историковъ очень наивно повторили ту же ошибку.

1726.

Наводненій, въ этомъ году было три: 18-го сентября, въ октябрѣ и 1-го ноября.

О первомъ упоминаетъ Крафтъ, не показывая точной мѣры высоты воды.

О второмъ, свирѣпствовавшемъ въ Кронштадтѣ, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» адмиралъ Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ: «Въ октябрѣ 1726 года была большая вода отъ шторма съ моря, отчего весь Кронштадтъ потопленъ былъ, кромѣ высокаго мѣста, гдѣ нынѣ церковь Богоявленія, и Екатерининской улицы».

Крафтъ по поводу наводненія 1-го ноября говоритъ, что профессоръ Лейтманъ опредѣлилъ возвышеніе воды сверхъ Невскаго ординара на 8 футовъ и 2 дюйма съ дробями, т. е., что она была на 8 дюймовъ выше воды 1721 года. Изъ сего вывода, продожаетъ Крафтъ, можно опредѣлить высоту водъ 1721, 1723 и 1725 гг. Вѣроятно, Крафтъ имѣлъ еще нѣсколько данныхъ, о коихъ умолчалъ.

Въ семь часовъ поутру 1-го ноября 1726 года, насталъ жестокій вѣтръ отъ юго-запада, продолжался въ одной силѣ шесть часовъ.

Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ говоритъ объ этомъ наводненіи: «1726 года была въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ высокая вода; мнѣ случилось въ то время быть въ караулѣ въ кронштадтской цитадели. Вода выгнала насъ вечеромъ изъ каральнаго дома, врѣзаннаго во внутренность вала, и потомъ, прибывая постепенно, сго-

няла насъ съ банкета на банкетъ, потомъ и всю пушечную платформу покрыло, а по сему и должны мы были отсиживаться на цитадельскихъ пушкахъ, и были окачиваемы морскими валами, перекатывавшимися чрезъ цитадельскій брустверъ. До полуночи пребывали мы въ отчаяніи живота; однако, Богъ спасъ всѣхъ насъ безъ упаду».

По случаю этого наводненія состоялся слѣдующій имянной указъ:

«Понеже въ прошломъ 1721, ноября 5 и въ нынѣшнемъ 1726 ноября 1-го числъ, отъ прибылой, нечаянной воды, за низостью здѣсь въ строеніяхъ, обывателямъ есть не безъ раззоренія; того ради, сожалѣя о нихъ, ея императорское величество указала: для опасности отъ такой же воды, всякое строеніе впредь кому гдѣ надлежитъ строить, выше нынѣшней бывшей воды на футъ, и для того вездѣ на строеніяхъ поставить знаки; о чемъ въ народъ и архитекторамъ объявить. Екатерина. Ноября 21-го дня 1726 года».

Чулковъ говоритъ, что послѣ этого наводненія образовался на Малой рѣкѣ Невѣ небольшей новый островъ, который, отъ пустоты, названъ островъ Буянъ. На семъ островѣ, продолжаетъ онъ, по близости онаго отъ биржи и купеческой корабельной пристани, построены пеньковые и масляные амбары [1]).

1729.

Октября 12, отъ жестокаго юго-западнаго шторма вода поднялась до 7 футовъ 1 дюйма и затопила всѣ острова. Людей погибшихъ отъ наводненія не было; но истреблено много скота и домашней птицы. Изъ низменныхъ частей города наиболѣе пострадали Васильевскій островъ и Коломна. Охотники до таинственныхъ сближеній событій историческихъ съ явленіями естественными говорили впослѣдствіи, что это наводненіе было предвѣстникомъ смерти князя Меншикова: черезъ десять дней, именно 22 октября, онъ тихо угасъ въ далекомъ, пустынномъ Березовѣ.

1732.

Крафтъ упоминаетъ, что 15 сентября была высокая вода; но, вѣроятно, онъ не имѣлъ случая собрать объ ней свѣдѣнія, ибо не показалъ высоты. По рапорту вице-адмирала Сандерса, исправлявшаго должность главнаго командира въ кронштадскомъ портѣ, видно, что въ эту воду попортило въ Кронштадтѣ много зданій, а особенно новый каменный каналъ (Берхъ, стр. 25).

---

[1]) «Историческое описаніе Россійской коммерціи», т. VIII, стр. 737.

П. Н. Петровъ въ своей «Исторіи Петербурга» говоритъ, что наводненіе было 19-го сентября, кончилось оно скоро безъ большого вреда, хотя вода и выходила на берегъ во всѣхъ сколько-нибудь низменныхъ мѣстахъ (стр. 276).

1736.

Годъ достопамятный двумя противуположными бѣдствіями, постигнувшими Петербургъ: пожаромъ и наводненіемъ. Первый—11 августа начался въ самый полдень въ домѣ, занятомъ персидскимъ посломъ, Ахметъ-ханомъ, на Мойкѣ у Зеленаго (нынѣшняго Полицейскаго) моста. Быстро распространявшееся пламя охватило многія зданія по набережной, Гостинный дворъ (нынѣшній домъ Елисѣева) и въ теченіе восьми часовъ испепелило часть города отъ Зеленаго моста до церкви Вознесенія.

О наводненіи Крафъ говоритъ: 10-го сентября были почти всѣ части города затоплены. Вѣтеръ дулъ отъ запада съ такою жестокостію, что, по наблюденію, оказалось, что онъ пробѣгалъ въ одну секунду 123 фута.

1744.

Два наводненія: 17-го августа и 9-го сентября. При первомъ жестокій, сѣверо-западный вѣтеръ поднялъ воду на высоту 7 футовъ. Сентября 9 задулъ поутру сильный вѣтръ отъ востока, выгнавшій почти всю воду изъ каналовъ. Послѣ обѣда вѣтеръ началъ отходить и, установясь отъ юго-запада, дулъ съ неимовѣрною жестокостью всю ночь. Крафтъ говоритъ, что наводненіе было очень велико, но высоты воды не означаетъ (Берхъ, стр. 26).

1752.

По свидѣтельству Крафта, 22 октября, поднялась вода при западномъ вѣтрѣ до высоты 8 футовъ 5 дюймовъ, что означено и на крѣпостныхъ воротахъ. Октября 25 вода поднялась до высоты 6 футовъ; 26 числа до 7 футовъ; а 28 числа достигла опять до 6 футовъ и хотя отъ запада дулъ очень умѣренный вѣтеръ, но она простояла въ такомъ положеніи цѣлыя сутки. Впослѣдствіи получено было свѣдѣніе, что въ Балтійскомъ морѣ былъ жестокій юго-западный вѣтеръ. Декабря 11 дулъ западный вѣтеръ и вода поднялась опять до высоты 7 футовъ; но неизвѣстно долго ли оставалась въ такомъ положеніи.

Другой исторіографъ наводненій, Тукъ, говоритъ: «Октября 22-го числа, въ 10 часовъ вечера, насталъ жестокій штормъ отъ юго-запада, причинившій мгновенное наводненіе. Вода поднялась до высоты $9^1/_2$ футовъ сверхъ ординара; всѣ острова и части города,

[illegible] Ладоги и [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]

числа—6 футовъ; слѣдовательно была она по этому размѣру менѣе 4 футовъ въ Кронштадтѣ. Впрочемъ, можетъ быть Крафту доставленно невѣрное свѣдѣніе. Въ сенатскомъ указѣ сказано, что льдами повредило крѣпость и цитадель; но по календарю видно, что въ 1757 году стала Нева съ 19-го на 20-е число ноября; а поэтому и надобно заключить, что послѣ сихъ чиселъ была опять буря и высокая вода, взломавшая ледъ.

Указъ. «Состоящія въ Кронштадтѣ— кронштадтскую и цитательскую крѣпости, кои пришли уже въ ветхость, къ тому же и въ прошедшую осень отъ бывшихъ льдовъ съ большими водами учинилось онымъ великое поврежденіе, такъ, что и пушечныхъ выстрѣловъ вытерпѣть не могутъ, и, мѣстами, каменья высыпаются, исправить и возобновить отъ конторы кронштадтскихъ строеній. Іюля 6-го числа 1758 года».

Въ 1759 году октября 6-го—вода достигала высоты болѣе шести футовъ.

Въ 1760 году октября 8-го—высота воды достигала до 5 футовъ. Наводненіе повторилось въ тѣхъ же размѣрахъ 10-го декабря того же года [1]).

1762.

Годъ воцаренія Екатерины II былъ ознаменованъ бурями и наводненіемъ. О послѣднемъ В. Н. Берхъ (стр. 13), пишетъ:

«Въ 1762 году, въ августѣ, была очень жестокая буря отъ SW (юго-запада). По рапорту секундъ-интенданта кронштадтскаго порта, Ивана Тимоѳеевича Голенищева-Кутузова, видно, что стоявшіе въ гавани корабли сорвало со швартововъ и весьма сильно повредило. Нѣкоторые изъ нихъ, говоритъ онъ, толкаясь другъ о друга, переломали мачты, и бугшприты; не взирая на сію жестокую бурю отъ SW, не встрѣтилъ я никакихъ свѣдѣній о наводненіи. У Крафта показано: 9-го августа при SW вѣтрѣ высота воды сверхъ ординара 3 фута. Сильная буря разразилась надъ Петербургомъ 25-го августа того же 1762 года».

Въ 1763 году были два наводненія: 8-го октября и 18-го ноября—вода въ обоихъ случаяхъ превышала 5 футовъ [2]).

1764—1775.

Съ 18-го по 22-го ноября воды Невы, при совершенномъ безвѣтріи, стояли отъ 7 до 8 футовъ выше ординара.

Въ 1765 году 24-го и 25-го ноября вода достигала высоты 5 футовъ.

---

[1]) И. Пушкаревъ «Описаніе С.Петербурга», изд. 1838 г., стр. 32.

[2]) И. Пушкаревъ, стр. 32.

Въ 1767 году два наводненія: 10-го іюня и 26-го сентябр свыше 5 футовъ.

Въ 1772 году 31-го декабря наводненіе при той же высотѣ во

Въ 1773 году 14-го декабря—та же высота.

Въ 1775 году подобные же два наводненія: 15-го іюня и 1(августа [1]).

1777.

Объ этомъ, страшномъ, по своимъ размѣрамъ и опустошеніяі наводненіи сохранились разсказы четырехъ очевидцевъ: Ту Крафта, Георги и императрицы Екатерины II.

Тукъ, писавшій въ 1799 году, говоритъ: «Послѣднее и са разрушительное наводненіе случилось 10-го сентября 1777 г(три дня послѣ новолунія и во время самого низкаго стоянія ба метра. Почти весь Петербургъ былъ на два локтя подъ водо Васильевскій островъ и Петербургская сторона претерпѣли вес много: малые домы, мосты и деревья сдѣлались жертвою сего водненія. Галіоты, боты и большія барки причинили также неі вѣрный вредъ, ибо плавали по улицамъ. Ежели бы Балтійс море имѣло приливы и отливы, то не мудрено, что въ Петербу поднялась бы вода въ сіе время, подобно какъ въ Бристолѣ, д(и 60 футовъ».

Академикъ Крафтъ сообщаетъ слѣдующія подробности:

«Сентября 9-го числа было небо облачное, склонное къ дож сильный вѣтръ отъ SW (Ю. З.) и барометръ началъ опускаі примѣтно, такъ, что къ полуночи упалъ онъ до 27 дюймовъ 5 ній. Не взирая на сіи явные признаки, непримѣтно еще было вышенія воды. Послѣ полуночи началъ вѣтръ свѣжѣть и отход къ западу, бывъ сопровождаемъ порывами до 7 часовъ утра (1 числа). Въ продолженіе сего жестокаго вѣтра, выступила Нева, 5 часовъ утра, изъ береговъ и наводнила мгновенно низмен части города. Въ 6 часовъ утра было самое высокое возвыш воды: 10 футовъ и 7 дюймовъ, сверхъ ординара. Вскорѣ п того отошелъ вѣтръ къ NW и вода начала сбывать съ такою ростію, что къ 7 часамъ утра понизилась она на одинъ фут въ полдень вступила въ берега. Во время сего наводненія з чено, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Васильевскаго острова били земные ключи.

«Въ Кронштадтѣ начала выступать вода изъ береговъ, ме 4 и 5 часами утра. Самая большая высота оной была 7 фу 6 дюймовъ. Слѣдовательно была вода сія ниже петербургской 3 1 дюймомъ. Замѣчательно, что въ наводненіе 1752 года была

[1]) И. Пушкаревъ, стр. 32.

въ Кронштадтѣ высотою 6 ф. 6 дюйм., а въ С.-Петербургѣ 8 ф. 5 дюйм. т. е. разность между сими двумя водами простиралась только до 1 фут. 11 дюймовъ.

«Во время сего наводненія замѣтили въ Шлюссельбургѣ необыкновенное положеніе воды: 10-го сентября въ 5 часовъ утра сбыла тамъ вода до того, что всѣ суда обмѣлѣли. Причиною сему было то, что сильный юго-западный вѣтръ отогналъ всю воду отъ Шлюссельбурга къ берегамъ Ладожскаго озера.

«По разсказамъ корабельщиковъ была въ Балтійскомъ морѣ 9-го сентября жестокая буря отъ SW. (юго-запада)».

Георги въ своемъ описаніи Петербурга говоритъ (стр. 41): «передъ наводненіемъ, бывшимъ 10-го сентября 1777 года, продолжалась буря уже два дня сряду, при западномъ и юго-западномъ вѣтрѣ; возвышеніе воды продолжалось до 9 часовъ утра, доколѣ вѣтръ началъ утихать; вода потомъ стекла столь скоро, что въ 12 часовъ, т. е. въ самый полдень, уже берега не были болѣе объемлемы водою. Отъ сего наводненія освобождены были токмо Литейная и Выборгская части города; въ частяхъ же, понятыхъ водою, оно и въ маловременномъ своемъ продолженіи причинило весьма великій вредъ. Суда были занесены на берегъ. Небольшой купеческій корабль переплылъ мимо Зимняго дворца чрезъ каменную набережную; Любской, яблоками нагруженный корабль, занесенъ былъ вѣтромъ на 10 сажень отъ берега въ лѣсъ, находящійся на Васильевскомъ островѣ, въ коемъ большая часть наилучшихъ и наивеличайшихъ деревъ отъ сея бури пропала. По всѣмъ почти улицамъ, даже и по Невской перспективѣ, ѣздили на маленькихъ шлюпкахъ. Множество оградъ и заборовъ опрокинуто было; малые деревянные домы искривились отъ жестокаго сотрясенія ими претерпѣннаго; даже нѣкоторыя самыя маленькія хижинки неслись по водѣ и одна изба переплыла на противулежащій берегъ рѣки. Буря не токмо препятствовала истеченію рѣчной воды въ море, но и самая морская вода стремилась въ устья рѣки, какъ то и особливо примѣчено было при устьѣ Малой Невы. Сіе наводненіе случилось во время ночи: почему множество людей и скотовъ пропало».

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ прибавимъ еще слѣдующія: Буря нанесла огромный вредъ садамъ и рощамъ Петербурга. Богачъ Яковлевъ, владѣлецъ дачи на Петергофской дорогѣ, публиковалъ въ вѣдомостяхъ о продажѣ двухъ тысячъ мачтовыхъ деревьевъ, вырванныхъ этою бурею съ корнемъ. Въ Лѣтнемъ саду она поломала и повредила множество липъ изъ которыхъ нѣкоторые инвалиды до нынѣ скрѣплены желѣзными скобками и подперты костылями [1]); та же буря разрушила въ Лѣтнемъ саду и фонтаны

[1]) Такъ говоритъ г. Пыляевъ («Старый Петербургъ» стр. 109—110), но едва ли эти скобки и костыли могли сохраниться въ теченіе 110 лѣтъ, послѣ многихъ бурь и наводненій 1824 и 1879 годовъ.

послѣ того уничтоженные. Повалено повсемѣстно множество оградъ, заборовъ, палисадниковъ. На Смоленскомъ кладбищѣ повреждена церковь (нынѣшняя малая св. Троицы), размыты окружавшіе его валы, многія могилы. Лавки въ Андреевскомъ рынкѣ, на Петербургской, и повсемѣстно, кромѣ Гостиннаго двора (каменныя) были уничтожены съ товарами. Въ обѣихъ Коломнахъ, на Мѣщанской, болѣе ста домовъ со всѣми строеніями и людьми разнесло; на взморьѣ смыло острогъ съ находившимися въ немъ арестантами въ числѣ трехсотъ человѣкъ. Разливъ захватилъ окрестности столицы на одиннадцать верстъ и когда сбыла вода—трупы людей и животныхъ валялись по полямъ и по дорогамъ.

Гибель цѣлаго острога съ арестантами послужила поводомъ къ городскому слуху о потопленіи многихъ арестантовъ въ Петропавловской крѣпости и въ числѣ ихъ, содержавшейся въ Алексѣевскомъ равелинѣ, княжны Таракановой—выдававшей себя за дочь императрицы Елисаветы Петровны отъ брака ея съ Алексѣемъ Разумовскимъ. Это преданіе послужило сюжетомъ для множества романическихъ сказокъ иностраннымъ писателямъ—и для прекрасной картины покойному Флавицкому. Сказочники и художники, какъ и поэты вольны въ своемъ творчествѣ, но исторія требуетъ правды и гнушается вымыслами. По поводу картины «Княжна Тараканова» покойный М. Н. Лонгиновъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1866 г. стр. 651—656) слѣдующую любопытную замѣтку:

«Дочь Елисаветы, или самозванка-авантюристка, Тараканова, арестованная Алексѣемъ Орловымъ въ Ливорнской гавани (12-го февраля 1765 года) была привезена, въ началѣ мая, Грейгомъ, въ Петербургъ и заключена въ казаматѣ Алексѣевскаго равелина.

«У ней уже тогда была чахотка въ довольно сильной степени, а къ зимѣ конецъ ея видимо приближался. Тараканова слѣдовала всегда обрядамъ римско-католической церкви и была даже въ Италіи въ связяхъ съ іезуитами, надѣясь на ихъ помощь. Но передъ смертью она захотѣла непремѣнно исповѣдаться и причаститься у православнаго священника. Вѣроятно, что такая странность происходила отъ непреодолимаго желанія убѣдить другихъ въ истинѣ происхожденія, которое она себѣ приписывала и показать, что она исполняла будто бы чуждые ей католическіе обряды только потому, что жила на чужбинѣ, гдѣ не было служителей церкви православной, въ лонѣ которой она, будто бы, родилась и была воспитана въ дѣтствѣ. Дѣло было затруднительное. Тараканова не знала русскаго языка, который также будто бы забыла, будучи увезена въ дѣтствѣ за границу. Она знала пофранцузски и понѣмецки. Послѣ разныхъ поисковъ нашли священника (имя его я забылъ и не записалъ) церкви на Невскомъ проспектѣ (на мѣстѣ, гдѣ теперь Казанскій соборъ) знавшаго нѣмецкій языкъ. На немъ исповѣдалъ онъ Тараканову, 30-го ноября 1775 года, и донесъ о томъ, что слышалъ

отъ нея, начальству. Она каялась во многихъ грѣхахъ, преимущественно любовныхъ; но твердо и постоянно стояла на томъ, что ея происхожденіе именно то, которое она себѣ всегда приписывала. Съ этимъ она умерла 4-го декабря 1775 года, то есть слишкомъ за два года до наводненія, во время котораго она будто бы погибла. Этимъ оканчивается разсказъ графа Блудова о заточеніи и смерти Таракановой.

«Впрочемъ, мнѣ (Лонгинову) достовѣрно извѣстно, что преданіе о гибели Таракановой во время наводненія существовало издавна: извѣстный авантюристъ Винскій, котораго любопытныя записки были въ рукахъ покойнаго А. И. Тургенева, разсказываетъ въ нихъ, что вскорѣ послѣ наводненія 1777 года его посадили въ крѣпость за какія-то продѣлки, что онъ увидѣлъ на стѣнѣ своего каземата слова: «o, dio!..» и что сторожъ разсказалъ ему о заточеніи Таракановой, бывшей будто бы беременною, въ этомъ же казаматѣ и о гибели ея во время наводненія. Хотя разсказъ этотъ и близокъ къ событію, но неопровержимые документы доказываютъ, что или сторожъ ошибся или солгалъ, или же что самъ Винскій выдумалъ для чего либо небывалый случай.

«Г. З., хорошо знакомый съ мѣстностію, говорилъ мнѣ въ прошломъ году, что въ 1826 году, на небольшой площадкѣ, обращенной въ садикъ, близь Алексѣевскаго равелина, находилась насыпь, и старожилы крѣпости говорили ему, что это могила Таракановой».

Всѣ эти свѣдѣнія были сообщены М. Н. Лонгинову въ 1860 году графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ, читавшимъ всѣ подлинныя современныя бумаги, касающіяся поимки Таракановой въ Италіи, пребыванія ея въ крѣпости и ея кончины и докладывавшій это дѣло, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, покойному государю (Николаю Павловичу) въ 1828 году. «Такимъ образомъ», говоритъ Лонгиновъ—«я могу сообщить публикѣ истину, которую она услышитъ еще въ первый разъ, не будучи принуждена сомнѣваться въ чемъ-либо: я тогда же записалъ разсказъ графа, который и передаю теперь читателямъ».

Императрица Екатерина II—очевидица наводненія 1777 года писала о немъ Гримму:

«Я очень рада, что вчера въ полдень, возвратилась въ городъ изъ Царскаго. Была отличная погода; но я говорила: «посмотрите, будетъ гроза» потому, что наканунѣ мы, съ княземъ Потемкинымъ, воображали себѣ, что беремъ крѣпость штурмомъ. Дѣйствительно, въ девять часовъ пополудни, поднялся вѣтеръ, который началъ съ того, что порывисто ворвался въ окно моей комнаты. Дождикъ шелъ небольшой; но, съ той минуты, понеслось въ воздухѣ все, что угодно: черепицы, желѣзные листы, стекла, вода, градъ, снѣгъ. Я очень крѣпко спала. Порывъ вѣтра разбудилъ меня въ пять часовъ. Я позвонила и мнѣ доложили, что вода у моего

крыльца и готова залить его. Я сказала: «если такъ, то отпусти часовыхъ съ внутреннихъ дворовъ; а то, пожалуй, они вздумают бороться съ напоромъ воды и погубятъ себя»; сказано, сдѣлан желая узнать поближе, въ чемъ дѣло, я пошла въ Эрмитажъ. Не представляла зрѣлище разрушенія Іерусалима. По набережной, к торая еще неокончена, громоздились трехмачтовые, купеческіе к рабли. Я сказала: «Боже мой?—Биржа перемѣнила мѣсто, граф Михаилу прійдется устроить таможню тамъ, гдѣ былъ эрмитажны театръ». Сколько разбитыхъ стеколъ! Сколько опрокинутыхъ горш ковъ съ цвѣтами! И какъ будто подстать цвѣточнымъ горшкам на полу и на диванахъ лежали фарфоровые горшки съ каминов Нечего сказать, тутъ-таки похозяйничали! И къ чему это? Но, о этомъ нечего и спрашивать. Нынче утромъ ни къ одной дамѣ прійдетъ ее парикмахеръ, не для кого служить обѣдню и на ку тагѣ будетъ пусто. Кстати, дессертъ Бретёйля [1]) (который дан прибылъ и опочилъ послѣ трудовъ и опасностей, весь цѣлый, надтреснутый и не разбитый въ послѣдней комнатѣ Эрмитажа) н нѣшнею ночью едва не сдѣлался жертвою урагана. Большое ок упало на землю подлѣ самого стола, весьма прочнаго, на которо дессертъ разставленъ, вѣтромъ сорвало съ него тафтяную покрыш но дессертъ остался цѣлехонекъ.—Обѣдаю дома, вода сбыла какъ вамъ извѣстно, я не потонула. Но еще немногіе показы ются изъ своихъ берлогъ. Я видѣла, какъ одинъ изъ моихъ ла евъ подъѣхалъ въ англійской коляскѣ; вода была выше задн оси, и, лакей, стоявшій на запяткахъ, замочилъ себѣ ноги. Но вольно о водѣ, поговоримъ о винѣ: погреба мои залиты водою, Богъ вѣсть, что съ ними станется. Прощайте; четыре страни довольно во время наводненья, которое съ каждымъ часомъ умен шается».

Вѣрная себѣ самой, императрица писала Гримму о страшно паводненіи тѣмъ же шутливымъ тономъ, какимъ, три года то назадъ писала Вольтеру о Пугачевщинѣ. Но и здѣсь, какъ тог она бодрилась, не желая обнаружить душевной тревоги и обра нія къ Божіей помощи предъ философомъ и безбожникомъ. разгаръ наводненія она приказала дворцовому священнику служ молебенъ, при чемъ сама усердно молилась съ колѣнопреклоненіе По минованіи опасности, она призвала къ себѣ во дворецъ обер полиціймейстера Николая Ивановича Чичерина и вотъ, что этому поводу разсказываетъ маститый г. Кичеевъ («Русскій А хивъ» 1866 г. изд. второе, стр. 981).

«. . . Когда онъ явился, то императрица дала себѣ трудъ вста поклониться въ поясъ и изволила сказать:

---

[1]) Род. въ 1733 † 1807. Министръ внутреннихъ дѣлъ во Франціи послѣ Н кера въ 1789. Дежене (déjeuner) сервизъ для завтрака.

— Благодарствуй, Николай Ивановичъ! По милости твоей погибло нѣсколько тысячъ (?!) моихъ добрыхъ подданныхъ!

«Этотъ неожиданный и ироническій выговоръ отъ великой государыни до того тронулъ генерала Чичерина, что съ нимъ тутъ же во дворцѣ сдѣлался ударъ. Его чуть живого отвезли домой и онъ вскорѣ умеръ.

«Маркова [1]) велѣно было отставить отъ службы, впредь не опредѣлять ни къ какимъ должностямъ и выслать изъ Петербурга въ 24 часа, что въ точности и исполнено.

«Конечно (восклицаетъ г. Кичеевъ) можетъ показаться неправдоподобнымъ, какимъ образомъ великая и премудрая государыня, даже вопреки правдивой пословицѣ, что и царь воды не удержитъ, такъ легко повѣрила явной и наглой клеветѣ на Чичерина и Маркова? Но все это будетъ понятно, когда вспомнимъ, что сердце Царево въ руцѣ Божіей».

Будетъ еще понятнѣе, если мы скажемъ, по свидѣтельству того же г. Кичеева, что Чичеринъ былъ большой руки взяточникъ, а Марковъ—его правою рукою. Хотя оба были обвинены въ томъ, что наводненіе постигло столицу, вслѣдствіе безпорядочнаго содержанія городскихъ сточныхъ трубъ—но это было только предлогомъ къ ихъ увольненію за взяточничество, доходившее чуть не до грабежа. Нѣтъ худа безъ добра! Вода смываетъ грязь, а наводненіе смыло двухъ грязныхъ людей.

В. Н. Берхъ, авторъ книги: «Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ бывшихъ въ С.-Петербургѣ» (Спб. 1826 г. 86 стр. въ 8 д. л.) приводитъ слѣдующіе документы, относящіеся до наводненія 1777 года [2]).

Нѣкоторыя общія замѣчанія о разлитіяхъ.

Три обстоятельства въ семъ случаѣ заслуживаютъ вниманія:

1) Состояніе луны.

2) Годовое время.

3) Вѣтръ.

По большой части наводненія случались около полной луны.

Наводненіе 1721 года было въ день полной луны, а въ 1826 году, одинъ день спустя. Въ разсужденіи же годового времени, наводненія въ Невѣ бывали всегда осенью. Опытомъ извѣстно, что осенью вода бываетъ въ морѣ выше, и отъ поверхности земной она не столь глубока, въ сіе время года, какъ весною. Что принадлежитъ до вѣтра, то предлежитъ разсмотрѣнію:

---

[1]) Взяточникъ, казнокрадъ, развратникъ, тиранъ своихъ дѣтей и крѣпостныхъ. Онъ былъ послѣдними убитъ въ своемъ имѣньи подъ Москвою, 14-го сентября 1812 года.

[2]) В. Н. Берхъ, стр. 37—59.

1) Съ которой стороны его стремленіе.
2) Положеніе Балтійскаго моря.
3) Паденіе въ него Невы.
4) Ладожское озеро.

Вода воздымается въ Невѣ обыкновенно съ зюдъ-вестовымъ (юго-западнымъ) вѣтромъ, ибо Финскій заливъ лежитъ отъ него на сей румбъ, и такъ сей вѣтръ SW гонитъ прямо въ него изъ Балтійскаго моря воду.

Ботническій заливъ, хотя также истекаетъ изъ Балтійскаго моря, избавленъ отъ наводненія, по той причинѣ, что имѣетъ многія изъ себя теченія, коими онъ отъ излишней воды освобождается.

Ладожское озеро лежитъ гораздо выше поверхности Балтійскаго моря; и такъ, съ одной стороны теченіе рѣки, съ другой, напротивъ гонимая вода изъ моря сугубо Неву надуваютъ; сіе умножаютъ еще находящіеся въ ней пороги.

Мѣсто сей рѣки, наиболѣе подверженное сему приключенію, находится между С.-Петербургомъ и Кронштадтомъ, гдѣ она течетъ съ бо̀льшею быстриною.

Сверхъ того, положеніе устья ея къ тому способствуетъ, ибо она у Кронштадта дѣлается у̀же, а выше Кронштадта расширяется такъ, что при противномъ вѣтрѣ, вода изъ нея изливается въ море съ трудомъ. И если сей противный вѣтеръ продолжится, то симъ принуждена она разливаться по сторонамъ. Надобно, чтобъ вѣтеръ Z (южный) дулъ нѣсколько дней сряду и поворотилъ бы къ ZW (юго-западу), чтобъ произвесть великое наводненіе; ибо первую оному причину должно полагать въ Зундѣ, гдѣ сей вѣтеръ, умножая приливъ, препятствуетъ отливу. И такъ, дуя нѣсколько дней, столько накопитъ воды, что она, наконецъ, выходитъ изъ береговъ своихъ; причина же, отчего вѣтры отъ ZW вѣютъ чаще осенью, нежели въ другое время, можетъ быть та, что стужа по NO (сѣверо-восточный вѣтеръ) начинается ранѣе; и такъ, воздухъ, соблюдая свое равновѣсіе, будучи теплѣе на сторонѣ ZW (юго-запада), стремящійся оттоль къ NO (сѣверо-востоку), что причиняетъ и продолжаетъ сей опасный вѣтеръ.

Съ 9 на 10-е число вода была въ Адмиралтействѣ сверхъ ординарной на 9 футовъ 3 дюйма. Въ Галерной гавани до 12 футовъ противъ бывшей въ 1752 году больше на 1 футъ 1 дюймъ. Приключенные этою водою убытки сколько извѣстій собрать было можно слѣдующіе:

Изъ адмиралтейскихъ судовъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ на мель занесено:

Большой пропорціи 4, на Матисовомъ островѣ.

Плашхоутъ 1, у Галерной гавани.

Трембакулъ 1, за Литейнымъ дворомъ.

Яхта, прибывшая изъ Кронштадта 1, между Калинкинской и Екатерингофомъ.

Водовикъ 1, у кирпичныхъ заводовъ.

Отправлены были въ Кронштадтъ съ мундирными и съ аммуничными вещами:

Галіотъ 1, у провіантскихъ магазиновъ.

Бота (боты):

Одинъ у тѣхъ же магазиновъ на сваяхъ.

Два у Муханова острова.

Стоящую на невскомъ большомъ фарватерѣ брандвахту совсѣмъ унесло, и о людяхъ, спаслись ли, извѣстія нѣтъ.

Въ Новой Голландіи на конусахъ и на провіантскихъ магазинахъ, во многихъ мѣстахъ, кровлю сорвало.

Въ Кронверкской верфи элинги поломало; стоящіе въ оной на элингахъ два бота снесло, изъ коихъ одинъ потонулъ, а другой у С.-Петербургской крѣпости сталъ на сваяхъ.

У Подзорнаго дома вновь сдѣланная нынѣ стѣна вывалилась.

Въ Кронштадтъ отправлены были мастеровые на двухъ судахъ, изъ коихъ одно, на которомъ 174 человѣка, занесло на мель и люди всѣ спаслись.

А о другомъ, на которомъ людей 79 человѣкъ съ корабельнымъ подмастерьемъ, извѣстія нѣтъ.

Какая утрата въ припасахъ послѣдовала, собираются извѣстія; но теперь извѣстно, что всѣ лѣса, кои внѣ амбаровъ лежали, разнесены.

Въ провіантскихъ магазинахъ:

Подмочило нижніе ярусы въ полкуля и утраты будетъ до 300 кулей, да залито мяса до 60 бочекъ.

Поставленной подрядчиками муки, коя еще отдана не была, при магазинахъ потонуло 4 барки, числомъ до 2,000 кулей.

Въ Партикулярной верфи:

Элинги, пристани, черезъ каналы мосты и у строенія крыльца разломало.

Лѣса дубовые и сосновые и доски разнесло.

Въ магазинахъ, въ мастерскихъ и въ свѣтлицахъ полы выломало и заборы поломало.

Печи и у каналовъ каменныхъ берега размыло, провіантъ и пеньку помочило.

Мосты черезъ рѣки всѣ разнесло.

Людей потоплено сколько извѣстно:

Въ Адмиралтейскихъ слободахъ:

Боцманъ 1.
Боцманъ же съ женою 2.

У Коллежскихъ:

У одного подканцеляриста: мать, жена и дѣти.
Да у копіиста жена беременная и дочь.

Въ Галерной гавани:

Каютъ-юнга 1.
Матросскихъ дѣтей 3.
Женщинъ 2.
Да не находится при командѣ:
Квартирмейстеръ 1.
Матросовъ 6.
Плотниковъ 6.

Въ Адмиралтейскихъ слободахъ и въ Галерной гавани не мало партикулярныхъ домовъ, не только разломало, но и совсѣмъ съ мѣста снесло.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской, изъ государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, главному галернаго флота и порта командиру, оной Коллегіи господину вицепрезиденту и кавалеру графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. Въ представленіи вашего сіятельства объявлено, что ея императорское величество, по обыкновенному своему вѣрноподданныхъ попеченію, желая, чтобъ въ случаѣ наводненія (отъ котораго впредь да сохранитъ Богъ) всякое зло отъ того произойдти могущее отвращено или уменьшено было, для предувѣдомленія жителей и особливо тѣхъ частей города, которыя болѣе оному подвержены быть могутъ, всемилостивѣйше повелѣть соизволила Адмиралтейской коллегіи учредить въ городѣ знаки и сигналы. По собраннымъ же о водѣ и наводненіи обстоятельствамъ оказалось: ординарная вода въ Адмиралтействѣ по футъ-штоку четыре фута, на большомъ невскомъ фарватерѣ и въ Галерной гавани по футъштоку, семь футъ восемь дюймъ, у Подзорнаго дома шесть футъ одиннадцать дюймъ, каналъ въ Адмиралтействѣ, отъ ординарной воды до верху восемь футъ пять дюймъ, Екатерининскій каналъ отъ ординарной воды до верху шесть футъ девять дюймъ. А притомъ, по прежнимъ небольшимъ наводненіямъ примѣчено, что когда вода сверхъ ординарной прибавляться будетъ сверхъ трехъ футъ, тогда вода въ Коломнѣ и по оконечность Васильевскаго острова, т. е. въ слободахъ Галерной гавани, на берега выходитъ; а когда

въ Адмиралтействѣ воды сверхъ ординарной пять футъ шесть дюймъ, тогда въ Коломнѣ вода выходитъ до Полковаго двора, а въ Галерной гавани вся слобода потоплена. Въ нынѣе жъ наводненіе сверхъ ординарной воды было въ Адмиралтейскомъ каналѣ у футъ-штока десять футъ шесть дюймъ; въ Галерной гавани у футъ-штока двѣнадцать футъ, а въ городѣ, по улицамъ, было четыре фута шесть дюймъ; въ Галерной гавани свѣтлицы матросскія потоплены были на одиннадцать футъ четыре дюйма, какая вода и при оконечности Коломны быть имѣла. Вслѣдствіе котораго имяннаго ея императорскаго величества указа и по сообразнымъ обстоятельствамъ, Адмиралтействъ-Коллегія, помянутые знаки и сигналы учредила нижеслѣдующимъ образомъ: когда въ Коломнахъ и по оконечности Васильевскаго острова (т. е. въ слободахъ Галерной гавани) вода на берега входить начнется, то данъ будетъ сигналъ для Коломенъ изъ Подзорнаго дома, а для Васильевскаго острова въ Галерной гавани, тремя выстрѣлами изъ пушекъ и въ обѣихъ сихъ мѣстахъ поднятъ будетъ, на шпицахъ, днемъ красный флагъ, а ночью по три фонаря; для жителей въ Коломнахъ учрежденъ будетъ пекетъ у Калинкина моста, отъ котораго по первой пушкѣ пойдетъ барабанщикъ до Алатченина моста[1]) и обойдетъ Коломню бивъ въ барабанъ; то же будетъ сдѣлано и въ Галерной гавани, отъ стоящей близь оной гауптвахты, отъ коей барабанщикъ по слободѣ ходить и въ барабанъ бить будетъ, не для того, чтобъ отъ сей прибыли и въ другихъ частяхъ города опасность отъ наводненія была, но токмо чтобъ обыватели въ оныхъ про то знали и въ Коломнѣ и по оконечности Васильевскаго острова, живущіе въ домы возвращалися; сдѣланъ будетъ сигналъ изъ Адмиралтейства поднятіемъ на шпицѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ по красному флагу, а ночью по фонарю. Въ случаѣ же возвышенія воды до такого градуса, что можетъ пролиться и внутрь города, тогда для всѣхъ въ ономъ жителей сдѣланъ будетъ сигналъ въ Адмиралтейской крѣпости, пятью выстрѣлами изъ пушекъ и выставлены будутъ на Адмиралтейскомъ шпицѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ днемъ бѣлые флаги, а ночью по два фонаря; то по сей стрѣльбѣ, къ побужденію жителей къ предосторожности, будутъ бить въ Адмиралтействѣ въ колоколъ; но токмо не набатнымъ, но продолжительнымъ звономъ. Къ вящшему спасенію людей содержаны быть имѣютъ при Коломнахъ, въ двухъ мѣстахъ, довольное число гребныхъ большихъ судовъ, а именно: у Алатченина моста и на рѣкѣ Пряжкѣ, которымъ, въ случаѣ наводненія, гдѣ нужда требовать будетъ, подъѣзжать и всякое вспоможеніе чинить повелѣно, что сдѣлано будетъ и отъ Партикулярной верфи. И по указу ея императорскаго величества Адмиралтействъ-Коллегія опредѣлила: 1) о учрежденіи упомяну-

[1]) Нынѣшній Аларчинъ; назывался такъ по имени капитана Алатченина.

тыхъ сигналовъ въ главную полиціймейстерскую канцелярію сообщить съ тѣмъ, чтобъ оное публиковано было, и о напечатаніи въ газетахъ писать въ комиссію Академіи Наукъ и въ Правительствующій Сенатъ таковое жъ представить при репортѣ. 2) Для произведенія оныхъ въ Галерной гавани и въ Подзорномъ домѣ имѣть по три пушки, также красные флаги и фонари во всякое время готовыми; для наблюденія жъ воды, къ Подзорному дому изъ престарѣлыхъ доброму и исправному штурману и для подъему флаговъ и фонарей матросъ два человѣка, а для пальбы канониръ три человѣка и при нихъ по унтеръ-офицеру, или капралу, коихъ командировать отъ здѣшней корабельной и артиллерійской командъ. А въ Галерной гавани опредѣлить по разсмотрѣнію вашего сіятельства, кого разсудите, артиллерійскихъ же Артиллерійской экспедиціи. А въ Адмиралтействѣ возвышеніе наблюдать вахтенному совѣтнику. 3) При Подзорномъ домѣ изъ Галерной гавани будущимъ офицерамъ или штурманамъ наблюдать: какъ лишь только вода по футъ-штоку сверху ординарной будетъ возвышаться до трехъ футъ съ половиною, то, въ ту самую минуту велѣть сдѣлать изъ пушекъ по три выстрѣла, и ежели то днемъ случится, то выставить на шпицахъ флаги, а ежели ночью, то фонари. 4) При Калинкиномъ мостѣ поставить футъ-штокъ и учредить пекетъ изъ шести человѣкъ, при одномъ офицерѣ, гдѣ быть и барабанщику, а для наблюденія воды штурману или подштурману, и, по первой пушкѣ отъ того пекета идти барабанщику до Алатченина моста и обойдти Коломню; то же сдѣлать и въ Галерной гавани: отъ гауптвахты идти барабанщику по слободамъ Галерной гавани и бить въ барабанъ. 5) Въ Адмиралтействѣ вахтенному совѣтнику наблюдать, какъ возвышеніе воды сверхъ трехъ футъ, сверхъ ординарной, такъ и слушать отъ Подзорнаго дому и въ Галерной гавани пальбы и когда оная произведена будетъ, то тотъ же самый часъ на Адмиралтейскомъ шпицѣ днемъ выставить со всѣхъ четырехъ сторонъ красные флаги, а ночью фонари. 6) Тому жъ вахтенному совѣтнику, въ случаѣ возвышенія воды, накрѣпко и неотходно смотрѣть, что какъ только вода въ Адмиралтействѣ по футъ-штоку будетъ сверхъ ординарной до пяти футъ съ половиною, то ту самую минуту сдѣлать съ крѣпости изъ пушекъ пять выстрѣловъ и выставить со всѣхъ четырехъ сторонъ днемъ бѣлые флаги, а ночью зажженные фонари и бить въ колоколъ, но не набатнымъ, а продолжительнымъ звономъ. 7) Для тѣхъ сигналовъ пушки имѣть всегда заряженныя, а флаги и фонари во всякой готовой исправности, дабы ни одной минуты тѣми сигналами промедлено не было, подъ опасеніемъ неупустительной по законамъ строгости; а экспедиціямъ интендантской и артиллерійской, какъ пушки съ порохомъ и принадлежностями, такъ флаги и фонари отпустить въ непродолжительномъ времени. 8) Вышеписанные сигналы, на шпицахъ флаги подымать

на самомъ верхнемъ концѣ, а и фонари, конечно, выше бъ какъ на половинѣ подняты были, а особливо на Адмиралтейскомъ шпицѣ. 9) Интендантской экспедиціи для вспоможенія въ случаѣ большого наводненія жителямъ, поставить при Коломнѣ, на Черной рѣчкѣ, при Алатчениномъ мостѣ и на рѣчкѣ Пряжкѣ, по восьми большихъ гребныхъ судовъ и отдать въ вѣдѣніе командира надъ полковымъ дворомъ, которому, какъ только отъ Подзорнаго дому трехъпушечный сигналъ сдѣланъ будетъ, тотчасъ командировать на оныя суда для гребли съ полковаго двора при офицерѣ команду, и приказать, въ случаѣ большого наводненія ѣхать въ Коломнахъ по улицамъ и при случившемся несчастіи забирать людей; сіе самое, что до судовъ принадлежитъ, сдѣлать и въ Партикулярной верфи и имѣть сколько можно въ Фонтанкѣ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ больше наводненіе бываетъ. 10) Вышеписанному наблюденію воды продолжаться доколѣ рѣки льдомъ покроются и тогда всѣхъ, находящихся у Подзорнаго дома и въ Галерной гавани для того наблюденія собрать командамъ и ежегодно продолжать, начиная съ 15 числа августа мѣсяца и все, что къ тому принадлежитъ распоряжать и установлять, а Интендантской экспедиціи и въ Коллегію рапортовать и то дѣлать ежегодно. 11) Для жительства будущей при Подзорномъ домѣ для наблюденія наводненія командѣ, Интендантской экспедиціи построить караульню. О чемъ къ вамъ, господину вицепрезиденту и кавалеру послать указъ; а таковъ же въ контору Партикулярной верфи посланъ и въ экспедицію о всемъ томъ, а равно и публикаціи въ полиціймейстерскую канцелярію и въ комиссію Академіи Наукъ сообщено, и въ Правительствующій Сенатъ рапортомъ представлено. Сентября 22 дня 1777 года.

	Въ Адмиралтействѣ.		У Калинкина моста.		Въ Галерной гавани.		У Подзорнаго дома.	
	Фут.	Дюйм.	Фут.	Дюйм.	Фут.	Дюйм.	Фут.	Дюйм.
Ординарная вода по футъ-штокамъ	4	—	6	—	7	8	6	11
А когда будетъ. . . Тогда въ Коломнѣ вода.	7	—	9	—	10	8	9	11
А когда . . . . . Тогда обѣ Коломни въ водѣ.	9	6	11	6	13	2	12	5
Въ нынѣшнее наводненіе съ 9 на 10 сентября	14	6	16	6	18	2	17	5
Въ наводненіе 25 сентября	8	8	10	8	12	4	11	7
Въ наводненіе 16 октября[1])	9	11	11	11	13	7	12	10

[1]) Судя по этимъ двумъ числамъ можно предполагать, что въ томъ же 1777 году было еще два наводненія.

Ординарная вода:

Въ адмиралтействѣ по футъ-штоку . . .	4 фут.	— д.
На большомъ невскомъ фарватерѣ и въ Галерной гавани по футъ-штоку . .	7 »	8 »
У Подзорнаго дома	6 »	11 »

Примѣчено:

Что когда вода сверхъ ординарной прибавляться будетъ сверхъ 3 футъ, тогда вода въ Коломнѣ и по оконечность Васильевскаго острова, т. е. въ слободахъ Галерной гавани, на берега выходитъ.

А когда воды въ Адмиралтействѣ выше ординарной . . . . . 5 фут. 6 д.

Тогда вода въ Коломнѣ выходитъ до полковаго двора. А въ Галерной гавани вся слобода потоплена.

Въ нынѣшнее наводненіе сверхъ ординарной воды было:

Въ Адмиралтейскомъ каналѣ у футъ-штока	10 фут.	6 д.
Въ Галерной гавани у футъ-штока . . .	12 »	— »
А въ городѣ по улицамъ было	4 »	6 »
Въ Галерной гавани свѣтлицы матросскія потоплены были на	11 фут.	4 д.

Какая вода и при оконечности Коломны быть имѣла.

Проектъ объявленія отъ полиціи и напечатанія въ газетахъ.

«Ея императорское величество по обыкновенному своему о вѣрноподданныхъ попеченію, имѣя матернее соболѣзнованіе о претерпѣвшихъ въ бывшее наводненіе всемилостивѣйше адмиралтействъ коллегіи повелѣть соизволила, учредить въ городѣ знаки и сигналы, дабы сколь возможно отвратить, или уменьшить сіе зло, предувѣдомленіемъ той части города жителей, которые наиболѣе сему незапному бѣдствію подвержены быть могутъ.

«Когда въ Коломнахъ и по оконечности Васильевскаго острова (т. е. въ слободахъ Галерной гавани) вода на берега выходить начнетъ, то данъ будетъ сигналъ для Коломенъ изъ Подзорнаго дома, а для Васильевскаго острова въ Галерной гавани, тремя выстрѣлами изъ пушекъ и въ обѣихъ сихъ мѣстахъ поднятъ будетъ, на шпицахъ, днемъ — красный флагъ, я ночью по три фонаря. Для жителей въ Коломнахъ учрежденъ будетъ бекетъ. У Калинкина моста, отъ котораго по первой пушкѣ, пойдетъ барабанщикъ до Алатченина моста и обойдетъ Коломну бивъ въ барабанъ. Тоже будетъ сдѣлано и въ Галерной гавани, отъ стоящей близь оной

гауптвахты, отъ коей барабанщикъ по слободѣ ходить и въ барабанъ бить будетъ.

«Но для того, чтобъ отъ сей прибылой воды и въ другихъ частяхъ города опасность отъ наводненія была; но также, чтобъ обыватели въ оныхъ про то знали, и въ Коломнѣ и въ оконечности Васильевскаго острова живущіе, въ домы возвращались, сдѣланъ будетъ сигналъ изъ Адмиралтейства поднятіемъ на шпицѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ по красному флагу, а ночью по фонарю.

«Въ случаѣ же возвышенія воды до такого градуса, что можетъ прилиться и внутрь города, тогда для всѣхъ въ ономъ жителей сдѣланъ будетъ сигналъ съ Адмиралтейской крѣпости, пятью выстрѣлами изъ пушекъ и выставлены будутъ на адмиралтейскомъ шпицѣ, со всѣхъ четырехъ сторонъ, днемъ—бѣлые флаги, а ночью по два фонаря.

«Но какъ ночью не во всякомъ домѣ пальбу слышать можно, то по сей стрѣльбѣ къ побужденію жителей къ предосторожности, будутъ бить въ Адмиралтействѣ въ колоколъ. Но только не набатнымъ, а продолжительнымъ звономъ.

«Къ вящшему спасенію людей содержаны быть имѣютъ при Коломнахъ въ двухъ мѣстахъ, довольное число большихъ гребныхъ судовъ, а именно—у Алатченина моста и на рѣкѣ Пряжкѣ, которымъ, въ случаѣ наводненія, гдѣ нужда требовать будетъ, подъѣзжать и всякое вспомоганіе чинить повелѣно, что сдѣлано будетъ и отъ Партикулярной верфи».

Кромѣ того, послѣ этого наводненія по повелѣнію императрицы, инженеръ-генералъ Бауеръ составилъ гидрографическій планъ Петербурга.

1788.

Исторіографъ Петербургскихъ наводненій В. Н. Берхъ (стр. 77) отмѣтилъ только въ своей сравнительной таблицѣ: «26-го и 27-го числа сентября—высота воды 7 футовъ 5 дюймовъ». Эту коротенькую замѣтку пополняемъ свидѣтельствомъ очевидца. Александръ Васильевичъ Храповицкій [1]) записалъ въ своемъ «Дневникѣ» [2]).

26-го сентября. «Съ десятаго часа вечера до трехъ часовъ за полночь вода возвышалась сверхъ обыкновенной на 8 ф. 4 д. большаго вреда въ городѣ не сдѣлала [3]) и только выходила на улицы въ набережной Милліонной и по берегамъ Мойки и Фонтанной.

---

[1]) Статсъ-секретарь Екатерины II. Родился 7-го марта 1749 года, умеръ 29-го декабря 1801 года.

[2]) Изданіе А. Ѳ. Базунова. Спб. 1874 г. въ 8 д. л., стр. 162.

[3]) Разумѣется, кромѣ несчастной Гавани, Коломни, Екатерингофа, Рѣзваго, Гутуевскаго и прочихъ острововъ.

27-го сентября. «Разговоръ о наводненіи (съ Екатериною II): «не знаю, не сдѣлалось ли чего съ флотами въ Балтійскомъ и Черномъ морѣ?»

1802.

Годъ замѣчательный вообще въ геологическомъ отношеніи: при наводненіи въ сентябрѣ, вода достигала высоты 7 футовъ 5 дюймовъ. Пострадали, по обыкновенію, низменныя окрайны, заселенныя бѣдняками. Смоленское кладбище на три четверти было залито водою; заборы, канавки и могилы потерпѣли значительныя поврежденія. Всѣхъ же наводненій въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ было три, о чемъ Евгеній Болховитиновъ (впослѣдствіи митрополитъ кіевской) писалъ другу своему Василію Игнатьевичу Македонцу [1]) отъ 23-го октября 1802 года:

«У насъ было три наводненія, и первое—ужасное. Мнѣ случилось на ту пору ѣхать въ Пустынь: по всей Коломнѣ ѣхалъ я по водѣ въ пол-аршина, да и по Петергофской дорогѣ верстъ пять то же».

Отъ 15-го ноября того же года. «14-го числа во второмъ часу по полудни доходило и до насъ землетрясенье, но только слабое; что во всемъ Петербургѣ только три человѣка замѣтили оное: 1) англійская посланница, наливавшая въ то время кофе; 2) одинъ пансіонскій учитель, стоявшій прислонясь къ стѣнѣ, въ третьемъ этажѣ дома, да 3) Гамбургскій купецъ, державшій въ рукахъ стаканъ пуншу [2]). Такъ я слышалъ отъ Николая Петровича Румянцова, сочлена нашего въ комитетѣ. Всѣ вышеупомянутые господа не сочли это землетрясеніемъ, а собственнымъ головокруженіемъ. Однакожъ, записали и когда изъ Москвы получены о семъ вѣсти, то они, справясь съ записками, нашли тотъ же самый день и часъ. Въ Москвѣ чувствовано было въ семи мѣстахъ, какъ изъ репорта видно, а въ Кіевѣ минутъ пятнадцать оно продолжалось, съ чувствительнымъ подъ землею шумомъ. Получены также репорты о томъ же изъ Калуги, Тулы, Курска и Бѣлоруссіи. Прошедшею весною въ Перми было еще чувствительнѣе землетрясеніе. И все это въ Россіи дѣло бывалое и прежде, и, слѣдовательно, яко натуральное происшествіе, не можетъ наводить никакого страха. Надобно ожидать какого-нибудь извѣстія объ изверженіи огнедышущихъ горъ. Всѣ другія пророчества излишни. Предъ тѣмъ были у насъ великія отъ моря наводненія».

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1870, стр. 496—516.

[2]) Вѣроятно, подъ его ногами и полъ ходнемъ ходилъ; но едва ли это авторитетъ.

1822.

Достопамятный годъ въ лѣтописяхъ Петербурга; подобнаго не бывало донынѣ, т. е. въ теченіе ста восьмидесяти пяти лѣтъ и едва ли скоро дождутся подобнаго жители нашей сѣверной столицы. Нева вскрылась 6-го марта, застыла 10-го ноября: навигація продолжалась девять мѣсяцевъ и четыре дня. Въ первый день Пасхи (2-го апрѣля) женщины ходили въ кисейныхъ платьяхъ, мужчины въ однихъ сюртукахъ; лѣто было неизмѣнно самое благодатное и урожайное.

Но самое начало года было ознаменовано наводненіемъ. В. Н. Берхъ пишетъ (стр. 78): «Наводненіе было 23-го января 1822 года въ полночь; но объ этомъ не дошло до насъ никакого письменнаго свѣдѣнія».

По журналу, веденному въ Галерной гавани, видно, что вода возвышалась тамъ ночью въ это число до 8 футовъ и 5 дюймовъ.

У Аларчина моста выступила вода изъ канала и покрыла улицы фута на полтора. На театральной площади лежало множество льда, вынесеннаго водою изъ канала. Наводненіе это продолжалось два или три часа и причинило только не значительный вредъ жителямъ Галерной гавани.

1824.

Очевидцы наводненія 1777 года увѣряли своихъ дѣтей, что оно было гораздо бѣдственнѣе, нежели наводненіе 1824, а, между тѣмъ, это послѣднее гораздо глубже врѣзалось въ память петербургскихъ жителей, на много лѣтъ оставивъ по себѣ неизгладимые, печальные слѣды. Напоминанію о немъ способствовали, быть можетъ, донынѣ сохранившіяся помѣтки на стѣнахъ домовъ, въ видѣ жестяныхъ, а кое-гдѣ и мраморныхъ, досчечекъ съ надписью: 7-го ноября 1824 года; развороченныя плиты набережной Фонтанки, Мойки, Екатерининскаго и Крюкова каналовъ, выровненныя и перемощенныя лишь десять лѣтъ тому назадъ; наконецъ, множество страшныхъ эпизодическихъ разсказовъ и преданія о таинственной связи этого наводненія съ жизнію императора Александра I: оно двѣнадцатью мѣсяцами и двѣнадцатью днями предшествовало его кончинѣ, а наводненіе 10-го сентября 1777 года—тремя мѣсяцами и двумя днями—его рожденію.

Извѣстно, что рѣзкимъ атмосферическимъ перемѣнамъ, помимо барометрическихъ колебаній, предшествуютъ многія предзнаменованія въ видѣ явленій, повидимому, не могущихъ имѣть никакой связи съ перемѣнами погоды. Люди ученые смѣются надъ этими народными примѣтами, не удостоивая изслѣдовать ихъ научнымъ

путемъ, можетъ быть, потому, что и наука не могла бы дать прямого отвѣта на вопросъ: почему это такъ?

Катастрофѣ 7-го ноября 1824 года было немало предвѣстниковъ еще мѣсяца за четыре до этого рокового дня.

Лѣтомъ, камень, лежащій близь берега Каменнаго острова, былъ весь покрытъ водою, что по примѣтѣ старожиловъ предвѣщало необыкновенное повышеніе воды къ осени.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ [1]), одинъ изъ исторіографовъ наводненія, говоритъ въ своихъ письмахъ, что одна знакомая ему дама, въ августѣ 1824 года, гуляя на Петровскомъ островѣ, замѣтила, что муравьи необыкновенно высоко устроили свои склады зимнихъ запасовъ, именно на верхней перекладинѣ воротъ.

— Что это значитъ?—спросила она стараго начальника брандвахты, Лебедева, прогуливавшагося съ нею.

— Это весьма дурно, сударыня,—отвѣчалъ старикъ,—въ тотъ годъ, когда быть наводненію, муравьи всегда дѣлаютъ свои гнѣзда на мѣстахъ возвышенныхъ. Въ нынѣшнемъ году быть большой водѣ: совѣтую вамъ поселиться какъ можно выше.

За нѣсколько дней до наводненія, извѣстный физикъ и механикъ Роспини (жившій на углу Вознесенскаго проспекта и Офицерской улицы) замѣтилъ, что его барометры упали такъ низко, какъ онъ еще никогда не видывалъ. Это обстоятельство до того его встревожило, что онъ едва не помѣшался.

Были проявленія и предчувствій. Такъ аптекарь Имзенъ (противъ Казанскаго собора) за два дня до наводненія перебрался изъ нижняго этажа въ верхній. Въ отвѣтъ на шутки пріятеля надъ этимъ переселеніемъ онъ отвѣчалъ: «я буду смѣяться, когда вы всѣ будете плакать!»

Еще того удивительнѣе были примѣры проявленія предчувствія въ инстинктѣ животныхъ. Наканунѣ наводненія кошка въ одномъ домѣ перетащила своихъ котятъ на ту ступеньку лѣстницы, до которой не достигла вода. Во многихъ домахъ крысы и мыши изъ подваловъ перебрались на чердаки.

Къ сожалѣнію, наука не обращаетъ должнаго вниманія на подобныя явленія; чаще всего она доискивается причинъ по послѣдствіямъ, т. е. послѣ совершившихся событій. Такъ юстиція всего чаще караетъ преступленія, нежели предупреждаетъ ихъ; такъ медицина—анатомируетъ трупъ умершаго отъ болѣзни, отъ которой она не въ состояніи была излѣчить больного.

Ровно черезъ сорокъ дней послѣ наводненія, ученый академикъ

---

[1]) Профессоръ, эллинистъ, переводчикъ греческихъ классиковъ, еще того болѣе извѣстный, какъ человѣкъ доброй и благороднѣйшей души. Скончался 20-го октября 1833 года, погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Шубертъ [1]), по просьбѣ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ высочайше утвержденнаго комитета для пособія пострадавшимъ отъ наводненія, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующую записку: «О причинахъ наводненія 1824 года» [2]).

«Ваше превосходительство выразили желаніе, чтобы я письменно изложилъ то, что имѣлъ честь вамъ доложить на вашъ вопросъ касательно наводненія. Весь Васильевскій островъ благословляетъ имя лица, которому я теперь пишу, и каждый считаетъ себя осчастливленнымъ его порученіями. И такъ, я спѣшу съ истиннымъ удовольствіемъ исполнить приказаніе вашего превосходительства, хотя я и не могу сообщить много свѣдѣній, да и тѣ, можетъ быть, подвергнутся порицанію.

«Намъ не только задолго впередъ извѣстно, что̀ происходитъ на небѣ, мы даже можемъ съ математическою точностью опредѣлить физическую причину, которая производитъ всякое движеніе, или его останавливаетъ. Напротивъ того, то, что̀ происходитъ гораздо ближе къ намъ, въ атмосферѣ и во внутренности земли, намъ очень мало извѣстно. Природа какъ будто не допускаетъ слишкомъ точныхъ наблюденій надъ собою и скрываетъ отъ насъ частности своей мастерской, или, скорѣе всего, мы до того дальнозорки, что не можемъ ясно видѣть происходящаго вблизи надъ нашей головой или подъ нашими ногами. Мы не знаемъ «откуда приходитъ и куда направляется вѣтеръ», т. е. намъ неизвѣстна ни точка, откуда онъ начинается и гдѣ онъ перестаетъ, ни причина того и другого. Въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій мы ведемъ споры о силѣ, колеблющей землю подъ нашими ногами, и объ аэролитахъ, падающихъ намъ на голову, и безуспѣшны до сихъ поръ были всѣ наши изслѣдованія о томъ, окружены ли полюсы твердой землею, вѣчнымъ льдомъ или открытымъ моремъ, хотя намъ и извѣстна всякая гора на лунѣ, и мы распознаемъ образованіе и таяніе льда у полюсовъ Марса. Физика земного шара осталась далеко позади этой высшей физики, которая принадлежитъ къ области астрономіи, и успѣхи были сдѣланы только въ томъ ея отдѣлѣ, который основывается на астрономіи и математикѣ, какъ, напримѣръ, теорія радуги, приливовъ и отливовъ и т. д. При наступленіи извѣстнаго періода, какъ, напримѣръ, при приливѣ, повторяющемся ежедневно два раза, открывается обширное поле для вычисленій математиковъ и на этой почвѣ они стоятъ твердо. Но неправильныя перемѣны погоды, не подчиняющейся, повидимому, законамъ опредѣленныхъ сроковъ, не дозволяютъ математикѣ стѣснить ихъ своими оковами, и это

---

[1]) Фридрихъ-Теодоръ (Ѳедоръ Ѳедоровичъ) Шубертъ, родился въ Гольмштадтѣ 19/30-го октября 1758, умеръ въ Петербургѣ 9/21-го октября 1825.

[2]) «Русская Старина», изд. 1877 г., т. XX. стр. 708—712.

убѣждаетъ меня, что небесныя тѣла, отдаленныя на огромное пустое пространство отъ нашей атмосферы, не имѣютъ на ея состояніе никакого вліянія, и что перемѣна нашей погоды не имѣетъ ничего общаго съ астрономіей.

«Такъ какъ луна, безъ сомнѣнія, къ намъ ближе всѣхъ остальныхъ небесныхъ тѣлъ, то послѣ того, какъ астрологи перестали справляться съ положеніемъ планетъ для того, чтобы разъяснить происходящее на землѣ, мы думали сдѣлать исключеніе для луны и даже математики рѣшили: «если луна ежедневно два раза поднимаетъ воду въ океанѣ, то какъ же ей не произвести того же дѣйствія въ болѣе легкомъ воздушномъ пространствѣ?» Но на это, повидимому, правдоподобное предположеніе, по моему мнѣнію, легко отвѣчать слѣдующимъ образомъ. Приливъ и отливъ распространяются только на нѣсколько футовъ подъ поверхностью воды, но на днѣ морскомъ ни тотъ, ни другой не ощутительны, и если бы тамъ были обитатели, то они не имѣли бы понятія ни о приливѣ, ни объ отливѣ. Точно также дѣйствіе луны можетъ касаться только поверхности нашей атмосферы, простирающейся, можетъ быть, верстъ на сто надъ нами. Она тамъ, можетъ быть, и поднимается и опускается ежедневно по два раза на нѣсколько футовъ, но мы, живущіе на днѣ этого воздушнаго океана, ничего въ этомъ отношеній не замѣтимъ, и перемѣны въ нашей погодѣ, происходящія здѣсь внизу, нисколько не будутъ зависѣть отъ луны. О другихъ планетахъ не можетъ быть и рѣчи, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной отдаленности. Но, однако, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что приливъ и отливъ, а слѣдственно косвеннымъ путемъ и луна, могутъ имѣть вліяніе на наводненія, о которыхъ здѣсь собственно и идетъ рѣчь.

«Наводненія, опустошавшія нынѣшнею осенью (1824 г.) часть Германіи и Франціи, происходятъ не отъ тѣхъ причинъ, какъ наши. Рейнъ, Мозель, Рона, стекающіе съ Швейцарскихъ горъ, обыкновенно весною выступаютъ изъ своихъ береговъ, когда таютъ снѣга на этихъ горахъ; осенью вода въ нихъ незначительно прибываетъ отъ частыхъ дождей; въ этотъ же разъ и та и другая причина оказали свое дѣйствіе. Осень была обильнѣе чѣмъ когда-либо грозами и проливными дождями; морозъ въ сентябрѣ покрылъ необыкновенно рано Альпы снѣгомъ, который, растаявши въ концѣ октября подъ вліяніемъ оттепели, стекалъ съ горъ, такъ что въ этотъ разъ осень и весна оказывали свое дѣйствіе въ одно и то же время. Къ этому присоединились еще землетрясенія, которыя выгнали рѣки изъ береговъ и образовали новые источники.

«Такъ какъ Нева не стекаетъ съ горъ, но спокойно выходитъ изъ Ладожскаго озера, то наводненіе здѣсь можетъ быть только слѣдствіемъ засоренія устья, или отъ западныхъ бурныхъ вѣтровъ: это послѣднее и было причиною наводненія 7-го ноября. При на-

водненіи все зависитъ отъ трехъ обстоятельствъ: отъ направленія, силы и продолжительности вѣтровъ. Не могу предположить, чтобы приливъ воды въ Финскомъ заливѣ или въ Балтійскомъ морѣ былъ въ состояніи одинъ произвести такое дѣйствіе, какъ оказалось 7-го ноября. Нужно искать причины болѣе отдаленной, въ Сѣверномъ морѣ или Атлантическомъ океанѣ. Тамъ должны были нѣсколько дней свирѣпствовать бури съ западнымъ вѣтромъ, которыя гнали воды Сѣвернаго моря чрезъ Скагерракъ. Дѣйствіе ихъ должно еще увеличиться, когда сѣверный вѣтеръ въ Каттегатѣ прогоняетъ воды чрезъ Зундъ и Бельты въ Балтійское море. Здѣсь же, чтобы произвести наибольшее дѣйствіе, должны свирѣпствовать южныя или юго-западныя бури; иначе наводненіе коснулось бы только береговъ Пруссіи и Курляндіи. Наконецъ, для того, чтобы наводненіе дошло до С.-Петербурга, необходимо, чтобы въ самомъ Финскомъ заливѣ были бури съ запада. Что̀, дѣйствительно, въ Атлантическомъ океанѣ и Сѣверномъ морѣ передъ 7-мъ ноябремъ свирѣпствовали бури, доказываютъ намъ кораблекрушенія у береговъ Великобританіи, Германіи и Скандинавіи, и на это, вѣроятно, луна имѣла, хотя косвенное и незначительное, вліяніе.

«Извѣстно, что приливы и отливы обусловливаются притягательною силою солнца и луны, особенно послѣдней. Слѣдовательно, эта сила увеличивается: 1) когда солнце и луна дѣйствуютъ взаимно, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать другъ другу; 2) когда сила каждаго изъ этихъ небесныхъ тѣлъ, въ особенности луны, сама по себѣ значительна. Первое бываетъ, когда солнце и луна идутъ по одному направленію или стоятъ одинъ противъ другого, что случается при новолуніи или полнолуніи. Второе же бываетъ, когда солнце, въ началѣ весны или осени, проходитъ чрезъ экваторъ, въ особенности же при наибольшей близости луны къ землѣ, потому что ея притягательная сила увеличивается въ вдвое большей мѣрѣ соразмѣрно отдаленію ея отъ земли. Такъ какъ всякое физическое дѣйствіе требуетъ времени для своего проявленія, то вслѣдствіе того сильнѣйшій приливъ бываетъ три или четыре дня по новолуніи или полнолуніи осенью, что̀ почти совпадаетъ съ временемъ наибольшаго приближенія луны къ землѣ. 7-й ноябрь случился наканунѣ новолунія и четыре дня спустя послѣ наибольшаго приближенія къ землѣ луны—и дѣйствіе луны было, поэтому, неощутительно.

«Совпаденіе всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ бываетъ такъ рѣдко, что, по всей вѣроятности, пройдутъ многіе годы, можетъ быть, даже полстолѣтія, прежде чѣмъ Провидѣніе дозволитъ совершиться подобному несчастію. Все это время, вѣроятно, употребится съ пользою разумнымъ правительствомъ и будутъ приняты всѣ мѣры къ уменьшенію вреда отъ будущихъ наводненій. Хотя никакія человѣческія усилія не могутъ измѣнить направле-

ніе или силу бурь, но существуютъ мѣстныя обстоятельства, увеличивающія зло, отстранить которыя и было бы весьма полезно. Сюда принадлежатъ мелководія, мели и наносы, находящіеся какъ въ Невѣ, такъ и въ ея каналахъ, и, не будучи уничтожены заблаговременно, увеличивающіеся съ каждымъ годомъ. Эти засоренія не только все болѣе и болѣе затрудняютъ плаваніе между Петербургомъ и Кронштадтомъ, но и увеличиваютъ всякое наводненіе, не только потому, что они дѣлаютъ болѣе узкимъ русло Невы, но и потому еще, что они уменьшаютъ силу ея теченія; это, по моему мнѣнію, объясняется слѣдующимъ образомъ.

«Если бы Нева не изливалась въ море, то бури съ запада въ Финскомъ заливѣ произвели бы только движенія воды къ востоку, не поднимая уровня воды, какъ это и бываетъ въ океанѣ при буряхъ, продолжающихся нѣсколько дней и по одному направленію. Тутъ всегда бываетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, связь съ теченіемъ по противоположному направленію, вслѣдствіе чего вода снова уходитъ. Поэтому всякое препятствіе, затрудняющее это теченіе, измѣняетъ дѣло: у береговъ и подводныхъ камней образуется прибой волнъ и т. д. Однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій служитъ рѣка, изливающаяся въ море по направленію, противоположному натиску воды. Слѣдствіемъ этого бываетъ, конечно, борьба двухъ враждебныхъ силъ, и вода, будучи тѣснима съ противоположныхъ сторонъ, такъ сказать, сдавляется въ срединѣ и образуетъ возвышенность, съ вершины которой она, вслѣдствіе своей тяжести, стекаетъ во всѣ стороны. Этотъ высшій пунктъ находится теперь между Петербургомъ и Кронштадтомъ и, можетъ быть, достигалъ 7-го ноября высоты болѣе 20-ти футовъ, но онъ, конечно, не остается постоянно на одномъ мѣстѣ. При ослабленіи, отъ какой бы то ни было причины, одной изъ борющихся силъ, другая въ той же мѣрѣ увеличивается и, пріобрѣтая перевѣсъ, отодвигаетъ высшую точку воды, отъ которой и бываетъ наводненіе къ болѣе слабой сторонѣ; къ этой послѣдней поэтому и образуется наибольшій стокъ воды. Это очевидно примѣняется къ отмелямъ Невы, которыя не только затрудняютъ, слѣдовательно и ослабляютъ теченіе рѣки, но и содѣйствуютъ наводненію, препятствуя стоку воды на извѣстную глубину, о чемъ выше изложено. Этимъ самымъ, высшая точка воды, которую можно назвать средоточіемъ наводненія, подвигается все болѣе и болѣе къ Петербургу; поднимаясь на водяную гору, мы тѣмъ самымъ погружаемся болѣе въ глубину и находимся при этомъ въ положеніи, далеко не въ томъ, въ которомъ былъ Магометъ: не мы подвигаемся къ горѣ, а гора приближается къ намъ. Лучшимъ средо[illegible] тивъ этого зла, которое подобно раку, незамѣтно [illegible] лѣе проявляющему свою разрушительную си[illegible] пенное возвышеніе береговъ Невы и низмен[illegible]

происходящее само собою отъ построекъ и дѣйствія растительности; устройство новыхъ каналовъ, особенно же очистка Невы, которая оказала бы самое благодѣтельное вліяніе на судоходство и торговлю. При этомъ рождается другой вопросъ: почему Нева, съ того злополучнаго дня, почти ежедневно, даже при умѣренномъ вѣтрѣ, прибываетъ фута на четыре. Причиною этому служитъ частью то, что съ 7-го ноября господствовали сильные западные вѣтры съ столь малымъ исключеніемъ, что вѣтеръ одного дня былъ какъ бы продолженіемъ вѣтра предъидущаго дня, и Нева едва находитъ время понизиться до своего нормальнаго уровня. Еще есть, можетъ быть, и другая причина, о которой мы здѣсь почти ничего не знаемъ, а именно: можетъ быть, на моряхъ Балтійскомъ и Сѣверномъ все еще продолжаются бури съ запада, чему естественнымъ послѣдствіемъ является то, что вода, скопившись въ закрытомъ водоемѣ Балтійскаго моря, не могла еще излиться обратно черезъ Зундъ и поэтому прибываетъ въ Неву при каждомъ западномъ вѣтрѣ.

«Пользуюсь этимъ случаемъ увѣрить ваше превосходительство, и проч. Ѳ. Ѳ. Шубертъ».

С.-Петербургъ, 17-го декабря, 1824 года.

Къ диссертаціи ученаго академика считаемъ не лишнимъ присоединить замѣтку ученаго гидрографа В. Н. Берха [1]).

«Особеннаго замѣчанія заслуживаетъ, что ноября 7-го и 10-го чиселъ, было въ Сан-Франциско, что въ Калифорніи, весьма высокое наводненіе при S. W. (Ю. З.) штормѣ, каковаго старожилы не запомнятъ. Приключеніе сіе доказываетъ намъ, какою неимовѣрною силою двинуты были воды океана: ибо дѣйствовали одинаково при берегахъ Швеціи, Франціи и Россіи.

«С.-Петербургъ находится въ 59° 56′ сѣверной широты; С.-Франциско въ широтѣ 37° 48′ 30″. Географическое разстояніе между сими двумя мѣстами 10.538 верстъ».

Впрочемъ, болѣе или менѣе, ошибочныя догадки о причинахъ наводненія, теорія приливовъ и отливовъ, законы штормовъ и т. п. не входятъ въ программу нашихъ лѣтописей. Перейдемъ къ повѣствованіямъ современниковъ, пытавшихся, въ одной общей картинѣ, изобразить всѣ ужасы катастрофы; затѣмъ, перейдемъ къ отдѣльнымъ, эпизодическимъ разсказамъ очевидцевъ о наводненіи въ различныхъ частяхъ города.

Первымъ бытописцемъ страшнаго дня 7-го ноября 1824 года— былъ извѣстный въ свое время писатель и публицистъ Ѳ. В. Булгаринъ [1]).

---

[1]) ...ое историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ ...Спб. 1826, въ 8 д. л., стр. 61—62.

[1]) ...листки 1824 года» №№ XXI и XXII.

«День 6-го ноября, предшествовавшій наводненію, былъ самый непріятный. Дождь и проницательный холодный вѣтеръ съ самого утра, воздухъ съ сыростью. Къ вечеру вѣтеръ усилился и вода значительно возвысилась въ Невѣ. Въ семь часовъ я уже видѣлъ на Адмиралтейской башнѣ сигнальные фонари для предостереженія жителей отъ наводненія. Въ ночь настала ужасная буря: сильные порывы юго-восточнаго [1]) вѣтра потрясали кровли и окна. Стекла звучали отъ плесковъ крупныхъ дождевыхъ капель. Безпечные жители столицы спокойно почивали по дневныхъ трудахъ, не обращая вниманія на буйство стихій. Съ разсвѣтомъ мы увидѣли, что вода чрезвычайно возвысилась въ каналахъ и сильно въ нихъ волновалась. Сначала появились на улицахъ только люди, вышедшіе изъ домовъ своихъ за дѣлами; но около 10 часовъ утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая высоко воздымалась пѣнистыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала ихъ о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидѣли несчастія и съ любопытствомъ смотрѣли на сей грозный феноменъ природы, уже низменныя мѣста, лежащія по берегамъ Финскаго залива и при устьѣ Невы, были затоплены, и жители Галерной гавани, Канонерскаго острова, Гутуевскаго, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казеннаго чугуннаго завода близь Екатерингофа, терпѣли бѣдствіе. Невозможно описать того ужаснаго явленія, которому были свидѣтелями люди, бывшіе въ сіе время на берегу Финскаго залива и чудесно спасшіеся отъ погибели. Необозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною, надъ которою распростертъ былъ туманъ отъ брызговъ волнъ, гонимыхъ противу теченія и разбиваемыхъ ревущими вихрями. Бѣлая пѣна клубилась надъ водяными громадами, которыя безпрестанно увеличивались, наконецъ, яростно устремились на берегъ. Множество деревянныхъ строеній, подверженныхъ первымъ ударамъ и сильному напору огромной массы воды, не могли противустоять, поколебались въ своемъ основаніи и съ трескомъ обрушились. Люди спасались, какъ могли, въ уцѣлѣвшіе домы, на бревнахъ, плавающихъ кровляхъ, воротахъ; нѣкоторые лишились жизни при семъ случаѣ. Весь домашній скотъ и пожитки погибли. Вода безпрестанно прибывала, вѣтеръ усиливался и, наконецъ, возвышеніе воды въ Финскомъ заливѣ простерло бѣдствіе на цѣлый городъ. Нева, встрѣтивъ препятствіе въ своемъ теченіи и не могши излиться въ море, возросла въ берегахъ своихъ, наполнила каналы и чрезъ подземныя трубы хлынула въ видѣ фонтановъ на улицы. Въ одно мгновеніе вода полилась чрезъ края набережныхъ изъ рѣки и всѣхъ кана-

---

[1]) Грубѣйшая ошибка: вѣтеръ был
при вѣтрахъ восточномъ и юго-восто

ловъ и наводнила улицы. Трудно представить себѣ смятеніе и ужасъ жителей при семъ внезапномъ явленіи. Погреба, подвалы и всѣ нижнія жилья тотчасъ наполнились водою. Каждый спасалъ, что̀ могъ, и выносился на верхъ, оставляя въ добычу водѣ свое имущество. Нѣкоторые, слишкомъ заботливые, при спасеніи вещей и товаровъ, погибли въ погребахъ. Между тѣмъ, толпы народа, бывшаго на улицахъ, бросились въ домы, другіе поспѣшили въ свои жилища; но прибывшая вода принудила ихъ спасаться, гдѣ кто̀ могъ. Кареты и дрожки, которыя сперва разъѣзжали по водѣ, начали всплывать и спасаться на высокихъ мостахъ и по чужимъ дворамъ. Въ первомъ часу пополудни весь городъ (кромѣ Литейной, Каретной и Рождественской частей) залитъ былъ водою, вездѣ почти въ ростъ человѣка, и въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ (какъ напримѣръ, на перекресткѣ Большой Мѣщанской и Вознесенской улицъ, у Каменнаго моста) болѣе нежели на полторы сажени. Видъ съ бельведера дома Котомина былъ ужасный и величественный. Разъяренные волны свирѣпствовали на Дворцовой площади, которая съ Невою составляла одно огромное озеро, излившееся Невскимъ проспектомъ, какъ широкою рѣкою, до самаго Аничковскаго моста. Мойка скрылась отъ взоровъ и соединилась, подобно всѣмъ каналамъ, съ водами, покрывавшими улицы, по которымъ неслись лѣса, бревна, дрова и мебель. Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около двухъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ г. военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, на двѣнадцати-весельномъ катерѣ для поданія помощи и ободренія жителей. Нѣсколько малыхъ лодокъ проѣхало по Морской и большой катеръ съ нѣсколькими людьми различнаго званія, спасшимися отъ погибели на берегу Невы, сперва приставалъ къ нашему дому, а послѣ того остановился возлѣ дома Косиковскаго. На другой день этотъ катеръ стоялъ въ Морской улицѣ на мели.

«Но бѣдствія на Адмиралтейской сторонѣ (кромѣ Коломны) не были столь ужасны, какъ въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ на берегу Финскаго залива, въ поперечныхъ линіяхъ Васильевскаго острова, близь Смоленскаго поля, на Петербургской сторонѣ и вообще въ мѣстахъ низкихъ, заселенныхъ деревянными строеніями. Тамъ большая часть домовъ повреждена; иные смыты до основанія; всѣ заборы ниспровергнуты и улицы загромождены были лѣсомъ, дровами и даже хижинами. На многихъ улицахъ, во всѣхъ низкихъ частяхъ города, лежали изломанныя барки и одно паровое судно огромной величины съ завода г. Берда очутилось въ Ко[illegible] возлѣ сада митрополита римскихъ церквей Сестренцевича [illegible]). На Невѣ всѣ пловучіе мосты сорваны, исключая Сам-

[illegible] Н. Берга (стр. 66—67). Надобно воздать особенную благо[illegible]ъ-интенданту Василію Михайловичу Головнину († 1831).

соньевскаго и прелестнаго моста, соединяющаго Каменный островъ съ Петербургской стороною. Всѣ чугунные и каменные мосты уцѣлѣли; но гранитная набережная Невы поколебалась и многіе кайни, особенно на пристаняхъ, сдвинуты съ мѣста.

«Въ третьемъ часу по полудни вода начало сбывать; въ 7 часовъ уже стали ѣздить въ экипажахъ по улицамъ, и тротуары во многихъ мѣстахъ сдѣлались проходимыми. Въ ночь улицы совершенно очистились отъ воды, которая снова подчинилась своимъ законамъ теченія, оставивъ плачевные слѣды своего кратковременнаго буйства».

Александръ Павловичъ Башуцкій[1]) описалъ день наводненія болѣе прочувствованно и не менѣе правдиво, хотя въ указаніи направленія вѣтра впалъ въ ту же ошибку какъ и Булгаринъ.

«День 6-го ноября былъ нѣкоторымъ образомъ предвѣстникомъ будущаго несчастія: дождь шелъ съ самаго утра, вѣтеръ былъ рѣзокъ, холоденъ и дулъ съ чрезвычайною силой; къ ночи вода уже значительно возвысилась. Жители города, отвыкшіе отъ наводненій, безпечно отдавали вечеръ разсѣянію, и ночь спокойно провели въ отдыхѣ; самые осторожные полагали, что случайное возвышеніе воды, по обыкновенію, сбудетъ къ утру; къ несчастью, не такъ было. Въ ночь поднялся свѣжій вѣтеръ съ юго-востока; порывы его, съ часу на часъ усиливаясь, превратились въ ужасную бурю. Къ исходу десятаго часа послѣ полуночи, я вышелъ на берегъ Невы противъ Зимняго дворца; толпы народа стояли на гранитной набережной, о которую съ шумомъ разбивались волны, безпрерывно гонимыя бурею; выраженіе какого-то недоумѣнія, удивленія или любопытства, замѣняло на лицахъ зрителей страхъ или робость: такъ мало предвидѣли они мѣру близкаго и неотразимаго несчастія. Вскорѣ вода брызнула изъ подземныхъ трубъ, потомъ хлынула чрезъ гранитные затворы рѣкъ и каналовъ, и съ смутнымъ шумомъ, широкими волнами полилась по улицамъ (кромѣ Литейной, Каретной и Рождественской частей). Я не могъ уже пройти въ Большую Морскую, въ домъ военнаго генералъ-губернатора, но изъ оконъ Зимняго дворца поперемѣнно видѣлъ ужасныя дѣйствія разъяренной стихіи, на площади противъ дворца, на Невѣ, въ Большой Миліонной, и на сторонѣ, къ Адмиралтейству обращенной.

за благовременное поднятіе камелей на берегъ. Ежели бы сіи два огромные ковчега оставались еще на рѣкѣ, то 7-го ноября сорвало бы ихъ съ якорей, понесло бы между 7-ю и 8-ю линіями, куда вѣтеръ и теченіе стремились съ великою силою и сокрушило бы большую часть домовъ по сей улицѣ находящихся. Не говорю, во чтобы стали разломка и новая постройка, ибо стащить ихъ на воду едва ли возможно было.

[1]) Умеръ въ исходѣ 1860 годовъ, даровитый и трудолюбивый писатель, въ 1847—1848 г. редакторъ «Иллюстраціи», въ 1824 г. былъ адъютантомъ графа М. А. Милорадовича.

Зрѣлища сего описать невозможно. Зимній дворецъ, какъ скала, стоялъ среди бурнаго моря, выдерживая со всѣхъ сторонъ натискъ волнъ, съ ревомъ разбивавшихся о крѣпкія его стѣны, и орошавшихъ ихъ брызгами почти до верхняго этажа; на Невѣ вода кипѣла какъ въ котлѣ, и съ неимовѣрною силой обратила вспять теченіе рѣки; набережные домы казались парусами кораблей, нырявшихъ среди волнъ; всѣ мосты были сорваны и разнесены на части; два тяжелыя флашкоута сѣли на гранитный парапетъ противу Лѣтняго сада; барки и другія суда съ быстротою молніи неслись какъ щепки вверхъ по рѣкѣ; отчаянные люди, съ распростертыми руками, въ оцѣпенѣніи ожидали неминуемой гибели; огромныя массы гранита были сдвинуты съ мѣста или вовсе опрокинуты.

«На площади противъ дворца другая картина: подъ небомъ, почти чернымъ, темная зеленоватая вода вертѣлась какъ въ огромномъ водоворотѣ; по воздуху, высоко и быстро крутясь, носились широкіе листы желѣза, сорванные съ крыши новаго строенія Главнаго штаба: буря играла ими какъ пухомъ; два длинные деревянные тротуара, поперегъ между заборовъ недоконченнаго зданія сдѣлали плотину, на которую волны упирали съ ревомъ и, достигнувъ высоты ея, полились въ Малую Миліонную. Въ Большую Миліонную чрезъ узкій переулокъ, выходящій на Неву, вдвинуло водою огромную барку, перегородившую улицу. Люди, застигнутые водою, лѣзли въ окна, на фонари, цѣплялись за карнизы и балконы домовъ, прятались на вершинахъ деревъ, посаженныхъ вкругъ бульваровъ, садились на имперіялы каретъ; лошади тонули въ запряжкѣ. По Невѣ плыли брусья краснаго дерева, ящики и тюки съ товарами; у 1-го Кадетскаго корпуса стояла барка съ сѣномъ, возлѣ зданія 12 Коллегій такихъ же двѣ. По линіямъ разметаны были барки съ дровами и угольемъ; къ балкону одного дома прибило два большія транспортныя судна, два таковыя же внесло въ переулокъ; часть разбитаго сельдянаго буяна занесена была бурею изъ 4-го квартала Васильевской части на Петербургскую сторону, гдѣ, близь Троицкой церкви, стояло нѣсколько барокъ съ огромнымъ грузомъ: по улицамъ 1-й Адмиралтейской части плавали могильные кресты, занесенные съ кладбищъ, на чрезвычайно далекомъ разстояніи расположенныхъ!..

«Но что значили бѣдствія Адмиралтейской стороны (кромѣ Коломны) въ сравненіи съ зарѣчными частями города, близко къ заливу лежащими, или съ мѣстами, по берегамъ онаго расположенными, гдѣ вода доходила до 16 футъ! Здѣсь не предвидѣли еще грозной опасности, а тамъ—въ Гавани, на Канонерскомъ и Гутуевскомъ островахъ, въ Екатерингофѣ, въ деревняхъ Тентелевой, Емельяновкѣ, Афтовой, и на Чугунномъ заводѣ, терпѣли бѣдствіе, при одномъ воспоминаніи котораго сердце невольно содрогается!!

Зрѣлища уничтоженія и гибели были наиболѣе ужасны на Чугунномъ заводѣ: съ самаго начала наводненія, рабочимъ позволено было возвратиться въ свои жилища, отдѣльно отъ завода расположенныя; но быстрота прибывавшей воды уже препятствовала имъ достигнуть до оныхъ; спасая собственную жизнь на крышахъ и въ верхнемъ жильѣ завода, сіи несчастные должны были видѣть потерю своей собственности и—что еще ужаснѣе!—смерть женъ и дѣтей, гибнувшихъ почти передъ ихъ глазами, не имѣя возможности подать имъ какую-либо помощь!

«Въ два часа с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, на 12-весельнемъ катерѣ появился на Невскомъ проспектѣ; многіе частные люди на лодкахъ выѣхали на улицы, по коимъ несчастные были спасаемы ими. Въ началѣ третьяго, вода пошла на убыль, а къ ночи улицы совершенно освободились отъ оной».

Самуилъ Ивановичъ Аллеръ [1]), какъ житель Смольнаго монастыря не можетъ назваться очевидцемъ наводненія: онъ только компилировалъ разсказы другихъ, или пользовался оффиціальными документами. Тѣмъ не менѣе его нельзя миновать при выдержкахъ изъ разсказовъ о 7-го ноября 1824 года.

«Еще 6-го ноября, особенно къ вечеру, сильный юго-западный вѣтеръ, вздымавшій ужасными порывами своими воду въ рѣкахъ и каналахъ Петербурга, до самыхъ береговъ, казалось предвѣщалъ столицѣ грозное бѣдствіе. Но большая часть оной, какъ юные воины на полѣ брани, не испытавъ еще опасности, оставались спокойными зрителями, тѣмъ больше, что къ ночи вѣтеръ сталъ нѣсколько утихать; не смотря на то, однакожъ, зажженные фонари, для означенія необыкновеннаго возвышенія воды, съ Адмиралтейской башни не были снимаемы и пушечные выстрѣлы слышны были неоднократно въ продолженіе ночи. 7-го числа рано по утру, вѣтеръ сильно началъ увеличиваться, а въ 10 часу превратился въ ужасную бурю, которая не токмо срывала крыши съ домовъ и вырывала большія деревья съ корнями, но даже обратила естественное теченіе самой Невы въ противную сторону. Въ то время было до 6 град. тепла по Реомюрову термометру; барометръ опустился чрезвычайно низко, почти до 27 д., а воздухъ сдѣлался весьма густъ.

«Въ 10 часовъ вода начала выступать изъ береговъ, а въ началѣ 12 часа наводнились уже двѣ трети города, и только большая половина Литейной и Московской части, также Каретная и Рождественская, кромѣ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстъ, оставались незалитыми водою. Такимъ образомъ, вода съ чрезмѣрною скоростью возвышалась до 3 часа. Между тѣмъ, не многіе пред-

---

[1] Родился въ 1788, умеръ въ ноябрѣ 1860 года, авторъ первой книги посвященной описанію наводненія.

видѣли предстоявшее несчастіе; иные смотрѣли съ любопытствомъ, какъ вода изъ рѣшетокъ подземныхъ трубъ била фонтанами; другіе, примѣчая постепенное возвышеніе оной, вовсе не заботились о спасеніи собственности и даже жизни своей, пока, наконецъ, вдругъ въ улицы со всѣхъ сторонъ не хлынула вода, которая заливала экипажи, потопила нижнія жилья домовъ, ломала заборы, разрушала мостки, крыльца, фонарные столбы и несущимися обломками выбивала не только стекла, но даже самыя рамы, двери, перилы, ограды и проч. Тогда всеобщее смятеніе и ужасъ объяли жителей. Никто не зналъ за что взяться: ибо рѣдкій находился тамъ, гдѣ ему надлежало быть. Въ полдень улицы представляли уже быстрыя рѣки, по коимъ носились барки, гальоты, гауптвахты, будки, крыши съ домовъ, дрова, всякій хламъ, трупы домашняго скота и проч.

«Среди порывовъ ужасной бури, повсюду слышны были крикъ отчаянный людей, ржанье коней, мычаніе коровъ, вой собакъ. Въ сіе самое время изъ средины города придворные конюхи и служители частныхъ людей спѣшили въ бродъ на возвышенную часть онаго для спасенія сихъ животныхъ. Многіе, особенно пріѣзжіе, извозчики, торгующіе крестьяне и прочаго званія люди, бывъ застигнуты внезапнымъ наводненіемъ на улицахъ и площадяхъ и не знавъ высшей части города, стремились для спасенія себя и лошадей своихъ туда, гдѣ вода по низости мѣста была гораздо выше и гдѣ они дѣлались жертвою яростныхъ волнъ. Домашній скотъ, преимущественно лошади, находясь на волѣ не на привязи, спасался самъ, гдѣ только могъ примѣтить возвышеніе, напротивъ того бывшій въ конюшняхъ и хлѣвахъ, коего не успѣли изъ сего заключенія освободить, большею частью погибъ, особенно отъ того, что повсюду полы, не прибитые гвоздями, были силою воды подняты и несчастныя животныя проваливались. Во многихъ домахъ вторые и третьи этажи представляли конюшни.

«Вскорѣ люди начали ѣздить по улицамъ на шлюпкахъ, лодкахъ, катерахъ и даже плотахъ для спасенія утопавшихъ; но вѣтеръ былъ такъ силенъ, что собственная ихъ жизнь была въ опасности, и они сами принуждены были искать спасенія на дворахъ, изъ коихъ нѣкоторые, будучи окружены большими строеніями и находясь въ защитѣ отъ вѣтра, служили имъ какъ бы гаванью. По разлитіи воды Исаакіевскій мостъ, представлявшій тогда крутую гору, былъ силою бури разорванъ на части, которыя понеслись противъ теченія рѣки въ разныя стороны, такъ что нѣсколько плашкотовъ онаго съ находившимися въ то время на нихъ людьми, взошли на возвышенный берегъ Адмиралтейства. Большая часть прочихъ мостовъ не устояли также противъ ужасной бури.

«Нева разъяренная представляла страшную и плачевную картину. По ней неслись съ Васильевскаго острова къ Охтѣ барки съ сѣномъ, дровами, угольями, плоты бревенъ, гальоты, разныя

суда и обломки строеній, на коихъ погибавшіе съ распростертыми руками молили о спасеніи. Даже по нѣкоторымъ улицамъ видны были подобныя суда съ грузомъ; плывшіе по онымъ дрова, бревна, доски и прочіе строительные матеріалы покрывали въ иныхъ мѣстахъ всю поверхность воды. Самое же ужаснѣйшее зрѣлище было въ Галерной гавани и на казенномъ чугунномъ заводѣ. Въ гавани многіе домы могли бы еще устоять противъ ярости волнъ и вѣтра, еслибъ не претерпѣли величайшаго вреда отъ большихъ судовъ, носившихся тамъ съ такою быстротою, что и твердые домы, на кои они находили, мгновенно разрушались, и многіе люди, коихъ жилища такимъ образомъ сносились, спасали жизнь свою на тѣхъ же самыхъ судахъ, отъ которыхъ претерпѣвали толь ужасное бѣдствіе. Однакожъ, тѣ домы, кои были подъ защитою большихъ деревьевъ, уцѣлѣли наружностію своею болѣе нежели другіе, стоявшіе на открытыхъ мѣстахъ. Отъ купеческой биржи и другихъ торговыхъ мѣстъ плыли брусья краснаго дерева, бочки и тюки съ товарами. Съ Смоленскаго кладбища, гдѣ были разрушены самые твердые памятники съ желѣзными оградами, неслись во множествѣ деревянные кресты съ могилъ и проч.

«И такъ вода прибывала до 2 часовъ и каждымъ дюймомъ увеличивала отчаяніе устрашенныхъ жителей, какъ вдругъ барометръ неожиданно поднялся до 30 д. и вода пріостановилась на четверть часа; а въ четверть третьяго начала вдругъ сбывать гораздо съ большею скоростію, нежели съ какою прибывала. Нельзя описать чрезвычайной радости жителей, они возносили однѣ теплыя молитвы ко Всевышнему за его милосердіе.

«Вслѣдъ за симъ настигла ночная темнота, и въ тотъ вечеръ невозможно было еще узнать о всѣхъ бѣдствіяхъ сего памятнаго и рокового дня, кои представлялись жителямъ не столь ужасными, каковыми они были на самомъ дѣлѣ. Едва, однакожъ, уменьшилась нѣсколько вода, какъ возникло, не смотря на темноту, сообщеніе по улицамъ; тѣ, коихъ вода застигла на дорогѣ или кои принуждены были искать спасенія своего въ незнакомыхъ домахъ, отправились еще по поясъ въ водѣ къ жилищамъ своимъ, чтобы обрадовать домашнихъ своихъ, или пѣшкомъ или на такихъ экипажахъ, какіе только могли найти по дорогѣ. Но что было вѣрнѣе и безопаснѣе идти пѣшкомъ по водѣ или ѣхать на чемъ-нибудь? Улицы были завалены всякимъ хламомъ, плававшимъ по водѣ, а среди самыхъ мостовыхъ у рѣшетокъ надъ подземными трубами сдѣлались прососы, въ кои проваливались экипажи съ лошадьми... При томъ не было никакой возможности засвѣтить по улицамъ фонари: ибо тѣ изъ нихъ, кои были прикрѣплены къ стѣнамъ домовъ, повредились отъ вѣтра, а другіе, находившіеся на особыхъ деревянныхъ столбахъ, были или опрокинуты или даже снесены водою.

«На другой день рано по утру народъ уже толпился по тѣмъ

улицамъ, гдѣ взорамъ онаго представлялись слѣды столь разрушительнаго и ужаснаго дня. По всѣмъ сторонамъ видны были кружки людей, внимательно съ сокрушеніемъ слушавшихъ извѣстія о всѣхъ злосчастіяхъ послѣ наводненія. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что наиболѣе потерпѣли: большая часть Васильевскаго острова, Коломна, Екатерингофъ... Почти во всѣхъ сихъ мѣстахъ остались только коегдѣ заборы; строенія же, какъ жилыя, такъ и нежилыя, почти всѣ повреждены болѣе или менѣе, смотря по мѣстному ихъ положенію, а нѣкоторыя изъ нихъ даже совсѣмъ не найдены на мѣстахъ. Конечно, въ Адмиралтейскихъ частяхъ и вездѣ, гдѣ строенія каменныя, сіе наводненіе не имѣло столь пагубныхъ послѣдствій, однако, потопленіе всего нижняго жилья, разнаго рода магазиновъ, лавокъ, лабазовъ и погребовъ, изъ коихъ не было возможности въ столь короткое время спасти товары и запасы, нанесло несмѣтныя потери въ торговомъ и хозяйственномъ отношеніи.

«На другой день Галерная гавань представляла видъ ужаснѣйшихъ развалинъ: тамъ большія суда и гальоты лежали во множествѣ по улицамъ и дворамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ были ряды домовъ, сдѣлались площади, поперекъ улицъ стояли и лежали снесенные домы и крыши; разными обломками и домашнею утварью была большая часть улицъ такъ завалена, что почти не было возможности пройти, со всѣхъ сторонъ подъ грудами развалинъ видны были трупы людей и домашняго скота. Множество животныхъ лежали полумертвыми отъ усталости послѣ борьбы съ волнами. По всѣмъ линіямъ разбросаны были заборы, палисады, мостки и даже въ нѣкоторыхъ брусья краснаго дерева; берега же Невы были завалены судами, будками и разнымъ хламомъ... Въ Чекушахъ, гдѣ снесено множество домовъ, преимущественно повреждены были кожевенные заводы. Въ иныхъ мѣстахъ сдѣлалась такая перемѣна, что трудно было узнать и самую знакомую улицу, даже мѣсто жительства своего. Тамъ люди принуждены были спасаться на плотахъ, кои сколачивали они изъ обломковъ строенія»...

Слѣдующій разсказъ одного изъ нашихъ новѣйшихъ историковъ [1]) изображаетъ намъ страданія и личныя впечатлѣнія императора Александра I.

«Нева, выступивъ изъ береговъ, разлилась по улицамъ и площадямъ столицы, угрожая людямъ, нарушившимъ тишину и необитаемость ея негостепріимыхъ береговъ, всеобщимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ. Обломки деревянныхъ домовъ и утвари носились по улицамъ; катера спасали людей. Населеніе было въ страшной агоніи; видѣли ясно, что если морской вѣтеръ продолжится еще часа два, то городъ погибъ. Провидѣніе, на этотъ разъ, отклонило гибель; вѣтеръ началъ стихать и перемѣнять на-

---

[1]) Е. П. Ковалевскій, «Графъ Блудовъ и его время». Спб. 1866, стр. 150—152.

правленіе: вода убыла; но бѣдствія, которыя она оставила за собой, были огромны.

«Государь, въ порывѣ своей сострадательной души, работалъ неусыпно, какъ во время наводненія, такъ и послѣ него, посѣщая жилища бѣдняковъ и принося имъ помощь вещественную и утѣшеніе. Едва вода на столько стекла, что можно было проѣхать по улицамъ, онъ отправился въ Галерную. Тутъ страшная картина разрушенія предстала передъ нимъ. Видимо пораженный, онъ остановился и вышелъ изъ экипажа; нѣсколько минутъ стоялъ онъ непроизнося ни слова; слезы медленно текли по щекамъ; народъ обступилъ его съ воплемъ и рыданіемъ: «за наши грѣхи Богъ насъ караетъ»,—сказалъ кто-то изъ толпы.—«Нѣтъ, за мои!»—отвѣчалъ съ грустію государь; самъ распорядился о временномъ пріютѣ и пособіи пострадавшимъ, оставивъ для исполненія и наблюденія одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, и отправился на Литейный заводъ. Онъ подъѣхалъ къ уцѣлѣвшему зданію, вокругъ котораго толпился народъ, и, вошедши въ него, увидѣлъ другого рода картину: на полу и нарахъ лежали двѣнадцать или болѣе труповъ, иные уже въ гробахъ, другіе ожидали еще своего вѣчнаго помѣщенія. Государь и тутъ нѣсколько времени оставался. Онъ какъ будто намѣренно пыталъ себя этимъ зрѣлищемъ, чтобы внутренними муками искупить тотъ грѣхъ, который созидало его мрачное воображеніе. Какъ бы то ни было, но народъ опять увидѣлъ въ немъ прежняго своего Александра; подавленная любовь выразилась съ новой силой.

«Двѣ эпохи въ жизни Александра особенно способствовали къ тому, чтобы соединить существованіе его съ существованіемъ народа и утвердили многочисленныя связи ихъ сопрягавшія. Эпохи сіи суть—событія въ 1812 и бѣдствіе Петербурга въ 1824 г. Тутъ онъ является героемъ своего отечества, мужественнымъ защитникомъ своего народа, его подпорою и спасителемъ». Эти слова принадлежатъ С. С. Уварову, который былъ однимъ изъ исполнителей воли Александра во время бѣдствій 1824 года.

«На воспріимчивую душу Александра это событіе имѣло важное вліяніе; въ ней долженъ былъ совершиться переломъ къ прежней энергіи, которая уже и начала было проявляться. Къ несчастію, оно не осталось также безъ послѣдствій на его здоровье; не смотря на крѣпость свою, оно не могло безъ ущерба выдержать столько потрясеній нравственныхъ, такихъ трудовъ и усилій физическихъ».

И. И. Мартыновъ, въ письмахъ своихъ о наводненіи, разсказывая о посѣщеніи государемъ Чугуннаго завода, говоритъ:

«Какими потоками слезъ орошалъ ангелъ нашъ, при воплѣ и рыданіи окружавшихъ его несчастливцевъ, пережившихъ наводненіе; какъ онъ утѣшалъ ихъ—самъ в

Александръ смотрѣлъ на ужасы наводненія съ балкона Зимняго дворца и такъ изобразилъ его Пушкинъ:

«И въ думѣ, скорбными очами,
«На злое бѣдствіе глядѣлъ:
«Стояли стогна озерами
«И въ нихъ, широкими рѣками
«Вливались улицы. Дворецъ
«Казался островомъ печальнымъ...»

Сохранилось преданіе будто мимо дворца неслись по волнамъ колыбель съ плачущимъ младенцемъ и гробъ (быть можетъ пустой). Это было какъ бы напоминаніемъ императору о таинственной, пророческой связи наводненій съ его рожденіемъ и кончиною. Благодаря энергическимъ распоряженіямъ графовъ Милорадовича, Комаровскаго, Бенкендорфа, и другихъ административныхъ лицъ, усердно исполнявшихъ повелѣнія императора, много было спасено несчастныхъ отъ неминуемой смерти. Личное участіе Александра въ поданіи помощи погибавшимъ было бы напраснымъ рискомъ здоровья и собственной его жизни: главнокомандующій не дерется съ непріятелями наряду съ солдатами... Но со слѣдующаго же дня, цѣлую недѣлю, государь посѣщалъ мѣста раззоренныя наводненіемъ, утѣшая пострадавшихъ и помогая имъ. О впечатлѣніяхъ своихъ императоръ передавалъ самъ графу Евграфу Ѳедотовичу Комаровскому [1]), временному генералъ-губернатору Петербургской части и одному изъ главныхъ дѣятелей въ выдачѣ пособій и облегченіи участи пострадавшимъ.

«8-го ноября,—разсказываетъ онъ,—на другой день наводненія, я получаю записку отъ бывшаго тогда начальникомъ главнаго штаба его величества генералъ-адъютанта Дибича, чтобы я въ три часа послѣ обѣда явился въ комнаты государя. Послѣ меня пріѣхали генералъ-адъютанты: Депрерадовичъ и Бенкендорфъ. Насъ позвали немедленно въ кабинетъ императора. Государь намъ сказалъ: «Я призвалъ васъ, господа, чтобъ вы подали самую скорую и дѣятельную помощь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ ужаснаго вчерашняго происшествія», — и у него примѣтны были слезы на глазахъ. «Я увѣренъ, что вы раздѣляете мои чувства состраданія»,— и продолжалъ говорить съ такимъ чувствительнымъ краснорѣчіемъ, что мы сами были чрезвычайно тронуты. «Я назначаю васъ, — присовокупилъ императоръ,—временными военными губернаторами зарѣчныхъ частей города, что вы увидите изъ сегодняшняго приказа. Вотъ вамъ инструкція наскоро составленная; сердца ваши ее дополнятъ. Поѣзжайте отсюда прямо къ министру финансовъ, который имѣетъ повелѣніе выдать каждому изъ васъ по 100.000

[1]) «Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 1296—1299. Графъ родился 18-го ноября 1775 г., 2-го октября 1843 года.

рублей на первый случай». Мы вышли изъ кабинета государя восхищенные тѣмъ, что слышали и сказали: «жаль, если разговоръ сей не сохранится для потомства, ибо онъ изобразилъ бы императора Александра таковымъ, каковъ онъ точно есть и послужилъ бы лучшимъ панегирикомъ его небесной души; но останется памятникомъ начертанная собственною его величества рукою инструкція, государемъ намъ данная, въ коей видна его нѣжная и отеческая попечительность о несчастныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія и въ коей ничего не было упущено къ услажденію ихъ плачевной участи.

«Генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Выборгскую часть, я — на Петербургскую сторону, а Бенкендорфъ—на Васильевскій островъ. Мы въ тотъ же вечеръ получили опредѣленную сумму. Мое мѣстопребываніе было назначено въ домѣ коменданта крѣпости, куда я и отправился ночевать. Мы подчинены были военному генералъ-губернатору графу Милорадовичу, которому и должны были дѣлать наши донесенія; но находящаяся мѣстная полиція и квартировавшія въ этой части города войска состояли подъ непосредственнымъ нашимъ начальствомъ.

«Между тѣмъ, учреждены были и на адмиралтейской сторонѣ частные комитеты, которыхъ предсѣдателями были гг. сенаторы. Эти комитеты были подчинены центральному комитету подъ предсѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Мы также учредили при себѣ комитеты изъ особъ, пользующихся наиболѣе уваженіемъ обывателей той части города.

«На другой день моего пріѣзда на Петербургскую сторону, къ которой присоединены были Каменный и Аптекарскій острова, я поѣхалъ осматривать оную, и никакъ не могъ представить себѣ такого опустошенія, каковое я нашелъ повсемѣстно. Всѣ заборы были снесены, всѣ мосты, даже черезъ канавы, раздѣляющіе улицы, сорваны, такъ что никакого сообщенія между ними не было; множество фонарей и нѣсколько будокъ были истреблены водою. По сдѣланному послѣ счету до 160 барокъ разной величины и нѣсколько галіотовъ находились на улицахъ. Извѣстно, что на Петербургской сторонѣ, всѣ почти обывательскіе дома деревянные въ одинъ этажъ, кромѣ Большого проспекта, во всѣхъ этихъ домахъ вѣтромъ разбило стекла, а вода разрушила печи, особенно въ слободкѣ называемой Колтовской; на берегу взморья вода была вышиною въ три аршина. Тамъ многіе ветхіе дома совсѣмъ были снесены. Жителей, по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, погибло на Петербургской сторонѣ до 90 душъ обоего пола. Я не зналъ сначала за что приняться. Пріѣхавъ въ Колтовскую и увидя множество жителей безъ пріюта и безъ пищи, я [illegible] первый случай, кое-какъ ихъ размѣстить по сосѣ[illegible] ну-

дающимся до 2,500 рублей; призвалъ къ себѣ священниковъ и церковныхъ старостъ и далъ имъ деньги, чтобы по ихъ усмотрѣнію, они подавали всякій день милостыню бѣднымъ и нищимъ; послалъ отыскать стекольщиковъ и печниковъ, но, къ несчастію, какъ оно было уже въ глубокую осень, и всѣ мастеровые разошлись по своимъ деревнямъ, то и посланы были нарочные, чтобы воротить ихъ всѣхъ назадъ, и въ нихъ уже не было болѣе недостатка. Комитетъ, при мнѣ находившійся, состоялъ изъ шести членовъ: четверо было изъ дворянъ, а двое купцовъ. Петербургская сторона раздѣлена (была) на четыре квартала, первый кварталъ порученъ былъ сначала коллежскому асессору Львову, а потомъ, Мельяну; второй—коллежскому совѣтнику Агаѳонову; третій—купцу Шубину; четвертый—купцу же Шульгину. Дѣйствительному статскому совѣтнику Кермиковскому поручены были Каменный и Аптекарскій острова, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагода находился въ комитетѣ и получалъ отъ меня иногда особыя порученія. Сверхъ того, въ каждомъ кварталѣ учреждены были особыя комитеты, въ которыхъ члены находились извѣстные своимъ хорошимъ поведеніемъ изъ мѣщанъ и изъ ремесленниковъ. Эти квартальные комитеты назначены были въ помощь члену частнаго комитета, которому ввѣренъ былъ кварталъ. Изъ обывателей избраны были надежные и честные люди, которые раздавали въ каждомъ кварталѣ пищу, состоявшую въ скоромные дни изъ щей съ говядиной, а въ постные изъ кашицы со снѣтками, гречневой каши и хлѣба съ солью. При всякомъ изъ сихъ раздаятелей находился офицеръ внутренней стражи, съ двумя рядовыми, для порядка. Сначала раздавалось ежедневно пищи до 2,000 порцій, а когда устроены были печи въ домахъ бѣдныхъ, то отпускали имъ дрова и муку. При гарнизонномъ баталіонѣ, расположенномъ на Петербургской сторонѣ, учреждена была швальня, въ которой шили: армяки, тулупы и раздавалась также прочая одежда и обувь, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Этимъ завѣдывалъ баталіонный командиръ, полковникъ Елистратовъ. Строительная часть поручена была находившемуся при штабѣ моемъ квартирмейстерской части подпоручику барону Корфу и архитектору Беретти, жившему на Петербургской сторонѣ. Возстановленіе фонарей, будокъ и заборовъ возложено было на находившагося при мнѣ по особымъ порученіямъ майора Кельчевскаго. Канцеляріею моею управлялъ штабъ-офицеръ майоръ Репешко; равно и адъютанты мои Жеребцовъ, графъ Толстой и Варонковскій были употреблены по разнымъ предметамъ. Обязанность членовъ комитета была: всякой день обходить по утру и во всякомъ домѣ осматривать поврежденія сдѣланныя водою; войти въ состояніе хозяина дома, а также находящихся въ ономъ жильцовъ и, соразмѣрно потери ихъ, назначать пособія, сначала самыя необходимыя, ибо эти вспо-

моществованія возобновлялись нѣсколько разъ, соразмѣрно суммѣ находившейся въ распоряженіи комитета. Всякое послѣ обѣда всѣ члены собирались у меня и мы, въ общемъ засѣданіи, разсматривали представленные членами комитета списки и назначали денежныя пособія, которыя члены получали подъ свои росписки тотчасъ и на другой день раздавали по принадлежности, и, такимъ образомъ, это повторялось каждый день. Мнѣ казалось, что это былъ наиуспѣшнѣйшій способъ доставлять пособія. На третій день моего на Петербургской сторонѣ пребыванія, 10-го ноября, посѣтилъ меня государь. Наканунѣ того дня присланы были дрожки въ одну лошадь съ кучеромъ съ императорской конюшни, чтобъ находиться въ нанятой у самого перевоза квартирѣ. Я встрѣтилъ государя, какъ онъ изволилъ выходить изъ катера. Его величество началъ расказывать мнѣ, что наканунѣ былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. На четвертой верстѣ петергофской дороги находился казенный литейно-чугунный заводъ, состоявшій у самаго взморья; деревянныя казармы были построены для жительства рабочихъ людей, принадлежавшихъ къ заводу. Въ девять часовъ утра 7-го ноября, вѣтеръ сталъ подниматься, вода прибывать; ударили въ колоколъ, чтобъ распустить съ работы людей; всѣ бросились къ своимъ жилищамъ, но уже было поздно,—вода, съ такою скоростью прибывала, что этимъ несчастнымъ невозможно было достигнуть казармъ, гдѣ находились ихъ жены и дѣти, и, вдругъ, большую часть сихъ жилищъ понесло въ море. Каково же было положеніе этихъ бѣдныхъ людей, видящихъ ихъ семейства погибающими и не имѣющихъ способовъ подать имъ малѣйшую помощь,—примѣтно было, что государь внутренно страдалъ, разсказывая объ этомъ ужаснѣйшемъ происшествіи и присовокупить изволилъ: «Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, и видалъ мѣста послѣ битвы, покрытыя бездушными трупами, слышалъ стоны раненыхъ, но это неизбѣжный жребій войны; а тутъ, увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ». Потомъ, государь, сѣлъ на дрожки и я поѣхалъ впередъ. Сначала я повезъ его величество къ Тучкову мосту; тутъ, посреди проспекта стоялъ преогромный галіотъ, такъ, что мы принуждены были сойти съ дрожекъ и идти пѣшкомъ. Государю хотѣлось видѣть второй кадетскій корпусъ, но когда мы вышли на берегъ Невы, то все парадное мѣсто покрыто было барками, бревнами и такимъ множествомъ дровъ, что и пѣшкомъ шагу впередъ было сдѣлать невозможно. Между тѣмъ, императоръ у меня спрашивалъ, что я успѣлъ сдѣлать въ это короткое время, и, кажется, отвѣтомъ моимъ былъ доволенъ; приказывалъ, чтобъ я ничего не щадилъ для призрѣнія бѣдныхъ. Потомъ, кое-какъ, мы пробрались на Каменноостровскій проспектъ; тутъ открылось намъ необозримое поле ого-

родовъ, и мы могли доѣхать только до Карповки, ибо мостъ черезъ оную былъ сорванъ; но Бетанкуровъ мостъ на Каменный островъ уцѣлѣлъ. Государь сошелъ съ дрожекъ и сказалъ мнѣ: «Какое ужасное опустошеніе. Ну, братъ, тебѣ предстоитъ много труда. Я почти не узнаю»,—продолжалъ его величество,—«проспектъ, по которому я столько лѣтъ безпрестанно ѣзжалъ!». Что болѣе всего удивило государя, это двѣ преогромныя барки съ углями, въ коихъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей онаго (?), приведенныя за нѣсколько дней до наводненія, для Монетнаго двора. Эти барки стояли подлѣ ограды деревянной церки св. Троицы, и вышиною своею равнялись почти съ нею. Государь, осыпавъ меня, по обыкновенію, милостивыми привѣтствіями, изволилъ на катерѣ возвратиться во дворецъ, обѣщавъ еще скоро меня посѣтить. Мнѣ сказывали послѣ, что священникъ служилъ обѣдню въ церкви св. Троицы, при чемъ находилось и нѣсколько молельщиковъ; когда вѣтеръ усилился и понесло барки съ углями прямо на ограду, вдругъ сдѣлалось темно; между тѣмъ, вода начала входить въ церковь. Священникъ предложилъ всѣмъ находившимся въ оной исповѣдаться и причаститься, полагая, что эти барки, ударясь о церковь разрушатъ ее, и что смерть ихъ неизбѣжна; но, къ счастію, въ оградѣ было нѣсколько большихъ березъ, которыя, вѣроятно, остановили стремленіе барокъ до тѣхъ поръ, какъ начала вода убывать».

Страшно было на Петербургской сторонѣ, но на долю Васильевскаго острова досталась чаша горя переполненная черезъ край; здѣсь, богачи-негоціанты и биржевики теряли милліоны въ видѣ товаровъ, хранившихся въ биржевыхъ сараяхъ, кладовыхъ и въ таможенныхъ пакгаузахъ; бѣдняки лишались послѣдняго имущества! Наводненіе не пощадило даже «послѣднихъ жилищъ» и съ особеннымъ неистовствомъ свирѣпствовало на Смоленскомъ кладбищѣ. Приводимъ разсказъ о томъ о. С. И. Златовича изъ его историческаго очерка [1]).

«Со страшною силою вода хлынула на кладбище и поднялась надъ нимъ почти на 10 футовъ. Всѣ кладбищенскіе заборы были снесены, мосты и мостки уничтожены; кресты съ могилъ унесены на Выборгскую сторону, гдѣ, въ морскомъ госпиталѣ всю зиму крестами топили печи. Земляныя насыпи на могилахъ смыты; каменныя и металлическія надгробныя плиты сдвинуты съ мѣста и занесены землею. Даже большая часть памятниковъ была свалена, частію напоромъ волнъ, частію паденіемъ вырванныхъ съ корнемъ и сломанныхъ деревьевъ. Деревянная церковь Архистратига Михаила, въ 1818 году совершенно перестроенная духовникомъ госу-

---

[1]) «Русская Старина», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 190—191.

даря протопресвитеромъ Криницкимъ [1]), была размыта до такой степени, что послѣ наводненія служить въ ней не было возможности. Въ большой церкви вода влилась въ подвалъ и уничтожила хранившіеся тамъ церковныя книги, документы и подняла полъ [2]). Вода прошла и въ богадѣльню и затопила ее. Три старушки думали спастись на печкѣ и потонули [3]). Другіе убѣжали на чердакъ и тамъ спаслись; но ихъ убогіе пожитки всѣ унесены водою. Въ богодѣльнѣ вода сломала деревянную галлерею, размыла печи, испортила полы. Внѣ кладбища всѣ заборы, сараи, деревянныя избушки для огородниковъ—были размыты, сломаны, унесены. Унесло водою и траурное заведеніе: поплыли дроги, плащи, шляпы, попоны... Въ сѣверной сторонѣ одного каменнаго дома образовались трещины и самая стѣна отъ дома отдѣлилась. Вообще, послѣ наводненія, все Смоленское представляло картину полнаго разрушенія»...

Государь посѣтилъ Смоленское кладбище на четвертый день послѣ наводненія, о чемъ сохранился въ церковныхъ книгахъ слѣдующій рапортъ къ благочинному:

«Сего ноября 11 числа въ четвертомъ часу по полудни, его императорское величество всемилостивѣйшій нашъ государь императоръ Александръ Павловичъ, обозрѣвая водою раззоренныя жилища, благоволилъ всемилостивѣйше посѣтить и наше кладбище. Взошедъ въ церковь, помолился иконамъ, оглянулъ церковь и, въ болѣзни сердца, поклонился покойникамъ и изволилъ выйдти вонъ. Прошедъ за колокольню, посмотрѣлъ тамъ и пошелъ назадъ при богадля [4]) у богадѣленокъ спросилъ. «Какъ велика была вода?» Тѣ отвѣтствовали. Послѣ изволилъ сказать, чтобы онѣ много не скорбѣли: «Я вашъ покровитель»; изъ насъ же ни съ кѣмъ ни слова не говорилъ. О семъ вашему преподобію репортую. Протоіерей Георгій Петровъ [5]). Ноября 15 дня, 1824 года».

Помимо опустошеній и раззореній на кладбищѣ и въ домахъ ему принадлежавшихъ, наводненіе оставило по себѣ на немъ неизгладимые слѣды въ отношеніи нравственномъ: «оно усилило и увеличило нищенство и бродяжничество, по городу вообще, по Смо-

---

[1]) Павелъ Васильевичъ Криницкій скончался на 84 году 6-го декабря 1835 года. Погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ придѣлѣ св. Сергія и Вакха.

[2]) Уцѣлѣли церковныя и метрическія книги съ 1785 года, хранившіяся на колокольнѣ.

[3]) Не три а пять богадѣленокъ утонуло: Татьяна Иванова Бабина, Дарья Иванова Бедина, Анна Ѳедотова Боброва, Соломонида Савельева и Матрена Тимоѳеева. Полуистлѣвшіе останки Бединой найдены были въ маѣ 1825 года.

[4]) Это не описка: богадля встарину говорилось вмѣсто богадѣльня, — гораздо яснѣе передаетъ мысль о пріютѣ для Бога.

[5]) Первый настоятель Смоленскаго кладбища, скончал[illegible] 1825 года.

ленскому кладбищу въ особенности. Говоримъ не объ истинной нищетѣ, но о тѣхъ обоего пола пролетаріяхъ, которые создали себѣ изъ недавняго наводненія доходную статью. Они, какъ будто, родились изъ ила, нанесеннаго волнами взморья и Невы. Эти люди инфузоріи Божью ниву избрали для своей жатвы. Каждый, или каждая изъ нихъ, приставая къ посѣтителямъ, импровизировали или повторяли затверженные разсказы о понесенныхъ ими страданіяхъ, опасностяхъ, убыткахъ и утратахъ. По ихъ словамъ каждый, или каждая изъ нихъ, и всѣ поголовно овдовѣли, либо осиротѣли. Эти легенды были такъ правдоподобны, и мрачная обстановка разореннаго кладбища съ размытыми могилами и перекосившимися памятниками такъ гармонировала съ ними, что даянія слушателей сыпались щедрою рукою. Тонъ и характеръ просьбъ измѣнялись по мѣрѣ отдаленія отъ церкви: робкіе, приниженные въ первыхъ разрядахъ, оборванцы и салопницы становились дерзче и наглѣе на окраинахъ кладбища... И пять, и шесть, и десять лѣтъ прошло со времени наводненія, но нищенство продолжалось, хотя рѣже и рѣже звучали разсказы о погибшихъ 7-го ноября женахъ, мужьяхъ и дѣтяхъ...»

Мы еще возвратимся въ эту «юдоль плачевную», но теперь перейдемъ къ разсказамъ эпизодическимъ о страшномъ наводненіи, людей разныхъ возростовъ и званій.

Замѣшанный въ декабрьскую смуту Александръ Петровичъ Бѣляевъ 2-й, въ эпоху наводненія юноша двадцати одного года, посвящаетъ ему слѣдующія страницы своихъ воспоминаній [1]).

«Наводненіе 1824 года 7-го ноября началось въ ночь съ 6-го на 7-е. 6-го числа былъ сильный западный вѣтеръ, который затѣмъ превратился въ страшную бурю, такъ что теченіе Невы остановилось и вода стала заливать берега. Въ вечернемъ приказѣ я былъ назначенъ дежурнымъ по баталіону, а братъ мой дежурнымъ на императорскій катеръ, стоявшій противъ дворца у дворцовой набережной. Когда я шелъ отъ Калинкина моста, гдѣ мы жили, въ казармы, по набережной Мойки, то едва не былъ сбитъ съ ногъ силою урагана, такъ что, державшись только за перила изо всей силы, могъ подвигаться. Вода уже била фонтанами изъ всѣхъ водосточныхъ трубъ, заливая улицы и захватывая всѣхъ пѣшеходовъ, которые должны были по водѣ спѣшить къ своимъ домамъ или своимъ должностямъ. Всего болѣе было жаль бѣдныхъ дамъ, захваченныхъ этимъ внезапнымъ разливомъ. По мѣрѣ подъема воды стали показываться по улицамъ лодки, и одна изъ нихъ съ флигель-адъютантомъ Германомъ направилась въ наши ворота и этимъ проливомъ пристала къ каменной лѣстницѣ, гдѣ вода стояла уже на 5-й ступени изъ нижняго въ верхній этажъ. На этой лодкѣ

[1]) ...», изд. 1881 г., т. XXX, стр. 15—18.

отправилось нѣсколько матросовъ съ офицерами для поданія помощи въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ Невѣ вода поднялась уже выше набережной; ураганъ страшно свирѣпѣлъ, волненіе на Невѣ сдѣлалось громаднымъ; плыть внизъ по рѣкѣ уже не было возможности, все несло вверхъ противъ теченія. Когда противъ дворца показалась сѣнная барка, уже вполовину затопленная и люди кричали и просили помощи, государь, увидѣвъ ихъ изъ окна бѣдствующихъ, послалъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, который въ этотъ день былъ дежурнымъ, приказать катеру снять этихъ несчастныхъ. Генералъ передалъ приказаніе брату моему, командиру катера, который, сѣвъ на казачью лошадь, располагалъ подъѣхать къ катеру, такъ какъ у дворца вода была выше пояса; но когда онъ увидѣлъ, что генералъ тоже располагаетъ направиться къ катеру, то соскочилъ въ воду и они оба по поясъ въ водѣ, страшно холодной, достигли катера и взошли въ него. Барка уже много подалась вверхъ противъ теченія, и, когда люди были спасены, катеръ поворотилъ ко дворцу, такъ какъ ему приказано было снять только этихъ людей. Но когда 18 человѣкъ силачей гребцовъ начали гресть, то катеръ не подавался ни на шагъ. Братъ мой, управлявшій рулемъ, крикомъ поощрялъ гребцовъ навалиться (терминъ морской), но всѣ ихъ усилія были тщетны, и когда уже сломалось нѣсколько веселъ, и катеръ, не смотря на всю силу 18 могучихъ веселъ, несло вверхъ противъ теченія, братъ доложилъ генералу, что внизъ они уже плыть не могутъ, а надо поворотить по вѣтру и гдѣ будутъ погибающіе, то подать имъ помощь. Генералъ долженъ былъ согласиться съ этимъ доводомъ, не смотря на то, что былъ въ одномъ мундирѣ, такъ же какъ и братъ, и что они промокли до костей. Если они спаслись отъ смертельной простуды, то обязаны были этимъ, конечно, сильному нервному возбужденію и физическимъ усиліямъ при удержаніи катера, когда онъ долженъ былъ останавливаться для снятія погибавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ имъ посчастливилось спасти нѣсколько человѣкъ на сальномъ буянѣ, на Петербургской сторонѣ. Не видя уже болѣе утопавшихъ или бывшихъ въ опасности, они рѣшились дать отдохнуть отъ чрезмѣрныхъ усилій матросамъ и дать обсушиться какъ себѣ, такъ и имъ, потому что одежда ихъ была такъ мокра, что какъ будто они сейчасъ только вытащены были изъ глубины. Брызги валовъ, безпрестанно вершинами своими поддававшихъ въ катеръ и обливавшихъ людей съ головы до ногъ, не давали возможности даже бурному вѣтру хоть сколько-нибудь просушить ихъ. Они подъѣхали къ одному дому на Петербургской сторонѣ, котораго верхній этажъ былъ еще свободенъ отъ затопленія; но какъ входа въ домъ нигдѣ не было, то генералъ разрѣшилъ выбить одно изъ оконъ. Толстую доску, называемую схо[illegible] которая кладется съ катера на берегъ, для входа, нѣс[illegible] [illegible]росы

и такъ сильно ударили ею въ окно, что обѣ рамы съ трескомъ вылетѣли въ комнату. Квартира эта принадлежала одному очень милому, по отзывамъ брата, семейству, сколько помнится, Огаревыхъ. Они приняли ихъ, конечно, съ большимъ радушіемъ и самымъ нѣжнымъ участіемъ; снабдили сухимъ бѣльемъ, халатами, такъ какъ мундиры ихъ были совершенно мокры, напоили чаемъ съ ромомъ, а также команду и спасенныхъ людей. Къ утру буря стихла и они отправились во дворецъ. Когда генералъ Бенкендорфъ доложилъ государю обо всемъ, что было ими сдѣлано и отозвался съ похвалою о мужествѣ и распорядительности брата, какъ командира катера, государь приказалъ тотчасъ же надѣть на него орденъ Владиміра 4-й степени. Братъ, 18 лѣтній юноша, никакъ не хотѣлъ надѣть крестъ, отговариваясь, безъ сомнѣнія отъ искренняго сердца, что ничего не сдѣлалъ достойнаго такой награды, но генералъ сказалъ: «не ваше дѣло, молодой человѣкъ, разсуждать, когда государю угодно васъ наградить». Помнится, что Бенкендорфъ получилъ табакерку съ портретомъ государя и разсказывали, не знаю правда ли, что ему зачтенъ какой-то значительный казенный долгъ. Когда же братъ вернулся съ караула, съ какимъ восторгомъ я и всѣ товарищи узнали о его подвигѣ и наградѣ, но когда мы со службы пришли домой, то въ квартирѣ своей нашли страшное опустошеніе: мебель, платье, бѣлье, все было почти уничтожено. Не смотря на то, мы посовѣстились записаться въ списокъ пострадавшихъ отъ наводненія, которымъ повелѣно было выдать пособіе, соотвѣтственно потери каждаго. Сколько было несчастныхъ, которые болѣе насъ нуждались въ пособіи отъ казны. Списки составлялись по всѣмъ пострадавшимъ частямъ города; такъ какъ мы жили у Калинкина моста въ низовьяхъ рѣки, то вода въ нашихъ комнатахъ стояла выше роста человѣка; фортепьяно нашего товарища Бодиско обратилось въ лодку, потому что плавало въ комнатѣ со всѣмъ тѣмъ, что на немъ стояло.

«У многихъ домовъ, какъ оказалось утромъ, фундаменты были подмыты и еслибъ это наводненіе продолжилось дня два или три, то можно было ожидать страшнаго паденія многихъ зданій. Бертовскій пароходъ чуть ли не первый и не единственный въ то время, перевозившій пассажировъ въ Кронштадтъ, занесенъ былъ на Царицынъ лугъ и тамъ обмелѣлъ[1]).

«На другой день были назначены команды изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ при офицерахъ убирать расплывшіеся лѣса и другой хламъ, занесенный на улицы. Особенно пострадала Галерная

---

[1]) Ничего этого не было, на Царицыномъ Лугу обмелѣла одна только сѣнарка.

Мѣтка очевидца, смотрѣвшаго на наводненіе, со времени его начала изъ оконъ Мраморнаго дворца.

гавань; гдѣ жители низкихъ домиковъ и подвальныхъ квартиръ сдѣлались первыми и самыми многочисленными жертвами. Грустно было смотрѣть, когда попадались трупы утопленниковъ, а также видѣть несчастныхъ бѣдняковъ, оставшихся въ живыхъ и потерявшихъ все свое скудное имущество. Государь самъ ѣздилъ по всѣмъ наводненнымъ мѣстамъ, утѣшалъ пострадавшихъ, обѣщая имъ помощь и поистинѣ уподоблялся ангелу утѣшителю. Какъ ни клеветала на него злоба людей, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ его стремленія были возвышенными стремленіями, что сердце его было полно любви къ человѣчеству, а недостатки и слабости, какіе онъ могъ имѣть какъ человѣкъ и промахи или фальшивыя убѣжденія въ управленіи,—съ избыткомъ искупались прекрасными, высокими качествами его благороднѣйшей души. Онъ умеръ въ вѣрѣ, съ покаяніемъ и любовью къ Господу, прижавъ къ сердцу животворящій крестъ Господень.

«Я не говорю уже о его мягкомъ и очаровательномъ обращеніи со всѣми. Когда онъ увидѣлъ моего брата съ командой матросовъ на работахъ, онъ съ улыбкой спросилъ, сейчасъ же узнавъ его:—«А почему ты безъ креста?» Братъ, растерявшись отъ неожиданной встрѣчи, отвѣчалъ:—«Не успѣлъ надѣть, ваше величество!» На работы съ командою офицеры выходили въ старыхъ мундирахъ и запросто, не ожидая встрѣтиться лицомъ къ лицу съ государемъ».

Придворный протоіерей Іоаннъ Виноградовъ (въ эпоху наводненія діаконъ 24-хъ лѣтъ) разсказываетъ въ своихъ запискахъ [1]) объ ужасахъ во время катастрофы на Васильевскомъ островѣ.

«Ноября 7-го того же 1824 года, въ началѣ 12 часа по полуночи, долготерпѣливый, но праведный Богъ посѣтилъ Петербургъ, а паче нашъ островъ неслыханнымъ наводненіемъ. Кратко было оное, но ужасно и гибельно. Съ означеннаго часа до двухъ пополудни вода, вышедшая изъ береговъ своихъ за день ранѣе, лилась быстро съ обильнымъ потокомъ во дворы, по улицамъ, въ нижніе этажи и покрыла весь островъ на весьма высокую мѣру. У насъ, въ соборномъ дворѣ [2]), было оной до цѣлой печатной сажени; между тѣмъ какъ 1747 (вѣроятно 1777?) года наводненіе помнившіе увѣряли, что тогда въ семъ дворѣ воды было менѣе 1/4 аршина. Комнаты нижняго этажа, гдѣ я квартировалъ были залиты оною до двухъ аршинъ; въ обѣихъ церквахъ полы покрыты были вершковъ на 5. Правду сказать, ужасно и вспомнить о семъ событіи. Какъ съ горы вода катилась во всѣ мѣста,—большія барки съ грузомъ своимъ плыли по проспектамъ острова, дрова и бревна очень скоро наполнили дворы,—лошади тонули съ упряжью и экипажами, куры, коровы—все гибло въ сіи страшныя минуты; а люди, не успѣвшіе

---

[1]) «Русская Старина», изд. 1878 г. Томъ XXII стр. 571—574.

[2]) Св. Андрея Первозваннаго, по шестой линіи.

укрыться куда-нибудь, цѣплялись по проспектамъ за вѣтви деревъ и висѣли, пока могли, а тамъ или, при помощи, спасались, или падали въ воду. Двѣ лошади выпряженныя приплыли къ намъ во дворъ; долго плавали по оному и, наконецъ, какимъ-то истинктомъ попали на довольно высокое церковное крыльцо и тутъ нашли исканное спасеніе. Корова, вѣроятно, желая спастись отъ смерти, подымалась на высокое сквозное крыльцо; но вода залила сіе бѣдное животное, морозъ окостенилъ ее и въ такомъ положеніи я видѣлъ ее висящую. Домы и колокольни были наполнены застигнутыми водою. Добрые жители острова, на проспектахъ жившіе, выкидывали изъ оконъ веревки и втаскивали погибавшихъ.

«Вода оставила по себѣ много странныхъ и смѣшныхъ слѣдовъ своего посѣщенія, не говоря о плачевныхъ и достойныхъ сожалѣнія. Напримѣръ: всѣ книги мои, брошенныя въ торопяхъ на кухонную печь, съ сею печью упали въ воду, только библія, въ четырехъ томахъ, раскиданная по разнымъ мѣстамъ сей печи, уцѣлѣла, какъ бы на устроенныхъ для каждаго тома столбикахъ. Ломберный столъ—выѣхалъ изъ зала чрезъ три комнаты въ спальню, съ салфеткою, которая какъ-то въ безпорядкѣ на немъ лежала, но не мокрая; а бочка съ квасомъ изъ закрытаго подпола, выплывъ въ цѣлости, угнѣздилась въ спальнѣ на кровати! У меня и вездѣ печи попадали отъ воды, но только тѣ, которыя въ тотъ день были топлены.

«На третій день послѣ наводненія сердце мое повлекло меня въ 17-ю линію и ея окрестности. Тамъ я видѣлъ добрѣйшаго императора—утѣшителя несчастныхъ подданныхъ и съ нимъ графа Мих. Андр. Милорадовича. Послѣдній спросилъ у меня: «что батюшка! отпѣвать кого пришли?» «Я пришелъ, в. с—во, поплакать объ участи согражданъ»,—отвѣчалъ я. «Да, и мы затѣмъ же пришли съ государемъ», кончилъ Милорадовичъ—и оба поднялись они по линіи на превысокую дровяную гору, пробираясь по среднему проспекту. Не могу и теперь безъ слезъ разсказывать плачевныхъ картинъ, водою начертанныхъ. Улица у 17-й линіи, направо, идущая къ Смоленскому кладбищу, наполнена была могильными крестами, которые водою снесены съ своихъ мѣстъ сюда. Не подалеку отъ сихъ могильныхъ памятниковъ подошелъ я къ преширокому черному гробу: плачущая при немъ женщина стала просить меня отпѣть покойницъ, на что я извинился ей моимъ саномъ діакона; напослѣдокъ она раскрыла гробъ, и что представилось очамъ моимъ, мало зрѣвшимъ отъ множества слезъ? Довольно пожилая мать съ дочерью, зрѣлыхъ лѣтъ дѣвицею, одѣтыя въ шелковые зеленаго цвѣта капоты, руками и ногами крѣпко обнявшіяся, лицомъ къ лицу! Ихъ такъ нашли въ лодкѣ, въ 17-й линіи; а домъ, гдѣ жили онѣ, изъ 21-й линіи переплылъ въ 14-ю. По сей линіи вообще у каждаго дома почти готово было домовище (гробъ); ибо каждый по-

чти домъ вмѣщалъ въ себѣ мертвеца, или извлеченнаго изъ развалинъ, или только освобожденнаго оттуда. Другія линіи были также непроходимы отъ нанесенныхъ домовъ, барокъ, бревенъ дровъ и пр. Недѣли времени и тысячи людей нужны были, чтобы очистить и привести въ порядокъ нашъ островъ... О Васильевскій островъ! я сказываю только частицу. Прочіе предметы горести сокрыты были отъ взора моего, да и не достало бы силы описывать все. Бѣдная гавань, Черная рѣчка, Чекуши—что потеряли! Дѣти, отцы, матери, кровные, сосѣди—они передадутъ потомству неописуемыя утраты.

«Можно ли при семъ съ душевною благодарностію не вспомнить о милосердіи государя Александра? Не говоря о томъ, что онъ личностію своею утѣшалъ несчастныхъ, въ самую грозу переплывъ Неву, и жилъ на островѣ около четырехъ сутокъ; по мановеніи его явились средства къ облегченію участи разорившихся. Паперти церковныя сдѣлались мѣстомъ раздаянія царевой милостыни, у насъ на острову открылись дома для пріюта и питанія; Адмиралтейская сторона безостановочно подавала заневской сторонѣ хлѣбъ и другіе припасы; устроились комитеты. Родительница Александра I-го, мать всѣхъ бѣдныхъ — императрица Марія — открыла новыя убѣжища подъ кровомъ своимъ для воспитанія дѣтей, потерявшихъ въ наводненіи родителей или воспитателей».

Прибавлю нѣсколько анекдотовъ относящихся къ 7-му ноября 1824 года, слышанныхъ отъ достовѣрныхъ людей.

Покойникъ, похороненный за два дня до наводненія на Смоленскомъ кладбищѣ, въ день потопа приплылъ въ гробѣ въ свою квартиру, гдѣ жилъ [1]).

На чердакѣ дома плававшаго по взморью найдены два младенца въ люлькѣ, преспокойно спящіе [2]).

Діаконъ Александръ Андреевичъ Голубевъ, чтобы спастись отъ воды, коею былъ захваченъ въ своей квартирѣ, головой сахарной пробилъ потолокъ и прошелъ туда (?) съ женою, гдѣ и дождался убыли водной.

Не лишены интереса воспоминанія о наводненіи петербургскаго старожила О. А. Пржецлавскаго [3]), писавшаго подъ псевдонимомъ «Ципринуса». Онъ описываетъ бѣдствіе на мѣстѣ своего жительства—въ Галерной улицѣ. Этотъ разсказъ, чуждый фразерства и всякихъ вычуръ пополняетъ наши выписки изъ сказаній о страшной катастрофѣ.

---

[1]) Это былъ, вѣроятно, тотъ неугомонный вдовецъ о которомъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ П. А. Каратыгинъ (см. ниже).

[2]) Трогательно, но неправдоподобно! Вой и ревъ бури, шумъ и плескъ волнъ, самая качка дома носящагося по нимъ должны были разбудить младенцевъ.

[3] «Русская Старина», изд. 1874 г. Том. XI, стр. 671—673.

«Вечеръ 6-го ноября 1824 г. я провелъ на балѣ въ одномъ домѣ у Семеновскаго моста, гдѣ пробылъ до поздней ночи. Возвращаться домой было далеко, мы жили тогда съ Парчевскимъ въ Галерной улицѣ, въ домѣ Коммерческаго общества, на углу Замятина переулка. Дулъ очень сильный сѣверо-западный вѣтеръ; онъ то нагонялъ, то разрывалъ и разгонялъ темныя осеннія тучи, такъ что звѣздное небо поминутно то прояснялось, то опять затемнялось. Проѣзжая черезъ Екатерининскій каналъ и Мойку, я замѣтилъ, что вода стоитъ необыкновенно высоко. Имѣя спѣшную работу, я, на другой день, собрался рано ѣхать въ канцелярію, которая была въ домѣ Галошевской, на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста. Ровно въ 9-ть часовъ я съ портфелемъ вышелъ чрезъ нашъ дворъ на набережную, думая найти тамъ извозчика. Но, взглянувъ на Неву, я остановился, пораженный неожиданнымъ, ужасающимъ зрѣлищемъ. Вся набережная, по самые края гранитныхъ плитъ парапета, была полна, какъ полный сосудъ, и вода брызгала уже чрезъ край на троттуары. Рѣка, какъ глазомъ завидѣть, состояла изъ бѣлоснѣжной пѣны, по которой неслись и кружились сотни разныхъ судовъ, множество сѣна и дровъ изъ разбитыхъ барокъ. Исаакіевскаго флаушкотнаго моста не было и слѣда. На улицахъ изъ водосточныхъ трубъ били фонтаны. Нельзя было и подумать ѣхать куда-нибудь. Я насилу пробрался домой чрезъ дворъ, наполовину уже залитый водою изъ подземной трубы. Между тѣмъ, одинъ, гостившій у насъ, пріѣзжій изъ провинціи, видя что̀ дѣлается, успѣлъ сбѣгать въ булочную и колбасную и возвратился съ запасомъ провизіи дня, по крайней мѣрѣ, на четыре.

«Я не стану описывать подробностей наводненія 7-го ноября, довольно всѣмъ извѣстныхъ, но разскажу одинъ эпизодъ этого страшнаго дня, происходившій въ нашемъ домѣ. Въ немъ, съ Замятина переулка, ведущаго къ Невѣ, въ нижнемъ этажѣ, возвышавшемся надъ уровнемъ улицы едва на нѣсколько ступеней, была большая зала. Тамъ въ послѣднее время учредили безплатную Ланкастерскую школу взаимнаго обученія, для чего и застроили всю залу скамейками, возвышавшимися амфитеатромъ почти до самаго потолка. Тутъ обучалось много дѣтей обоего пола. Уроки начинались очень рано, такъ что въ день наводненія всѣ дѣти были уже налицо, когда Нева начала выступать изъ береговъ. Изъ родителей этихъ дѣтей нашлась всего одна мать настолько умная, что около 9-ти часовъ заѣхала въ училище и увезла свое дитя. Всѣ прочіе остались одни, такъ какъ никто изъ учителей не пришелъ. Въ половинѣ 10-го часа переулокъ былъ уже залитъ и вскорѣ вода стала пробираться въ залу. Къ счастію были скамейки, постепенно возвышающіяся, и дѣти спасались на нихъ по мѣрѣ того, какъ вода возвышалась. Вода, какъ извѣстно, съ девяти часовъ утра постоянно прибывала до 2-хъ часовъ пополудни и весь Петербургъ

былъ въ паническомъ страхѣ; никто не могъ предвидѣть, когда и на чемъ прибыль остановится. Въ Галерной улицѣ и въ переулкѣ вода достигла высоты порядочнаго человѣческаго роста. Дѣти, собравшіеся на верхнихъ скамейкахъ, вели себя сначала смирно, и мы въ домѣ даже не знали, что они тутъ. Но, послѣ полудня, когда вода не переставала возвышаться, страхъ и голодъ заставили дѣтей сперва плакать, потомъ отчаянно кричать. Хотя мы жили безъ всякаго сообщенія съ залой со стороны Галерной, но вопли несчастныхъ дѣтей, сквозь толстыя стѣны, слышались во всемъ домѣ. Это было невыразимо грустно, можно было думать, что дѣти тонутъ и взываютъ о помощи, а подать ее не было никакой возможности. Мудрый законъ Петра I, требующій, чтобы во всѣхъ домахъ были лодки, по славянской безпечности обветшалъ и ни въ одномъ домѣ лодки не было. Жалобный, раздирающій душу, хоръ на минуту умолкалъ, потомъ возобновлялся съ новой силой и это продолжалось цѣлый день. Въ два часа пополудни вода пошла на убыль; она шибко понижалась и къ 6-ти часамъ улицы были уже свободны отъ воды. Тогда только отцы и матери стали съѣзжаться и развезли дѣтей по домамъ. Если бы въ домахъ были лодки, то родители, конечно, явились бы ранѣе.

«Наводненіе 7-го ноября 1824 года было явленіе исключительное, а въ лѣтописяхъ мѣстной навигаціи—единственное. Сѣверо-западный вѣтеръ, остановившій теченіе Невы, дулъ постоянно и съ одинаковою силою цѣлыхъ 12-ть часовъ по одному румбу, безъ малѣйшаго уклоненія. Какъ только онъ своротилъ немного къ сѣверу, то вода стала шибко убывать. Замѣчательно, что извѣстія о наводненіи не были напечатаны ни въ одной газетѣ, дѣлали тайну изъ того, чему было 400,000 свидѣтелей. Только черезъ годъ позволено было г. Аллеру, эконому Смольнаго монастыря, напечатать брошюру съ описаніемъ подробностей наводненія, а немного ранѣе воспѣвалъ ихъ въ напечатанномъ диѳирамбѣ графъ Хвостовъ:

«... свирѣпствовалъ Борей,
«И сколько въ этотъ день погибло лошадей!
«Тамъ множество различныхъ кравъ
«Лежало кверху ноги вздравъ!» [1]).

---

[1]) Графъ Хвостовъ, дѣйствительно поспѣшилъ воспѣть ужасное событіе столь же ужасными стихами, однако же не на другой день наводненія. Пушкинъ по обыкновенію, издѣваясь надъ горемычною музою графа Хвостова, сказалъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ»:

«... Съ дворовъ
«Свозили лодки. Графъ Хвостовъ,
«Поэтъ любимый небесами,
«Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
«Несчастье Невскихъ береговъ».

Извѣстный въ свое время авторъ и переводчикъ многихъ водевилей и комическій артистъ Петръ Андреевичъ Каратыгинъ [1]) (въ годъ наводненія девятнадцатилѣтній воспитанникъ театральнаго училища), вспоминая о наводненіи, ровно чрезъ полвѣка послѣ катастрофы, разсказываетъ многія любопытныя о ней подробности, которыхъ былъ очевидцемъ, или основываясь на городскихъ слухахъ того времени. Живость и юморъ изложенія, до нѣкоторой степени, искупаютъ многія неточности, могущія ввести въ заблужденіе довѣрчиваго читателя или историка бѣдствія Петербурга. Уваженіе къ исторической правдѣ и къ памяти покойнаго заставило насъ, въ выноскахъ, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ и компетентныхъ свидѣтельствъ, исправить нѣкоторые промахи и недоглядки его разсказа.

«Грозное 7-е ноября 1824 г. живо въ моей памяти, хотя уже полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ.

«Еще ночью, наканунѣ того злополучнаго дня, мы слышали въ просонкахъ бурное завываніе вѣтра, отъ сильныхъ порывовъ котораго дрожали рамы въ нашей спальнѣ; но петербургскимъ жителямъ такая музыка въ привычку,—она съ малолѣтства зачастую насъ убаюкивала.

«Поутру, въ обычный часъ, собрались мы въ залѣ на молитву и тутъ, подойдя къ окнамъ, увидѣли необыкновенное возвышеніе воды въ Екатерининскомъ каналѣ: барки съ дровами готовы были вылѣзть за перила, изъ подземныхъ трубъ били на улицу фонтаны. Насъ это сначала очень забавляло; съ иныхъ прохожихъ срывало вѣтромъ шляпы и фуражки въ канаву, и они напрасно хлопотали достать ихъ оттуда, что возбуждало у насъ общій смѣхъ; мы еще никакъ не предполагали, что черезъ нѣсколько часовъ разъиграется такая страшная драма! Въ то время учители не пришли къ намъ въ классы и мы не отходили отъ окошекъ. Между тѣмъ, буря ежеминутно усиливалась и вода мутными волнами хлестала черезъ край за рѣшетку изъ канавы. Наконецъ, съ шумомъ хлынула на улицу и черезъ нѣсколько мунутъ передъ нашими глазами образовалось широкое озеро. Весь нашъ дворъ залило водою. Кто-то изъ моихъ товерищей посадилъ въ корыто кошку и пустилъ ее плавать по двору. Молодежь наша все еще легкомысленно забавлялась, не предчувствуя близкой опасности. Но вскорѣ мы смекнули, что дѣло идетъ не на шутку. На улицѣ, мимо нашихъ оконъ, неслись будки часовыхъ, бревна, дрова, разбитыя лодки, барки и разный хламъ. Кое-гдѣ виднѣлась утопающая лошадь или собака; люди спасались на заборахъ, на крышахъ одноэтажныхъ домовъ; общее

---

[1]) Родился 29 іюня 1805 г., скончался 24 сентября 1879 г., погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. «Записки» его были изданы въ 1880 г. (Спб., 336 стр., въ 8 д. л.). О наводненіи, см. стр. 120—126.

бѣдствіе начало намъ представляться въ страшныхъ картинахъ; тогда лица нашихъ балагуровъ и смѣльчаковъ вытянулись и поблѣднѣли. Густыя, сѣрыя тучи быстро неслись по небу; изрѣдка выглядывало солнце, чтобъ освѣтить всеобщую гибель и разрушеніе. Нашъ домовый священникъ, отецъ Петръ, жилъ тогда въ нижнемъ этажѣ; къ нему побѣжали нѣкоторые изъ воспитанниковъ и просили его пойти въ церковь и отслужить молебенъ о прекращеніи бури; но онъ, бѣднякъ, былъ тогда въ страшныхъ попыхахъ и, совсѣмъ растерявшись, махнулъ намъ рукой и отвѣчалъ:

— «Послѣ, послѣ, а теперь лучше помогите мнѣ вытаскивать мои пожитки и мебель въ верхній этажъ!..»

«И они начали помогать ему выбираться изъ его квартиры, на четверть залитой уже водою.

«Другіе воспитанники бросились въ кухню, которая тоже находилась внизу, и спасали хлѣбъ и съѣстные припасы.

«Воспитанницы помѣщались въ третьемъ этажѣ и безпрестанно высовывались въ форточки. Бѣдная кошка все еще плавала въ корытѣ и неистово мяукала. Воспитанница Прилуцкая, за которой тогда ухаживалъ покойный Григорьевъ (Петръ Ивановичъ), со слезами всѣхъ упрашивала спасти ея любимую кошку! Григорьевъ, въ угоду своей Дульцинеѣ, порыцарски рѣшился на отважный подвигъ. Тогда съ двухъ сторонъ нашего двора помѣщались дрова! Онъ вскочилъ на нихъ и началъ перебѣгать изъ стороны въ сторону, стараясь ухватить корыто. Но въ это самое время вода подмыла дрова, они расплылись и притиснули его; онъ очутился посреди двора, погорло окруженный дровами, и хотя онъ отлично плавалъ, но тутъ не было ему никакой физической возможности выкарабкаться на верхъ.

«Въ третьемъ этажѣ послышался ужасный визгъ, плачъ, крикъ и стонъ. Разумѣется, Прилуцкая кричала больше всѣхъ. Могла ли она не сострадать отважному рыцарю, который для ея любимой кошки рѣшился на такое самоотверженіе! Гдѣ-то достали длинную, толстую веревку и бросили ему съ крыльца, онъ кое-какъ ухватился за нее, и мы всѣ притянули его къ крыльцу. Его тотчасъ раздѣли, уложили въ постель, вытерли виномъ и напоили горячимъ чаемъ съ ромомъ, который принесъ ему нашъ инспекторъ. Благодаря молодости и необыкновенно-крѣпкой его натурѣ, никакихъ дурныхъ послѣдствій съ нимъ не было; онъ проспалъ до утра и всталъ, какъ встрепанный. За то прелестная его Дульцинея вполнѣ оцѣнила его рыцарское мужество и самоотверженіе и сдѣлалась съ тѣхъ поръ вдвое къ нему благосклоннѣе. Но, увы! школьная любовь такъ же, какъ и дружба, непрочна; первая любовь, какъ первый блинъ, бываетъ зачастую комомъ!

«По выходѣ изъ училища, Прилуцкая вышла замужъ за другого, а Григорьевъ женился на другой.

«Послѣ этой катастрофы съ Григорьевымъ, мы побѣжали опять смотрѣть, что дѣлается на улицѣ Въ продолженіе этого времени вода уже настолько поднялась, что затопила нижній этажъ. Тутъ вдругъ подъѣхалъ на лодкѣ къ нашему дому одинъ изъ нашихъ театральныхъ чиновниковъ и, ухватясь за балконъ, что-то кричалъ намъ: но шумъ вѣтра и двойныя рамы препятствовали намъ его разслушать. Мы живо вынули зимнюю раму и вышли на балконъ.

— Дайте мнѣ хлѣба!—кричитъ онъ намъ.

«Мы начали его уговаривать—лучше влѣзть къ намъ черезъ балконъ, обогрѣться и поѣсть вмѣстѣ съ нами; но чудакъ все твердитъ свое, чтобъ дали ему хлѣба. Нечего дѣлать, принесли ему цѣлый ржаной хлѣбъ; онъ, поблагодаривъ насъ, поплылъ въ своей лодкѣ дальше. Откуда его принесло? Гдѣ онъ взялъ лодку? Въ какую экспедицію теперь отправился? Господь его знаетъ. Этотъ чиновникъ, не тѣмъ будь помянутъ (его давно уже нѣтъ на свѣтѣ), не могъ похвалиться воздержаніемъ, и чуть ли онъ не былъ въ этотъ страшный часъ въ такомъ отважномъ настроеніи, когда человѣку, какъ говорится, «море по колѣно». Дальнѣйшее его странствованіе по невскимъ волнамъ мнѣ неизвѣстно; но этотъ удалецъ не только не погибъ, но на другой же день сидѣлъ въ конторѣ за обычнымъ своимъ столомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Кошка тоже спаслась отъ погибели: когда расплылись дрова, корыто осталось на поверхности и ей удобно было, прыгая по нимъ, добраться до крыльца.

«Въ третьемъ часу пополудни вода какъ будто перестала прибывать: мы это замѣтили въ нашихъ сѣняхъ, гдѣ двери были заперты и, стало быть, вода не могла волноваться. Въ эти сѣни мы безпрестанно сбѣгали сверху для наблюденій; тамъ дѣлали мы разныя замѣтки на стѣнѣ и вскорѣ увидѣли, что вода, дѣйствительно, сбыла на цѣлый вершокъ.

«Мы бросились на верхъ съ радостною вѣстью и многіе изъ насъ крестились и обнимали другъ друга.

«Братъ мой въ этотъ день долженъ былъ играть Эдипа-царя и отправился въ 10 часовъ утра на репетицію въ Малый театръ. Наша матушка была въ мучительномъ безпокойствѣ до самаго вечера, когда уже, часу въ осьмомъ, онъ воротился домой; отца нашего не было тогда въ Петербургѣ. Едва только была малѣйшая возможность выйти на улицу, я побѣжалъ въ домъ Голлидея, гдѣ жила тогда матушка. Вскорѣ пріѣхалъ и братъ мой. Послѣ минувшей опасности и сильныхъ душевныхъ потрясеній, радость наша въ кругу своего семейства была невыразима. Братъ мой, вмѣстѣ съ другими актерами, собравшимися въ театръ, провелъ этотъ несчастный день довольно спокойно.

«На Невскомъ проспектѣ вода выступила не болѣе полуаршина. Наводненіе, какъ ватерпасъ, ясно обозначило низменную и возвышенную мѣстности Петербурга. За Аничкинымъ мостомъ количе-

ство воды было весьма незначительно; за Троицкимъ переулкомъ ея уже почти не было; на Пескахъ и на Охтѣ никто и неподозрѣвалъ этого бѣдствія; на Петербургской же и на Выборгской сторонѣ вода возвысилась болѣе сажени; въ Галерной гавани она доходила до самыхъ крышъ одноэтажныхъ домовъ. На Смоленскомъ кладбищѣ многія свѣжія могилы были размыты водою и нѣсколько гробовъ всплыли изъ подземной утробы и отшедшіе братія, по волѣ буйнаго вѣтра, снова понеслись въ житейское море[1]). Братъ мой разсказывалъ, между прочимъ, какъ ихъ забавляла въ театрѣ возня подпольныхъ крысъ и мышей, которыя подняли пронзительный пискъ, прыгая по кресламъ, лазили на стѣны и искали спасенія въ верхнихъ ложахъ. На слѣдующій день сдѣлался сильный морозъ, что, конечно, увеличило бѣдствіе обитателей нижнихъ этажей: сырыя стѣны оледенѣли, печки по большей части разрушились и бѣдные страдальцы, дрожа отъ холода, остались безъ пристанищъ. Правительство приняло тогда самыя энергическія мѣры для облегченія участи этихъ несчастныхъ: въ каждой части города немедленно устроены были комитеты для пособія неимущимъ, развозили по улицамъ хлѣбъ и теплую одежду, учредили временные пріюты въ больницахъ и частныхъ домахъ; но бѣдствіе было такъ велико, что едва ли была физическая возможность всѣхъ удовлетворить. 9-го ноября театры, по высочайшему повелѣнію,

---

[1]) И. И. Мартыновъ въ своихъ письмахъ (какъ увидимъ далѣе) упоминаетъ о гробѣ какого-то англичанина, приплывшаго къ своему пріятелю черезъ два дня послѣ погребенія; но, кромѣ Мартынова, ни одинъ изъ бытописцевъ наводненія не говоритъ о гробахъ, вырытыхъ напоромъ воды изъ могилъ, и плававшихъ по улицамъ. Это было бы противно законамъ гидростатики. Могилы вырываются, по закону, на три аршина глубины, но допуская лишь два и тогда выплыванье немыслимо. Прибой воды могъ размыть могилы на самомъ берегу Невы или Черной рѣчки, или, какъ были въ Ораніенбаумѣ, Петергофѣ, и Кронштадтѣ вовсе размыты берега кладбищъ, при чемъ изъ обвалившихся глыбъ земли высунулись и оскалились гробы, но плавать по улицамъ они не могли, по самымъ уважительнымъ причинамъ: во-первыхъ, мертвое тѣло гораздо тяжелѣе живого; брошенное въ воду оно погружается на дно и всплываетъ на поверхность лишь при развитіи полнаго разложенія, когда вздувается отъ газовъ, во-вторыхъ, какъ бы глухо ни былъ заколоченъ гробъ, онъ въ водѣ наполнится ею и весь погрузится, какъ погружается деревянный ящикъ наполненный камнями. Даже трупъ, вздутый газами разложенія, не можетъ поднять гроба, вырытаго изъ могилы, на поверхность воды. Пушкинъ, не видавшій наводненія, но безподобно воспѣвшій его въ «Мѣдномъ Всадникѣ», сказалъ:

«Обломки хижинъ, бревна, кровли,
«Товаръ запасливой торговли,
«Пожитки блѣдной нищеты,
«Грозой снесенные мосты,
«Гробы съ размытаго кладбища—
«Плывутъ по улицамъ»...

Но эта вольность піитическая и поэты, вообще, плохіе историки. Плавать по улицамъ могли лишь пустые гробы изъ разрушенныхъ сараевъ гробовщиковъ.

были закрыты; 24-го ноября былъ первый спектакль въ пользу бѣдныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія. Была играна трагедія «Пожарскій» и «Принцесса Требизондская», комедія-балетъ, соч. кн. Шаховскаго.

«Поутру 8-го ноября я пошелъ по нѣкоторымъ улицамъ и тутъ увидѣлъ всѣ ужасы вчерашняго бѣдствія: многіе заборы были повалены, съ иныхъ домовъ снесены крыши; на площадяхъ стояли барки, гальоты и катера; улицы были загромождены дровами, бревнами и разнымъ хламомъ,—словомъ сказать, повсюду представлялись картины страшнаго разрушенія. Разсказамъ и анекдотамъ не было конца. Хотя плачевная дѣйствительность вовсе не нуждалась въ прибавленіяхъ, но и тутъ досужимъ людямъ открывалось широкое поле для ихъ фантазіи.

«Такъ, напримѣръ, говорили, что нѣкая молодая вдова, проживавшая въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова, наканунѣ похоронила на Смоленскомъ кладбищѣ своего стараго супруга, надъ прахомъ котораго нерасположена была плакать и терзаться, потому что покойный сожитель мучилъ ее своею ревностью. Проводивъ его на мѣсто вѣчнаго упокоенія, она также думала найти наконецъ душевное спокойствіе; но каковъ же былъ ея ужасъ, когда вечеромъ рокового дня она увидѣла гробъ своего сожителя у самаго крыльца ея дома! Нечего дѣлать, пришлось бѣдной вдовушкѣ вторично хоронить своего неугомоннаго мужа.

«Но вотъ возмутительный фактъ: на Петербургской сторонѣ, по Каменноостровскому проспекту, былъ тогда домъ какого-то Копѣйкина. Этотъ скряга сидѣлъ во время наводненія у себя на заборѣ, съ багромъ въ рукахъ и, пользуясь даровщинкой, ловилъ приплывающія къ нему дрова. Иные несчастные, застигнутые водою на улицѣ, искали спасенія и карабкались на его заборъ, — и онъ не только не подавалъ имъ помощи, но съ жестокостью спихивалъ ихъ въ воду. Этотъ отвратительный скаредъ не остался, однако, безъ наказанія; по приговору суда, онъ былъ посаженъ въ тюрьму и лишенъ добраго имени» [1]).

О петербургскомъ наводненіи столько уже было писано въ свое время въ журналахъ, газетахъ и повѣстяхъ, что трудно сказать здѣсь что-нибудь новое.

По прошествіи полустолѣтія послѣ этого ужаснаго дня, немного уже въ Петербургѣ остается старожиловъ, которые были очевидцами этого народнаго бѣдствія; да избавитъ Богъ, не только насъ и молодое поколѣніе, но и потомковъ нашихъ отъ подобнаго зрѣлища!

---

[1]) Къ стыду человѣчества — это фактъ! Подстать этому извергу отыскался и другой—купецъ Семиловъ на Выборгской сторонѣ. По другому преданію ошельмованный Копѣйкинъ посаженъ въ тюрьму не былъ, но государь приказалъ послать къ нему чугунный, въ видѣ орденскаго, крестъ, съ строжайшимъ повелѣніемъ надѣвать его при выходѣ на улицу изъ квартиры.

Безсмертному нашему поэту роковое событіе подало мысль написать своего чуднаго «Мѣднаго Всадника». И точно, мудрено себѣ вообразить болѣе грозную и поэтическую картину, которая представлялась въ тотъ злополучный день на Сенатской площади, гдѣ посреди бунтующей стихіи величественно возвышалось мѣдное изображеніе чудотворнаго строителя Петербурга!

Здѣсь невольно приходятъ на память стихи превосходной поэмы Пушкина:

«Вражду и плѣнъ старинный свой
«Пусть волны финскія забудутъ
«И тщетной злобою не будутъ
«Тревожить вѣчный сонъ Петра» [1]).

Слѣдующій разсказъ очевидца, которому во время наводненія было семь лѣтъ, замѣчателенъ по искренности и простодушію изложенія, пробужденнымъ въ дряхломъ старцѣ чрезъ пятьдесятъ шесть лѣтъ послѣ рокового событія [2]).

«Мнѣ было тогда семь лѣтъ; я въ раннемъ возростѣ лишился матери, и отецъ помѣстилъ меня пансіонеромъ въ семейство Ивана Егоровича Руммеля, учителя англійскаго языка при Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; онъ жилъ въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ, на углу Средняго проспекта и 14-й линіи (этотъ домъ, если не ошибаюсь, принадлежитъ теперь г. Габерцетелю). Семейство Ивана Егоровича Руммеля было не многочисленно; оно состояло изъ его жены Ульяны Карловны и замужней дочери ихъ, жившей вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, живописцемъ Боденомъ, во флигелѣ, выстроенномъ посреди довольно обширнаго сада, который образовалъ уголъ улицы. Домъ, въ которомъ жилъ самъ Иванъ Егоровичъ, былъ деревянный на каменномъ фундаментѣ съ подвальнымъ этажомъ и мезониномъ довольно высокимъ, такъ что изъ оконъ его хорошо было видно Смоленское поле, а съ помощью подзорной труды и Галерная гавань. Въ домѣ обыкновенно вставали довольно рано, потому что къ девяти часамъ Руммель долженъ былъ находиться въ корпусѣ, куда онъ обыкновенно отправлялся пѣшкомъ.

«Въ этотъ день (7-го ноября 1824 года) мы встали рано по обыкновенію, и были удивлены страшнымъ вѣтромъ, который выдъ въ домовыхъ трубахъ; я слышалъ, какъ Руммель сказалъ женѣ: «Сегодня вода въ Невѣ подымется высоко, вѣтеръ дуетъ съ моря». Одѣвшись и напившись чаю, онъ пошелъ въ корпусъ, а мы съ

---

[1]) Промахъ безсмертнаго поэта! Финскія волны не были взяты въ плѣнъ, но, какъ древнее достояніе Россіи, освобождены Петромъ изъ столѣтняго шведскаго плѣна, стало не изъ чего было имъ и злобиться на основателя Петербурга.

[2]) «Русскій Архивъ» 1870 г. №№ 8 и 9, стр. 1559—1566.

его женою долго смотрѣли вслѣдъ ему изъ угольнаго окна нашей залы. Мы видѣли, какъ старикъ медленно подвигался, идя противъ вѣтра по мосткамъ, настланнымъ посреди грязной немощеной улицы и служившимъ ей тротуаромъ. Мы слѣдили за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не добрался до угла и скрылся изъ нашихъ глазъ за угломъ улицы. Вскорѣ послѣ того пришелъ Боденъ изъ флигеля и объявилъ, что Смоленское поле, по разсказамъ людей, уже покрылось водой. Мы отправились въ мезонинъ, и, дѣйствительно, Смоленское поле представляло сильно взволнованное море. Будка стоявшая посреди поля была уже до половины подъ водой, и Ульяна Карловна сильно безпокоилась о будочникѣ, не зная, успѣлъ ли спастись этотъ бѣдный человѣкъ, а если еще нѣтъ, то какимъ образомъ онъ спасется; она также спрашивала Бодена, не зальетъ ли вода и нашей улицы; но тотъ успокоилъ ее, говоря, что это едва ли можетъ случиться, ибо отъ Смоленскаго поля до насъ еще далеко! Вслѣдъ за этимъ онъ ушелъ къ себѣ домой, и мы сошли внизъ. Вѣтеръ все усиливался, вой и свистъ въ домовыхъ трубахъ все болѣе и болѣе насъ безпокоили; мы бѣгали отъ окна къ окну и вдругъ увидали, какъ съ флигеля сосѣдняго дома Машагина сорвало крышу. Ульяна Карловна, женщина очень впечатлительная и вдобавокъ нѣсколько суетливая, еще болѣе встревожилась и почему-то выбѣжала въ кухню, гдѣ служанка усилила ея безпокойство извѣстіемъ, что въ Кадетской линіи, какъ разсказываютъ люди, вода уже показалась на улицѣ. Тутъ Ульяна Карловна окончательно растерялась; она зарыдала, приговаривая: «Боже мой, что дѣлать? А Иванъ Егоровичъ въ корпусѣ!» Я испугался и, не долго думая, побѣжалъ черезъ садъ во флигель къ тётѣ Боденъ, какъ я называлъ эту молодую женщину, которую при томъ очень любилъ. Дорогою я нѣсколько разъ падалъ, потому что вѣтеръ сбивалъ меня съ ногъ. Пришедши къ тётѣ Боденъ, я разсказалъ ей о случившемся и просилъ ее не медля прійти къ намъ; она сейчасъ же собралась со мной; надо было перейти небольшую часть мощеннаго двора, посреди котораго находилась желѣзная рѣшетка, прикрывавшая канаву для стока нечистотъ; вода била изъ этого отверстія, какъ изъ фонтана, и наконецъ хлынула съ такою силою, что мгновенно разлилась по всему двору. Это было часовъ около двѣнадцати дня. Въ домѣ мы застали сильную суматоху: Ульяна Карловна бѣгала по всѣмъ комнатамъ, выбирала комоды и шкафы: служанки носили вещи на верхъ, частью на чердакъ, частью въ мезонинъ. Ульяна Карловна сильно безпокоилась о мужѣ и безпрестанно толковала о томъ, какъ онъ вернется, да и вернется ли онъ; она ахала и стонала, не переставая при этомъ выбирать вещи, которыя служанки переносили на верхъ. Я присоединился къ нимъ: меня эта суматоха очень занимала, и мнѣ вообще было очень весело. Дочь нѣсколько успокоила старушку, сообщивъ ей, что мужъ,

вернувшись утромъ домой и предвидя, что будетъ наводненіе, распорядился перенесеніемъ вещей на чердакъ, а самъ отправился въ корпусъ, чтобъ привести домой Ивана Егоровича, а если это окажется невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, успокоить его на счетъ домашнихъ. Между тѣмъ, вода прибывала не на шутку; на дворѣ она была уже по колѣно, и жильцы, помѣщавшіеся въ двухъ флигеляхъ на заднемъ дворѣ, явились къ намъ съ просьбою объ убѣжищѣ въ мезонинѣ. Черезъ нѣсколько времени, а именно около трехъ часовъ, вода показалась у насъ въ комнатахъ; пришлось намъ переселяться въ мезонинъ. Онъ состоялъ изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, которыя вскорѣ наполнились народомъ; собралось тамъ человѣкъ около двадцати; кромѣ того, по всѣмъ угламъ были разбросаны самыя разнородныя вещи. Изъ оконъ мезонина мы смотрѣли на Смоленское поле, представлявшее бушующее море; будки ужъ не было; ее должно быть снесло; но что сталось съ будочникомъ? На улицѣ плавали доски отъ снесенныхъ крышъ, собаки, коровы, лошади, въ томъ числѣ и пѣгая вѣчно грязная лошадь нашего сосѣда-лавочника. Ульяна Карловна и дочь ея, встревоженныя до отчаянія неизвѣстностію объ участи отца и мужа, молились. Я помню, что добрая и любимая мною Боденъ вызвала и меня въ уголокъ, говоря: «Ты дитя невинное. Господь услышитъ твою молитву!» И я молился усердно и вмѣстѣ съ ней плакалъ и подымалъ свои рученки къ небу. День уже начиналъ клониться къ концу; тутъ одно происшествіе на время обрадовало и заняло всѣхъ. Кто-то увидалъ будочника, который, сидя верхомъ на крышѣ, сорванной съ его будки, приплылъ въ нашу улицу, правя длинной палкой, служившей ему багромъ. Ульяна Карловна съ характеристическою своею живостью, опредѣлила, что это непремѣнно будочникъ съ Смоленскаго поля и распорядилась, чтобы ему изъ окна мезонина была спущена веревка, по которой несчастный, весь мокрый и окоченѣвшій отъ холода, вскарабкался къ намъ; его повели въ другую комнату и дали ему бѣлье и одежду. Распоряженіе и сысканіе всего нужнаго заняло женщинъ; онѣ распрашивали будочника, какимъ образомъ онъ спасся и удивлялись, что никому еще не пришло въ голову принять его къ себѣ. Такъ насталъ вечеръ, и уже смерклось, но ни Руммеля, ни Бодена еще не было, и женщины опять начали отчаяваться и плакать; а такъ какъ стало темно, то заплакалъ и я, ибо очень любилъ старика Руммеля, который былъ весьма образованный человѣкъ, имѣвшій особый талантъ занимать и учить дѣтей, потому я всегда съ нетерпѣніемъ ждалъ его урока, что̀ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго, ибо дѣти моего возроста обыкновенно не охотно принимаются за книги. Наконецъ, часовъ около шести вечера, послышались стукъ и голоса въ передней, въ которую выходила лѣстница, ведшая къ мезонину; побѣжали со свѣ-

чами внизъ, гдѣ все еще стояла вода, но уже нѣсколько меньше и встрѣтили вернувшихся Руммеля и Бодена, которые, представивъ себѣ отчаяніе оставшихся дома женъ, пришли домой изъ Кадетской улицы, пробираясь по горло въ водѣ. Они могли добраться домой только благодаря тому, что вода къ вечеру значительно убыла; но былъ моментъ, когда она доходила на нашей улицы до трехъ аршинъ вышины. Ихъ тотчасъ же раздѣли, уложили въ постель, натерли спиртомъ и напоили горячимъ.

«Что̀ именно они разсказывали, не помню; помню только, что опасность для нихъ возростала по мѣрѣ того, какъ они приближались къ дому, ибо вода становилась все глубже и глубже; они было уже рѣшились вернуться въ корпусъ, откуда ихъ не хотѣли пустить въ такое опасное время, но безпокойство о семействѣ и желаніе узнать, что̀ сталось съ нимъ, заставили ихъ продолжать путь, рискуя на каждомъ шагу своею жизнію. Дорого обошлась бѣдному Руммелю эта прогулка; его здоровье съ тѣхъ поръ такъ разстроилось, что онъ тяжко заболѣлъ водяною, отъ которой скончался весною 1825 года. Дочь, нѣжно любившая его, не могла пережить такой потери и вскорѣ послѣ него, а именно въ мартѣ, 1826 года, мы и ее похоронили.

«Стало поздно, и меня уложили спать; что̀ происходило ночью, не знаю; думаю, однако, что ничего особеннаго не случилось, иначе я узналъ бы объ этомъ. На слѣдующее утро первый мой шагъ былъ къ окну: на улицахъ воды не было, остались одни замерзшія лужи, и пѣгая лошадь, чисто омывшаяся, ходила по улицѣ; всѣ мы одѣлись и пошли посмотрѣть на картину разрушенія. Дома, большею частью, были одноэтажные; всѣ они опустѣли, окна во многихъ мѣстахъ были выбиты, иные дома стояли безъ крышъ, улицы были наполнены самыми разнообразными вещами; тутъ были: доски, крыши, бочки, стулья, дрова, сѣно, солома, размокшій хлѣбъ, утонувшій скотъ и всякая домашняя утварь. Въ иныхъ мѣстахъ улицы были покрыты строеніями, выстроенными на столбахъ, поднятыми водою и унесенными вѣтромъ. Въ нашъ садъ, такимъ образомъ, приплыла баня и въ ней коза, привязанная на веревкѣ, средина же сада была покрыта крышею, приплывшею Богъ знаетъ откуда. Скота погибло много, но и людей не пощадила взволнованная стихія; морозъ ночью былъ сильный, ибо ледъ на замерзшихъ лужахъ не гнулся и не ломался; стужа погубила много несчастныхъ, которые не успѣли укрыться отъ нея. Помню одну печальную картину, которая представилась намъ около Смоленскаго кладбища, находящагося у Черной рѣчки, недалеко отъ насъ. Двѣ женщины, одна старушка, другая молодая, вѣроятно, мать и дочь, сидѣли въ небольшей худой лодкѣ и старались, вѣроятно, пробраться куда-либо къ добрымъ людямъ, что̀ было видно по привязаннымъ къ лодкѣ весламъ. Наконецъ, вѣроятно, дойдя до изнеможенія, старушка по-

ложила голову на колѣни молодой, прижавшейся въ уголъ лодки, и въ такомъ положеніи обѣ замерли. Вблизи отъ Смоленскаго кладбища вода не пощадила даже зарытыхъ въ землю гробовъ, кото-которые валялись по улицамъ и у моста, ведущаго черезъ Черную рѣчку.

«Мы вернулись домой. Около трехъ часовъ, происшествіе весьма трогательное вызвало меня на улицу: нашъ государь, добрый и человѣколюбивый Александръ Павловичъ, явился на улицахъ, и вслѣдъ за нимъ возы съ хлѣбомъ, который раздавали всѣмъ просящимъ безъ исключенія».

Слѣдующій разсказъ, приводимый И. Пушкаревымъ въ его описаніи Петербурга (изд. 1838 года, стр. 31), даетъ понятіе о неровности почвы нашей столицы и о томъ, что въ высокихъ частяхъ города, въ самый разгаръ катастрофы, о ней не имѣли даже и понятія.

«Наканунѣ 7 ноября 1824 года»,—такъ разсказывалъ мой знакомый,—«я приглашенъ былъ къ одному семейству, пріѣхавшему изъ дальней провинціи, и съ которымъ не видался давно. Рано утромъ, 7 числа, простившись съ сестрою и отцомъ, отправился я на Пески, въ квартиру моихъ старыхъ пріятелей, которые встрѣтили меня радушно и уговорили провести время вмѣстѣ до вечера и переждать ненастную погоду, продолжавшуюся уже другой день. Съ какимъ-то непонятнымъ мнѣ тягостнымъ предчувствіемъ я согласился сперва на это предложеніе; но тайная грусть, тоска, попеременно подавляли меня, и среди веселой бесѣды, я не могъ разсѣять себя; тотчасъ послѣ обѣда, не слушая никакихъ убѣжденій добрыхъ хозяевъ, я спѣшилъ возвратиться домой. Пробилъ 3 часъ за полдень, когда, съ трудомъ достигнувъ до церкви Пантелеймона, я былъ пораженъ ужаснымъ зрѣлищемъ. Въ кратковременное мое отсутствіе, Петербургъ постигнуло чрезвычайное наводненіе, превратившее все въ иной видъ. Предо мною, по Фонтанкѣ, неслись обломки мебели, барокъ; люди, съ громкими воплями, мелькали между волнъ. Въ отчаяніи я не зналъ, что дѣлать, и не помню совершенно, какимъ образомъ очутился я на Пескахъ въ квартирѣ прежнихъ моихъ хозяевъ, которые вовсе не слышали о несчастномъ событіи. Тяжкое мое предчувствіе сбылось: въ эту же ночь я горько оплакивалъ невозвратимую свою утрату надъ холодными трупами отца и сестры».

По порученію Адмиралтейскаго департамента начальникъ чертежной VIII класса, Колодкинъ, опредѣлилъ точную высоту воды 7-го ноября, принявъ въ соображеніе помѣтки, означенныя въ воротахъ крѣпости, о чемъ онъ и представилъ слѣдующій рапортъ:

«По сношенію Государственнаго Адмиралтейскаго департамента съ комендантомъ крѣпости г. генераломъ-отъ-инфантеріи Александромъ Яковлевичемъ Сукинымъ и въ силу указа даннаго мнѣ

отъ онаго же департамента, 11 іюня 1825 г., за № 638, отправился я вмѣстѣ съ штурманомъ Ильинымъ въ С.-Петербургскую крѣпость для измѣренія въ воротахъ оной разности между чертами, показывающими воды въ рѣкѣ Невѣ во время наводненій 1777 и 1824 годовъ.

«Въ помянутыхъ воротахъ нашли мы камень, вмазанный въ стѣну, на коемъ написано: «1777 года сентября 10-го дня по полуночи въ 7 часу, вода выше ординарной на 9 футъ 11 дюймовъ». Выше сего означено на мѣдной доскѣ простирающейся во всю толщину стѣны: «1824 года ноября 7-го дня, пополудни въ 2 часа, вода выше ординарной 12 футъ 10 дюймовъ». Между сими чертами оказалась разность 2 фута 11 дюймовъ.

«Въ журналѣ Государственной Адмиралтействъ коллегіи 1777 г. сентября 19-го дня сказано: «Наводненіе сверхъ ординарной воды было въ Адмиралтейскомъ каналѣ у футштока 10 футъ 6 дюймовъ, а въ Галерной гавани у футштока 12 футъ».

«Прилагая означенное возвышеніе 10 футъ 6 дюймовъ къ разности высоты водъ, означенныхъ на крѣпостныхъ воротахъ, 2 футамъ 11 дюймамъ, составится 13 футъ 5 дюймовъ; но поелику сумма разности сихъ водъ не даетъ еще соразмѣрной пропорціи, относительно къ водѣ въ Галерной гавани, то, основываясь на правилахъ гидростатики, принялъ я другой выводъ: содержаніе водъ разныхъ лѣтъ въ одномъ мѣстѣ пропорціонально разностямъ водъ однихъ лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ. Для сего изъ вышеозначенныхъ мѣръ принимаю я за основаніе: возвышеніе водъ 1777 года въ крѣпости, Адмиралтействѣ и Галерномъ портѣ и 1824 года въ крѣпости же:

	Въ крѣпости.	Разность паденія.	Въ Адмиралтействѣ.
1777 г. . . .	9 ф. 11 д.	7 д.	10 ф. 6 д.
1824 » . . .	12 » 10 »	9 »	13 » 7 »

	Въ Адмиралтействѣ.	Разность паденія.	Въ Галерномъ портѣ.
1777 » . . .	10 ф. 6 д.	1 ф. 6 д.	12 ф. 00 д.
1824 » . . .	13 » 7 »	2 » 3 »	15 » 10 »

«Не подчеркнутыя числа приняты изъ наблюденій высоты водъ; а подчеркнутыя вычислены.

«По сему отношенію разностей высокихъ водъ, выйдетъ по тройному правилу: возвышеніе воды въ С.-Петербургской крѣпости 1777 года—9 фут. 11 дюйм. содержится къ возвышенію воды 1824 года—12 фут. 10 дюйм., такъ какъ разность паденія водъ 1777 года въ С.-Петербургской крѣпости и въ Адмиралтействѣ: 7 дюймовъ содержаться будетъ въ разности паденія между замѣченными водами 1824 года тѣхъ же мѣстъ: 9 дюймамъ.

«Придавъ сіи 9 дюймовъ къ водѣ замѣченной въ крѣпости 12 фут. 10 дюймамъ, выходитъ 13 фут. 7 дюймовъ, т. е. настоящее возвышеніе воды въ Адмиралтействѣ 1824 года ноября 7-го дня. Потомъ вычисляю воду въ Галерномъ портѣ: разность паденія водъ 7 дюйм. содержится къ разности паденія 1 фут. 6 дюйм., такъ какъ сысканная прежде сего разность паденія 9 дюйм. содержится къ разности 2 фута 3 дюйма, сумму сію прилагаю къ сысканной въ Адмиралтействѣ водѣ 13 фут. 7 дюймамъ и нахожу, что истинная высота воды была въ Галерномъ портѣ 15 фут. 10 дюймовъ. По симъ вычисленіямъ можно означить очень вѣрно точки ординарныхъ водъ.

(Подписано А. Колодкинъ).

Къ этимъ вычисленіямъ В. Н. Берхъ (стр. 77 и 79) прилагаетъ слѣдующія двѣ сравнительныя таблицы:

ГОДЫ И ЧИСЛА.	Высоты воды. Въ С.-Петерб. Фут.	Дюйм.	Въ Кронш. Фут.	Дюйм.
1721, ноября 5	7	4	—	—
1723, ноября 23	7	7	—	—
1726, ноября 1	8	2	—	—
1729, октября 12	7	1	—	—
1744, августа 17 и сентября 9	7	—	—	—
1752, октября 22	8	5	7	—
1756, сентября 29	7	3	5	4
1777, сентября 10	10	7	7	6
1788, сентября 26—27	7	5	—	—
1802, въ сентябрѣ	7	5	—	—
1824, ноября 7	13	7	11	6

Таблица возвышенія воды 7 ноября 1824 года, въ портахъ Финскаго залива и Балтійскаго моря.

	Фут.	Дюйм.
Въ С.-Петербургскомъ Гребномъ портѣ, или Галерной гавани, въ полдень	16	6
Въ Кронштадтѣ, въ 11 часовъ 30 минутъ по полуночи	11	6
Въ Нарвѣ, по полудни въ 2 часа 30 минутъ	9	1
Въ Роченсальмѣ, въ полдень	7	6
Въ Абовѣ, по полуночи въ 4 часа	6	8
Въ Свеаборгѣ, въ полдень	5	4
Въ Ревелѣ, въ 7 часовъ по полуночи	5	—
Въ Ригѣ [1])	3	4

[1]) Замѣчательно, что 9-го декабря сего же 1824 года возвысилась въ Ригѣ вода до 6½ футовъ.

«Изъ всего вышеприведеннаго изложенія»,—говоритъ въ заключеніе В. Н. Берхъ (стр. 80), — «видно, что наводненіе 1824 года превзошло всѣ извѣстныя по построеніи С.-Петербурга. Любопытно взглянуть, какія послѣдствія могло бы оно имѣть, ежели бы случалось за сто лѣтъ передъ симъ: вѣроятно, достигла бы тогда вода до высоты 20 футъ; чего теперь не случилось, потому что каналы и трубы приняли значительное количество оной».

Высота и пространство наводненія зависѣли, разумѣется, отъ большей или меньшей низменности мѣстоположенія частей города ему подвергшихся, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго списка:

Въ Галерной гавани отъ	12—8	фут.
У больницы св. Маріи Магдалины	7	»
У Биржевого сквера	6—5	»
У Перваго корпуса	6—5	»
У Академіи Художествъ	5—4	»
Елагинъ островъ	10—7	»
Петровскій островъ	9—6	»
Каменный островъ	7—6	»
Аптекарскій островъ	7	»
Крестовскій островъ	8—3	»
Петербургская сторона	7—5	»
У Адмиралтейства	6—5	»
У Большого театра	5	»
Набережная Фонтанки отъ Прачешнаго до Калинкина моста	6—5	»
У Обводнаго канала	6—3	»
По Садовой и на Сѣнной	5—3	»

По плану Петербурга, хранящемуся въ правленіи перваго округа путей сообщенія съ означеніемъ высоты наводненія и его границъ, черта его отъ сѣверо-востока простиралась: на Выборгской сторонѣ, вдоль Большого Сампсоньевскаго проспекта, нѣсколько перейдя его; затѣмъ, огибая Медико-Хирургическую академію, по Ломанову переулку и Нижегородской улицѣ линія проходитъ по Самарской улицѣ, приближаясь къ Невѣ, тянется по Симбирской улицѣ и выше Новаго арсенала впадаетъ въ Неву. Къ сѣверу черта наводненія пересѣкала Сердобольскую улицу (между Выборгскимъ шоссе и Черной рѣчкой). На лѣвомъ берегу Невы линія наводненія отдѣлялась отъ рѣки у самаго перевоза у Смольнаго монастыря; затѣмъ идетъ прямо внизъ по Невѣ, между Воскресенскою набережною, у Литейнаго проспекта, отходитъ отъ Невы по Гагаринской улицѣ. Здѣсь площадь наводненія расширилась и линія его направлялась къ выдающемуся углу Фонтанки, гдѣ Екатерининскій институтъ, далѣе захватывала болѣе половины Семеновскаго плаца, перерѣзывая мысъ, образуемый Введенскимъ и Обводнымъ каналомъ. Пре-

дѣломъ наводненія на лѣвомъ берегу Невы была Сергіевская улица и Невскій проспектъ на правомъ берегу Фонтанки у Аничкова моста. Пощажены были наводненіемъ: Большая Охта, Пески, большая часть Литейной, части Александро-невская, Московская, 1-й участокъ Адмиралтейской части.

Ослабленію наводненія 1824 года много способствовало возвышеніе грунта Петербурга, противъ 1777 года, что весьма обстоятельно поясняетъ В. Н. Берхъ (стр. 80—86).

«Многіе части города, возвысясь теперь предъ прежнимъ на 6 футовъ, уменьшили на сіе число высоту воды. Ежели кто усомнится въ семъ заключеніи, то вотъ неоспоримыя тому доказательства.

I) Санктпетербургъ имѣетъ теперь (въ 1826 году) болѣе 7,000 домовъ, во время построенія оныхъ, поднялись улицы отъ выкапыванія фундаментовъ, мусора и мостовой. Многіе изъ сихъ домовъ, бывъ нѣсколько разъ перестроены, возвысили и еще болѣе улицы.

II) Большая часть города теперь вымощена и многія улицы покрыты уже камнемъ болѣе 80 лѣтъ. Извѣстно, что мостовыя перестилаются каждые два года и при семъ случаѣ прибавляется каждый разъ довольно песку и мусора.

III) Во время обдѣлыванья Фонтанки, Мойки, Пряжки, каналовъ: Екатерининскаго, Крюкова, Лиговскаго и проч. вся почти земля изъ оныхъ вынутая употреблена была на поднятіе улицъ и тротуаровъ.

IV) Можно безпрекословно принять, что половина домовъ въ С.-Петербургѣ находящихся, имѣетъ трубы. Земля изъ оныхъ вынутая, обратилась также на возвышеніе дворовъ и улицъ.

V) Бульвары и тротуары, сдѣланные не въ давнемъ времени, возвысили также нѣкоторыя части города.

VI) По довольно вѣрному расчету выходитъ, что съ начала построенія С.-Петербурга по 1826 годъ, было въ приходѣ къ С.-Петербургскому и Кронштадтскому портамъ 60,000 кораблей. Поелику большая часть торговыхъ судовъ приходитъ сюда съ баластомъ, то, полагая въ каждомъ по 300 берковцевъ, выйдетъ всего 18.000,000 берковцевъ или 20,000 кубическихъ саженъ. Можно легко разсудить, какое значительное возвышеніе составило такое огромное количество песку. Случаи, чтобы корабли отходили отсюда съ баластомъ бываютъ рѣдки и бездѣлица сія не можетъ составить счета.

«Противъ перваго пункта могутъ возразить, что изъ многихъ домовъ вывозили мусоръ: справедливо; но мусоръ сей не былъ вывозимъ изъ города, а обращенъ на возвышеніе низменныхъ частей онаго. Многіе памятно, каково было Козье болото, 20 лѣтъ тому назадъ, но нынѣ ѣздятъ по оному въ каретахъ. Равнымъ образомъ возвысили всѣ Коломны, по коимъ еще недавно проѣзжали съ тру-

[illegible]

[illegible] случаю обязанъ я за повѣрку сихъ предположеній.

С.-Петербургскій купецъ Иванъ Семеновичъ Тычинкинъ, занимающійся здѣсь болѣе 20 лѣтъ земляными работами, доставилъ мнѣ слѣдующія любопытныя и неоспоримыя доказательства, насколько повысились разныя части С.-Петербурга. Свѣдѣнія его тѣмъ важнѣе, что г. Тычинкинъ соображался съ оными, подряжаясь на земляныя работы и удостовѣрился въ оныхъ многолѣтними опытами.

«Г. Тычинкинъ замѣчаетъ, что въ общей сложности возвысились 1-я и 2-я Адмиралтейскія части только на $3^1/_2$ фута. Частью же открыты очень большіе наносы. Во время работъ у Исаакіевской церкви найдены насыпи 14 футовъ. При рытіи водопроводной трубы отъ Полицейскаго моста къ дому купца С. Ѳ. Чаплина не могли отыскать материка на 9 футъ глубины.

«У Владимірской найдены вообще $3^1/_2$ фута насыпи; а отъ церкви Знаменія Господня до церкви Рождества Христова, какъ равно и по всей Ямской, нѣтъ нисколько насыпи. Замѣчательно, что отсюда вывезено съ начала существованія С.-Петербурга нѣсколько милліоновъ кубическихъ саженъ песку. Въ Грязной [1]) улицѣ, у Старообрядческой церкви, найдено насыпи съ небольшимъ одинъ футъ.

«На Литейной, отъ Арсенала до Невскаго проспекта, найдено насыпи отъ $1^1/_2$ до 3-хъ футовъ; и отъ Гагаринской пристани къ дому г. Самбурскаго, при рытіи водопроводной трубы, не нашли материка на 10 футъ.

«У Артиллерійскихъ больницъ по Офицерской (нынѣ Знаменской) улицѣ найдено насыпи отъ 6—7 футовъ.

«На Новыхъ мѣстахъ, отъ дома г. адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина и новаго Банка найдено насыпи отъ 1—$1^1/_2$ футовъ.

«На Петербургской сторонѣ у Сытнаго рынка, найдено насыпи 6 футовъ; около 2-го Кадетскаго корпуса столько же, а у бывшаго Мытнаго двора только $1^1/_2$ фута.

«На Выборгской сторонѣ противъ Госпиталей второго отдѣленія, нѣтъ вовсе никакой насыпи; а на мѣстахъ, при водѣ лежащихъ, найдено насыпи отъ 1—2 футовъ.

«Въ Екатерингофѣ, при рытіи канала отъ фабрики барона Раля до дачи купца Сутугина, найдено насыпи только на одинъ футъ. Но насыпь эта произошла отъ наводненій, потоплявшихъ мѣста эти почти ежегодно. Нынѣ возвышенъ Екатерингофъ, въ сложности, почти на 8 футовъ.

---

[1]) Нынѣ Николаевская. Она была переименова въ исходѣ 1850 годовъ, по ходатайству покойнаго извѣстнаго нашего хирурга Ильи Васильевича Буяльскаго, имѣвшаго на Грязной свой собственный домъ, жившаго и скончавшагося въ немъ. Завѣщанный покойнымъ внуку Ильѣ Павловичу Шипулинскому (тоже уже умершему), домъ былъ проданъ и перестроенъ. На желѣзной рѣшеткѣ балкона второго этажа изображенъ былъ символъ изъ герба Буяльскаго: «стрѣла спасенія» (Sagitta salutis).

«На 8-й верстѣ по Царскосельской дорогѣ и на Волковомъ кладбищѣ не примѣчено никакой насыпи.

«При строеніи новаго чугуннаго завода, на 7-й верстѣ, по Шлиссельбургской дорогѣ, не найдено никакой насыпи, и хотя, въ теченіе многихъ лѣтъ существовали здѣсь кирпичные заводы, отъ которыхъ понизилось мѣсто сіе почти на 12 футовъ, однако же во время послѣдняго наводненія не поднималось оно водою.

«Въ лабазахъ Андреевскаго рынка, поднимала въ 1777 году вода первый рядъ кулей съ мукою; а въ наводненіе 1824 года достигла она до четвертаго ряда. Подобное же замѣчаніе сдѣлано въ лабазахъ, находящихся на Сѣнной, въ домѣ купца Исторникова: въ 1777 году потонулъ только первый куль; а въ послѣднее наводненіе была въ лабазахъ этихъ вода на 3½ фута выше.

«Г. Тычинкинъ заключаетъ, что хотя С.-Петербургъ и кажется намъ теперь равнинною; но при первоначальномъ заселеніи былъ онъ не таковъ. Всѣ мѣста, лежавшія близко къ Невѣ и разнымъ малымъ рѣчкамъ были весьма низменны, и пространство между оными находившееся, возвышалось ежегодно отъ прибылыхъ водъ. Сверхъ рѣчекъ было здѣсь также много болотъ, признаки коихъ находятъ иногда при рытіи каналовъ и фундаментовъ. Замѣчаніе это подтверждаютъ сохранившіеся донынѣ названія: Козье болото и Бугорки».

Теперь, въ заключеніе, попытаемся, хотя приблизительно, подвести итоги жертвъ наводненія и убытковъ имъ причиненныхъ.

Число утонувшихъ, обоего пола и всѣхъ возрастовъ, Башуцкій опредѣляетъ въ четыреста восемьдесятъ человѣкъ: цифра не заслуживающая вѣроятія, такъ какъ по всему городу погибло народу, конечно, вдвое болѣе. На одномъ Смоленскомъ кладбищѣ въ теченіе недѣли погребено было сто сорокъ два трупа. Это были почти исключительно бѣдные труженики, жители подваловъ или убогихъ лачугъ Гавани и дальнихъ линій Васильевскаго острова, «казенные люди»: будочники, матросы, сторожа при Таможнѣ, Горномъ корпусѣ, Академіяхъ—Наукъ и Художествъ, ихъ жены и дѣти... Тонули цѣлыми семьями, гнѣздами... и сердцемъ овладѣваетъ неизразимая грусть при просмотрѣ кладбищенскихъ списковъ, изъ которыхъ приводимъ нѣсколько выдержекъ: инструментнаго цеха мастеръ Ефимъ Журиковъ 68 лѣтъ съ женою Матроною 50 лѣтъ; семь человѣкъ матросовъ команды Канонерскаго острова; семейство мѣщанина Козлова: Татьяна Яковлева, Настасья, Катерина, Семенъ—Захаровы, Анна Семенова, Александръ Ѳедоровъ, младенецъ Татьяна. Семейство чиновника 1-го Кадетскаго корпуса Овчинникова, жена его Прасковья Васильевна 34 лѣтъ, дочери Елисавета 14 л., Вѣра 4 л. и сынъ Иванъ 5 л.; жена адмиралтейскаго работника Овчинникова Дарья 45 л. и дочь ихъ Степанида 13 л.; подмастерье

Академіи Художествъ Семенъ Суворовъ 45 л. и дочь его Степанида 20 л., дочери тит. совѣт. Седерченкова: Марѳа, Мавра и Екатерина и ихъ крѣпостная Параскева; крѣпостная г. Бибикова Агаѳья Сидорова 27 л. и сынъ ея Сергѣй 2 л. Вольноотпущенная женка Ульяна Тарасова 28 л. и сынъ ея Мануилъ 12 л. мн др.

Въ письмахъ И. И. Мартынова масса подробностей о томъ, какъ гибли несчастные мученики и мученицы. «У сосѣда моего Гофмана, въ подвалѣ плавали двѣ утонувшія женщины; у другого сосѣда Геракова потонуло семь человѣкъ: одна изъ этихъ жертвъ подноситъ ко лбу своему руку съ тремя сложенными перстами, чтобъ перекреститься; другая держитъ въ рукѣ двадцатипяти рублевую бумажку».—«Одна женщина, лишась пріюта, бѣжитъ по водѣ, выбирая для этого высокія мѣста, съ малолѣтней дочерью, но вода быстро прибываетъ... мать уже не находитъ возможности къ спасенію жизни дочери; о своей уже не думаетъ... вдругъ видитъ позади себя солдата, плывущаго на бревнѣ и бросаетъ къ нему черезъ голову свое дѣтище. Солдатъ подхватываетъ дитя, а бѣдная мать на его глазахъ погружается въ воду и утопаетъ».—«Одинъ армянскій священникъ на армянскомъ кладбищѣ на островѣ Голодаѣ) привязалъ себя въ церкви къ стѣнѣ веревкою, дабы, въ случаѣ если онъ потонетъ, то, по крайней мѣрѣ, не унесло бы его трупа безъ вѣсти, такъ какъ это и случилось дѣйствительно съ другими».

Самъ Мартыновъ былъ совершенно раззоренъ наводненіемъ. Вода, по его словамъ, начала на Васильевскомъ островѣ прибывать въ 8 часовъ утра; разлилась по 11-й линіи и достигла стѣнъ, а тамъ и оконъ его дома. Библіотека ученаго, болѣе тридцати лѣтъ имъ собранная, расплылась и унесена водою... «Прошло за три часа,—разсказываетъ онъ,—но вода все прибываетъ; казалось вѣтеръ свиститъ и свирѣпствуетъ еще сильнѣе; волны на очищенныхъ ими отъ заборовъ и всякаго лѣса огородовъ, вздымаются, какъ на морѣ; брызги воды отрываются отъ валовъ, сердитыхъ и бѣлыхъ, и часто пошатывается нашъ мезонинъ, и сердце замираетъ. Безъ сомнѣнія, сорвало бы и нашъ мезонинъ и насъ унесло бы, если бы съ той стороны откуда дулъ вѣтеръ, не было довольно высокаго сарая. Вдругъ затрещали въ залѣ и въ другихъ комнатахъ стекла и вотъ мимо моего дома несетъ сорванный парникъ, сарай, хлѣвъ или домикъ, съ живыми, или съ мертвыми, придавленными людьми, или животными; тамъ плывутъ на бревнахъ; влѣзаютъ на попадающіеся на дорогѣ деревья. Одинъ работникъ, сидя верхомъ на лошади и держась за ея уши, горько обливался слезами и прямо приплылъ къ намъ верхомъ. «Себя-то мнѣ не жаль,—говорилъ онъ, когда ввели его наверхъ,—а что подумаетъ хозяинъ, коли лошадь не сбережена». Вода, по словамъ Марты-

нова, была около его дома выше сажени. Прислуга его, жившая во флигелѣ, разломала потолокъ и вылѣзла на чердакъ, потому что вода была до самаго потолка и пробиралась уже на чердакъ...»

Сосѣдъ Мартынова спасся съ своей женой на большой двери, сорванной бурею; трепещущій мужъ держалъ въ рукахъ курицу, а жена—собачку. Они, какъ послѣ сами разсказывали, прощались другъ съ другомъ и приготовлялись къ смерти. Много ужасовъ видѣлъ Мартыновъ изъ оконъ своего дома: то человѣкъ спасается, плывя въ чанѣ; другой, ухватясь за гвоздь плывущаго домика, на которомъ балансируетъ кошка, или собака; далѣе оторванная дверь служитъ подпорою головѣ плывущей лошади и т. д.

Были и чудесные случаи спасенія людей отъ гибели почти неминуемой. Къ одному домовладѣльцу на Выборгской сторонѣ волнами принесло грудного младенца въ пустомъ сахарномъ ящикѣ. Утромъ, на другой день наводненія, онъ слышитъ дѣтскій крикъ, идетъ къ мѣсту, откуда онъ раздается, и находитъ ребенка, который улыбается... Нашедшій, конечно, оставилъ его у себя на воспитаніе.

Купецъ Ларіоновъ, жившій въ Чекушахъ, видя близкую гибель своего жилища, сколотилъ наскоро изъ бревенъ и досокъ плотъ, на который и перебрался съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми. Плотъ этотъ понесло бурею прямо къ дому брата его, но вдругъ порывомъ вѣтра онъ неожиданно раздѣляется, и на одной половинѣ остались дѣти, которыхъ и понесло черезъ Неву къ заводу Берда; здѣсь ихъ спасаютъ заводскіе рабочіе, а другую половину плота принимаетъ братъ Ларіонова.

Къ происшествіямъ, заслуживающимъ особеннаго вниманія, нельзя не отнести и слѣдующаго случая. Бѣдная вдова, жившая въ Гавани въ низенькомъ домикѣ, при наступленіи воды должна была со всѣми дѣтьми взлѣзть на крышу, но, къ ея ужасу, вскорѣ она увидѣла большое судно, съ быстротою несшееся прямо на ихъ домъ. Вдова, видя неминуемую смерть, уже отчаявалась быть живой, какъ вдругъ на ихъ счастье судно засѣло вблизи отъ нихъ между большими деревьями и стало для нихъ такъ удачно, что защитило ихъ не только отъ волнъ и наноса другихъ судовъ, но даже отъ вѣтра.

Другой чиновникъ, жившій въ той же Гавани, былъ вынужденъ во время наводненія со всѣмъ своимъ семействомъ перебраться на чердакъ, куда успѣлъ также втащить и необходимыя вещи. Вода, впрочемъ, все прибывала и уже касалась потолка. Несчастные стали помышлять перебраться на крышу, какъ вдругъ увидѣли несшееся на нихъ судно; ужасъ объялъ ихъ, и они уже ждали гибели, но судно набѣгаетъ на домъ и къ общей радости срываетъ только крышу съ потолкомъ...

Въ той же мѣстности, бѣдный чиновникъ, отправляясь на службу,

оставилъ больную жену съ большимъ семействомъ въ убогой лачужкѣ, приказавъ для плотниковъ, которые придутъ для поправки крыши, поставить въ печь большой котелъ съ картофелемъ. Печь еще не истопилась, какъ вода наполнила хижину; все семейство успѣло перебраться на печь, бѣдная мать ежеминутно видѣла съ ужасомъ, какъ вода все болѣе и болѣе прибывала и готовила ей съ дѣтьми неизбѣжную смерть. Дѣти стали просить ѣсть, мать вспомнила про картофель и съ трудомъ достала его изъ печки. Утоливъ голодъ, дѣти уснули. Къ счастью, вода не дошла на полвершка до того мѣста, гдѣ они сидѣли, и скоро сбыла. Настало уже утро, но никто не приходилъ освободить ихъ, тщетно они кричали и просили помощи. Наконецъ, на третій день крики ихъ услышали, и они были спасены отцомъ, который уже отчаявался ихъ найти въ живыхъ, такъ какъ вся та мѣстность была завалена хламомъ и развалинами домовъ, такъ что не видно было и слѣдовъ домика, и только черезъ двое сутокъ онъ могъ до него добраться. Дѣти и жена его все время заточенія питались картофелемъ.

Жена одного солдата пошла за покупками въ рынокъ и заперла комнату, оставивъ тамъ двухъ малютокъ своихъ. По дорогѣ она была застигнута водою и принуждена искать спасенія въ чужомъ домѣ. Съ разсвѣтомъ, на другое утро, спѣшитъ она домой, и съ горестью думаетъ, что не найдетъ въ живыхъ своихъ дѣтей. Но, отворяя двери, къ величайшей радости и счастью, она находитъ своихъ малютокъ, спящихъ на столѣ посрединѣ комнаты. Приходъ матери разбудилъ дѣтей, которыя ей разсказывали: «Мама, мы играли въ комнатѣ, и какъ вода стала входить сюда, то мы вскочили на стулъ, а потомъ на столъ. Насъ очень забавляло, какъ столъ началъ плавать по комнатѣ, а когда онъ сталъ подыматься, то мы не могли устоять на немъ, а легли и проспали, покуда ты не пришла къ намъ».

Въ одной изъ частей, болѣе другихъ потерпѣвшей отъ наводненія, жили три сестры, снискивавшія себѣ пропитаніе рукодѣльемъ. Двѣ изъ этихъ сестеръ долго трудились, отказывая себѣ часто въ необходимомъ для того, чтобъ отложить что-нибудь для своей младшей сестры на приданое. Такимъ образомъ, онѣ сберегли и накопили въ небольшомъ сундукѣ нѣсколько нужныхъ вещей изъ бѣлья и деньгами до 2,000 рублей. Неожиданное бѣдствіе умчало и разрушило все ими накопленное богатство. Полуразвалившаяся ихъ свѣтелка, кое-какъ державшаяся на нѣсколькихъ бревнахъ, была прибита волнами къ берегу, гдѣ подъ разнымъ хламомъ былъ найденъ сундучекъ, по раскрытіи котораго увидѣли чистое бѣлье, платье и деньги, бережно завернутыя въ узелокъ, но кому принадлежалъ сундучекъ, не было признака; въ вещахъ, впрочемъ, еще было найдено евангеліе, на бѣломъ листѣ котораго видна была

замѣтка, что оно подарено такой-то. И вотъ, эта-то надпись и дала возможность полиціи отыскать владѣлицъ сундучка и возвратить его имъ въ цѣлости.

Къ одному англичанину принесло водою, вырытый изъ земли гробъ его пріятеля, котораго онъ похоронилъ за два дня до наводненія. Отъ полиціи была повѣстка, съ объявленіемъ, если кто изъ обывателей нашелъ гробъ съ непогребеннымъ покойникомъ, унесенный съ Смоленскаго кладбища, и кто представитъ его, тому дано будетъ 500 руб. ассиг.

Убытки нанесенные наводненіемъ были неисчислимы. На биржѣ размокло 900.000 пудовъ муки, до 300.000 пудовъ сахарнаго песку, столько же соли; нѣсколько тысячъ берковцевъ кофе, бревна краснаго, сандаловаго, орѣховаго дерева, бочки растительнаго масла унесло водою; вина уничтожено на полмилліона рублей. На Васильевскомъ островѣ между 4-й и 5-й линіями потонулъ цѣлый гуртъ черкасскихъ быковъ. Домашняго скота крупнаго и мелкаго: лошадей, коровъ, свиней потонуло до 3600 головъ. Трупы ихъ были сожжены на островѣ Голодаѣ.

Кому горе, кому радость; гдѣ слезы—тамъ и смѣхъ. Пользуясь береговымъ правомъ, бѣдный людъ пользовался поврежденными на биржѣ товарами, въ особенности размокшимъ сахарнымъ пескомъ. Къ охотникамъ ловить рыбу въ мутной водѣ присоединились и мазурики. Одинъ изъ таковыхъ рыцарей промышленности забрался въ квартиру И. И. Мартынова.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ хозяинъ.

— Ищу вчерашняго дня!—отвѣчалъ тотъ мрачно.

Благотворительность—монаршая и общественная равнялась великости бѣдствія. Государь пожертвовалъ милліонъ рублей на пострадавшихъ и его благому примѣру послѣдовали богачи и знатные господа. Всего собрано было на пособіе неимущимъ и разореннымъ четыре милліона шестьдесятъ шесть тысячъ четыреста восемьдесятъ шесть рублей; эта сумма была выдана въ пособіе 53.529 человѣкамъ. На долю жителей одной Петербургской стороны досталось 634.351 руб. 86¼ коп.; Выборгской—до 100.000 руб.

Но выше и драгоцѣннѣе всякихъ денежныхъ пожертвованій были подвиги человѣколюбія и самопожертвованія, выказавшіе во всемъ блескѣ прекраснѣйшія стороны характера нашего русскаго народа. На вѣчную и добрую память потомства сохранимъ скромные имена этихъ героевъ.

Содержавшіеся въ рабочемъ домѣ арестанты во время наводненія были выпущены на свободу; не всѣ ею воспользовались, а большинство бросилось въ сосѣдній домъ у Сухарнаго моста спасать жившихъ въ немъ бѣдныхъ старухъ и по поясъ въ водѣ выносили ихъ.

Одинъ крестьянинъ спасъ четырнадцать человѣкъ; другой Иванъ Сысинъ, изъ квартиры Степана Морейскаго, въ которой воды было свыше двухъ аршинъ, черезъ разбитое окно, спасъ четырехъ старушекъ, изъ которыхъ одной было 90 лѣтъ.

Шкиперъ шкуны купца Бруна спасъ 23 человѣка. Кромѣ мичмана Бѣляева и флигель-адъютанта Германа, о которыхъ мы читали разсказъ А. П. Бѣляева, подвиги человѣколюбія совершили: аудиторъ Климовъ, спасшій 12 человѣкъ; капитанъ Скрыдловъ, спасшій на своемъ баркасѣ 100 утопавшихъ; мичманъ Миллеръ, плавая на катерѣ, по Галерной улицѣ и у Исаакіевскаго моста, вытащилъ изъ воды 12 человѣкъ. Секретарь Россійской Академіи Петръ Ивановичъ Соколовъ[1]) спасъ 15 человѣкъ, бросая имъ веревку изъ окна своей квартиры... Подвиги графовъ Милорадовича, Камаровскаго, генерала Бенкендорфа и многихъ другихъ особъ близкихъ къ государю, вполнѣ оправдали его выборъ ихъ въ попечители города... Наконецъ, не обойдемъ молчаніемъ и примѣра вѣрности долгу службы. Рядовой Преображенскаго полка Михаилъ Петровъ, стоявшій на часахъ у Лѣтняго Сада, въ самый разгаръ наводненія не оставлялъ своего поста, не рѣшаясь сойти съ мѣста до прихода ефрейтора. Послѣдній Ѳома Малышевъ съ большими усиліями, буквально «снялъ» исправнаго часового...

Памятникомъ благотворительности императора Александра I донынѣ сохранилась деревня «Афтово» на 4-й верстѣ Петергофской дороги. Это селеніе, подобно деревнѣ Волынкиной, было совершенно раззорено наводненіемъ. Когда государь пріѣхалъ на эти развалины, мужички съ воплями его окружили и одинъ старикъ, разсказывая о томъ, кто чего лишился, поштучно, говорилъ, вмѣсто слова у «этого»: «у афтова пропала лошадка; у афтова коровушка...»

— Ну, это все у «Афтова»,—сказалъ государь, принимая переиначенное мѣстоимѣніе за фамилію,—а что же у другихъ?!

Смѣясь недоразумѣнію, онъ назвалъ новую, имъ отстроенную деревню—«Афтово».

Чтобы вызвать улыбку на лицо читателя, послѣ печальныхъ разсказовъ, передадимъ забавный случай съ однимъ домохозяиномъ въ Коломнѣ, или на Петербургской. Улица, въ которой онъ жилъ, была, говоря сравнительно, пощажена наводненіемъ: высота воды едва превосходила аршинъ. Когда полиція раздала жестяные билетики съ надписью: «7-го ноября 1824 года» для помѣтки на наружныхъ стѣнахъ домовъ бывшей высоты воды, нашъ домохозяинъ, вмѣсто намѣченнаго мѣста, прибилъ досчечку аршина на два съ половиной отъ земли. Удивленный квартальный спросилъ:

---

[1]) Родился 24-го іюня 1764 года † 9-го января 1835 года. Погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

— Что это значитъ?

— Низко приколоченная досчечка не замѣтна,—отвѣчалъ тотъ,— да къ тому же ее и уличныя мальчишки исцарапаютъ.

Наводненіе, подъ названіемъ «потопа» въ теченіе многихъ лѣтъ было «эрою» у столичнаго простонародья.

1827—1833.

Наводненіе 1827 года, при возвышеніи воды лишь на 4 фута 11 дюймовъ, случилось ночью 29-го іюня: явленіе единственное, со времени существованія Петербурга небывалое.

Въ 1830 году, декабря 15-го въ 12 часовъ утра вода возвысилась до 5 футовъ и 1 дюйма: шести футовъ было бы достаточно, чтобы Нева сравнялась съ берегами.

Въ 1833 году 17-го августа при сильномъ вѣтрѣ вода стала быстро прибывать и достигла 5 футовъ, съ перемѣною вѣтра такъ же быстро пошла на убыль.

1834.

Годъ открытія Александровской колонны.

Наканунѣ этого торжества въ ночи съ 29-го на 30-е августа жестокая буря съ значительною прибылью воды разразилась надъ Петербургомъ. Августъ мѣсяцъ въ тотъ годъ былъ вообще богатъ жаркими и грозовыми днями; но подобной ночной грозы давно небывало. Приводимъ разсказъ о ней вдохновеннаго поэта В. А. Жуковскаго, воспѣвшаго Александра Благословеннаго при жизни и послѣ смерти.

«День наканунѣ былъ утомительно душенъ; въ ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздухъ давилъ какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева подымалась и былъ въ волнахъ ея голосъ; наконецъ, запылала гроза: молніи за молніями, зажигаясь въ тысячѣ мѣстахъ, какъ будто стояли надъ городомъ. Однѣ зубчатыми стрѣлами крестили небо; другіе вспыхивали, какъ багровые снопы; иныя широкимъ пожаромъ зажигали цѣлую массу облаковъ и на этомъ безпрестанномъ переходѣ изъ мрака въ блескъ, чуднымъ образомъ являлись и пропадали зданія, кровли и башни, и вырѣзывались на яркомъ свѣтѣ шатающіяся мачты кораблей и сверкала громада колонны, которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на озаренную кругомъ ея площадь и вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобъ снова блеснуть и исчезнуть. И въ этомъ явленіи было какое-то невыразимое знаменованіе: невольно испуганная мысль переносилась къ тѣмъ временамъ нашествія вражескаго, когда губительная гроза поднялась надъ Россіею, надъ нею разразилась и быстро исчезла, оставя ей славу и миръ. Было

что-то похожее на незыблемость Промысла въ этой колоннѣ, которая, не будучи еще открытою, уже стояла на своемъ мѣстѣ посреди окружающаго ее мрака и бури, твердая, какъ тайная воля спасающаго Бога, дабы на другой день, подъ блескомъ очищеннаго неба, торжественно явиться символомъ свершившагося Божія обѣта».

1852.

Подъ 1720 годомъ мы говорили о какомъ-то изувѣрѣ, мутившемъ народъ пророчествами, что весь Петербургъ будетъ разворенъ и погубленъ наводненіемъ. Черезъ 132 года выискался другой какой-то дуракъ, пустившій молву о необыкновенномъ, бѣдственномъ наводненіи. Кто былъ этотъ пророкъ, этого полиція не доискалась, но пророчество съ самаго конца лѣта ходило изъ устъ въ уста, изъ харчевень, портерныхъ и кабаковъ, переходя въ кухни и лакейскія; оттуда въ барскія комнаты, одинаково тревожа и темный людъ и просвѣщенныхъ людей. О предстоящемъ наводненіи говорилъ весь городъ, всѣ сословія: мудрено было тутъ найти виноватаго, а забирать всѣхъ говоруновъ было немыслимо:

«Яма надобна большая...»

какъ сказалъ Хемницеръ.

Съ первыхъ же чиселъ октября погода была очень бурная. Чуть не ежедневно проливные дожди при порывистомъ морскомъ вѣтрѣ, имѣвшемъ направленіе между NNW, W и SSW съ попеременною то возроставшею, то ослабѣвавшею силою. Эти лихорадочныя, атмосферическія колебанія отзывались на состояніи Невы, которая

«... металась какъ больной
«Въ своей постелѣ безпокойной!»

Рѣка и каналы подступали къ рѣшеткамъ и каменнымъ оградамъ набережныхъ. Въ неизбѣжности наводненія были убѣждены жители столицы всѣхъ классовъ и со дня на день ожидали катастрофы. Это чувство тоскливаго ожиданія тревожило даже лицъ высшей администраціи, на прямой обязанности которыхъ лежало успокоеніе жителей столицы... Легко сказать: «успокоеніе»; но на какихъ данныхъ было успокоивать? Ученѣйшій метеорологъ не могъ положительно сказать, что вѣтеръ перемѣнитъ румпъ, не перейдетъ въ штормъ, а повышеніе воды—въ наводненіе.

Вечеромъ, въ половинѣ октября, фонари на башнѣ Адмиралтейства и пушечные выстрѣлы съ крѣпости, извѣстили жителей столицы о новомъ, чуть не десятомъ приступѣ бушевавшей Невы. Это было въ самый разгаръ осенняго сезона: балы, рауты, театры, собранія въ клубахъ. Итальянская опера съ Гризи, Маріо, Тамберликомъ, Ронкони, Формесомъ. Именно при представленіи «Гугенотовъ», при громадномъ стеченіи публики въ Большомъ театрѣ

въ зрительную залу поспѣшно вошелъ тогдашній оберъ-полицеймейстеръ А. П. Галаховъ и громко сказалъ:

— Господа! Наводненіе... вода залила всю театральную площадь!

Поднялась суматоха (это было въ антрактѣ), мгновенно ложи и кресла болѣе чѣмъ на половину опустѣли; принужденный разъѣздъ происходилъ по площади на 1/4 аршина покрытой сплошной лужей. Наводненіе принадлежало къ числу небольшихъ и ограничилось 5 футами. Къ утру вода стала спадать, вошла въ свой ординарный уровень и во всѣ остальныя два мѣсяца 1852 года и слѣдовавшіе за ними двадцать семь лѣтъ не тревожила болѣе жителей Петербурга.

1879.

Высота воды при этомъ наводненіи, 24 августа, была на два фута ниже сравнительно съ наводненіемъ 1824 года. Благодаря возвышенію грунта въ Галерной гавани (Суворовскомъ участкѣ), оно не произвело тамъ прежнихъ опустошеній и, повсемѣстно, въ низменныхъ частяхъ города, не причинило громадныхъ убытковъ; пощадило и людей... Пострадали только вѣковыя деревья въ Лѣтнемъ саду, Екатерингофѣ и въ паркахъ на островахъ. Общая картина города, заливаемаго волнами разлива, тѣмъ не менѣе наводила ужасъ, и мы приводимъ правдивый разсказъ очевидца съ 2 часовъ до 7 пополудни, наблюдавшаго постепенную прибыль воды на Каменномъ островѣ и въ его окрестностяхъ.

«Погода, часовъ съ одиннадцати была именно такова, что идти изъ дому могла заставить только крайняя необходимость: порывистый вѣтеръ и проливной дождь затрудняли и пѣшихъ, и конныхъ. Въ центрѣ города ихъ неистовства еще не были особенно замѣтны. Сѣвъ въ Новодеревенскую конку на Михайловской улицѣ, я, въ числѣ десяти пассажировъ, доѣхалъ до Суворовской площади. Несносное дребежжанье оконныхъ стеколъ, обдаваемыхъ потоками дождя не заглушало воя вѣтра и подхватываемыхъ имъ отрывистыхъ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости. Доѣхавъ до Троицкаго моста, конка остановилась и кондукторъ предложилъ намъ выйти изъ вагона, перебраться черезъ мостъ и съ тѣми же билетами пересѣсть въ другой на Троицкой площади. Переходъ черезъ мостъ былъ крайне затруднителенъ. Его до такой степени вспучило наводненіемъ, что всходъ представлялъ крутизну сажени въ двѣ, совершенно скрывавшую другой берегъ. Съ этой крутизны плескали цѣлыя каскады ливня по ногамъ восходившихъ. Настилка моста, со скрипомъ покачиваясь на плашкотахъ, готова была ежеминутно быть разрушена. Вѣтеръ валилъ съ ногъ. Съ средины моста, гдѣ сторожевыя будки, видъ на бушевавшую Неву былъ страшенъ.

Громадные валы, мутные, какого-то гороховаго цвѣта, плескали на каменные парапеты набережной городской стороны и разливались по низменнымъ берегамъ стороны зарѣчной и крутили барки, едва державшіяся на якоряхъ. Выстрѣлы, сверкавшіе съ бастіоновъ крѣпости, какъ будто отражали неистоваго врага, намѣревавшагося взять ее штурмомъ; но штурмъ стихійный нельзя отбить подобно военному, онъ не уступаетъ пушечному огню.

«Пересѣвъ въ вагонъ, пассажиры поѣхали, чтобы не сказать поплыли, по Каменноостровскому шоссе: оно было покрыто сплошною лужей и канавки, переполненныя водою, лѣзли изъ береговъ. Огороды и садовыя заведенія съ поваленными заборами были залиты. Рѣчушка Карповка сравнялась съ берегами. Высадясь за Бетанкуровскимъ мостомъ, я пошелъ по набережной мимо дачи принца Ольденбургскаго. Мутныя волны, покрытыя щепами, полѣньями дровъ, обломками тростника и поломанными древесными вѣтвями, плескали на аллею и надвигали на берегъ ванну. Дворники ее отодвигали баграми.

— Убываетъ ли вода? — спросилъ я ихъ.

— Прибываетъ ежеминутно.

«Добѣжавъ до великолѣпной дачи Утина, я остановился, намѣреваясь дойти до той дачи, на которую мнѣ было нужно, чрезъ площадь Каменноостровскаго театра.

— Тамъ не пройдете, — сказала мнѣ какая-то женщина изъ-за садовой рѣшетки.—Площадь сплошь залита водой; березовая аллея, что идетъ отъ морской богадѣльни, берегъ Крестовскаго, Елагинскій паркъ сплошь залиты водою...

«На встрѣчу мнѣ, на пол-аршина высоты, несся потокъ. Вѣтеръ съ трескомъ ломалъ сучья на деревьяхъ. Мнѣ оставалось идти въ бродъ. По счастію, меня выручилъ ѣхавшій на телегѣ зеленьщикъ и за тридцать копѣекъ, за десять саженъ пути, довезъ меня до дачи, на которой жилъ мой отецъ, больной при смерти. На дворѣ, изъ сточной рѣшетки, вода брызгала фонтаномъ; дворъ былъ залитъ водою, доходившею до третьей ступеньки лѣстницы мезонина, который занималъ отецъ. Поваръ и прислуга переправлялись на сосѣднюю дачу на челнокѣ. Картинѣ наводненія много мрачности придавали, помимо сѣраго неба, раскачиваемыя порывистымъ вѣтромъ деревья, притронутыя осенней позолотой».

«Въ пятомъ часу вода пошла на убыль и къ ночи Нева вступила въ свой обычный уровень.

Послѣ 24 августа 1879 года наводненія въ такихъ размѣрахъ не возобновлялись въ теченіе девяти лѣтъ, но этотъ періодъ не порука за безопасность невскихъ прибережьевъ отъ наводненій.

КОНЕЦЪ.

ит
ер
!
Іо
ля
ес
од
ут
ш
те

ут
за
в
и
о
е
т
ц
а
в

DK 579 .K3
Lietopis Peterburgskikh navodn
Stanford University Libraries
3 6105 041 461 406

DK
57.
K3

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.